

"Влюбленный повеса"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Джоанна ЛИНДСЕЙ

ВЛЮБЛЕННЫЙ ПОВЕСА

ПРОЛОГ

Дождь не смыл вонь и не принес прохлады — жара только усилилась. В тесном переулке громоздились горы мусора: ящики, гниющие отбросы, коробки, битая посуда, всевозможный и никому не нужный хлам. Женщина с ребенком спряталась, заползла в большой ящик на краю кучи и затихла. Малышка не знала, зачем они прячутся, но чувствовала, как страшно ее взрослой спутнице.

Этот страх постоянно сквозил в голосе женщины, отражался на ее лице, в дрожи рук, которыми она обнимала ребенка. Он гнал их по ночам из одного переулочка в другой, а днем заставлял скрываться от людей.

Женщина велела называть ее мисс Джейн. Девочке это имя было незнакомо. Собственного имени она тоже не знала. Впрочем, женщина звала ее крошкой Дэнни — значит, так и надо.

Однажды Дэнни спросила, кем приходится ей мисс Джейн, и узнала, что та ей не мать, а няня. Что такое няня, Дэнни уточнять не стала: слово показалось ей смутно знакомым. Мисс Джейн была с ней рядом с самого начала, с тех пор как Дэнни помнила себя, то есть вот уже несколько дней. Однажды проснувшись, Дэнни поняла, что лежит рядом с мисс Джейн в каком-то грязном переулочке и что обе они перепачканы кровью. С тех пор они скитались по темным и замусоренным улицам и все время от кого-то прятались.

Испачкались они кровью мисс Джейн. Кто-то пырнул ее в грудь ножом и нанес еще несколько ран. Придя в себя, она как-то ухитрилась вытащить из груди нож, но перевязывать рапы не стала. Беспokoясь только за маленькую спутницу, она остановила кровь, сочившуюся из затылка Дэнни, и поскорее увела ее подальше от места, где они обе очнулись.

— Почему мы прячемся? — спросила однажды Дэнни, сообразив, что они делают.

— Чтобы он тебя не нашел.

— Кто?

— Не знаю, детка. Сначала мне показалось, что он просто вор, который решил избавиться от свидетелей. Но теперь не знаю, что и думать. Слишком уж настойчиво он разыскивает тебя. Но я уведу тебя в надежное место и спрячу. Больше он тебя не тронет, обещаю.

— А что он со мной сделал? Не помню...

— Память скоро вернется к тебе, крошка Дэнни, не волнуйся, но придется подождать. Слава Богу, родители этого не видят!

Дэнни ничуть не тревожило, что она помнит только, как очнулась в крови. Она была еще слишком мала, чтобы думать о прошлом или будущем. Ее мучило настоящее — голод, холод и слишком крепкий сон мисс Джейн.

Прежде чем уснуть, няня пробормотала, что было бы недурно порыться в соседней куче мусора, где может найтись что-нибудь полезное, но задремала, не договорив. В ящик они заползли среди ночи, и мисс Джейн проспала в нем весь день напролет.

Опять наступила ночь, а она все спала. Дэнни потрясла ее за плечо, но мисс Джейн не шевельнулась. Она стала совсем холодная и неподвижная. Дэнни не понимала, что няня мертва и что в ящике удушливо пахнет смертью.

Наконец Дэнни выбралась из ящика, решив смыть под дождем запекшуюся кровь. Быть грязной ей не нравилось — значит, она привыкла к чистоте и опрятности. Делая такие простые выводы, Дэнни приходила в замешательство, силилась вспомнить, что было с ней раньше, но не могла.

Чтобы чем-нибудь заняться, она стала рыться в мусоре, как собиралась сделать мисс Джейн, хотя и не знала, что искать — слово «полезный» она услышала впервые. В конце концов, Дэнни собрала несколько предметов, которые показались ей интересными: засаленную тряпичную куклу без одной руки, мужскую шляпу, которую нахлобучила на голову, чтобы дождь не заливал глаза, и щербатую, но еще хорошую тарелку. Потом нашла и пропавшая куклина рука.

Вчера мисс Джейн выменяла на свое кольцо немного еды. Для этого она куда-то уходила днем, прикрыв пятна крови большой шалью.

Дэнни не знала, остались ли у няни еще кольца, за которые дадут еду, а посмотреть не решалась. Но со вчерашнего дня у нее во рту не было ни крошки. Среди мусора попадались и объедки, но Дэнни к ним не притрагивалась — не из осторожности, а потому, что еще не успела настолько отчаяться. К тому же запах гнили вызывал у нее отвращение.

Наверное, она так бы и умерла от голода, забившись в ящик вместе с умершей мисс Джейн и терпеливо дожидаясь, когда та проснется. Но той же ночью Дэнни услышала, что кто-то копошится в мусоре, выбралась из своего укрытия и увидела незнакомую женщину. Женщиной ей показалась девчонка лет двенадцати, но поскольку ростом она была гораздо выше Дэнни, та причислила ее к взрослым.

Поэтому Дэнни обратилась к незнакомке робко и почтительно:

— Добрый вечер, мэ-эм...

От неожиданности девчонка вздрогнула.

— Ты что гуляешь в такой ливень, крошка?

— Откуда вы знаете, как меня зовут?

— Чего?

— Так меня зовут — Крошкадэнни. Ее собеседница хмыкнула:

— Ну, положим, не совсем так... Ты что, живешь здесь?

— Кажется, нет.

— А мать твоя где?

— У меня ее нет, — пришлось признаться Дэнни.

— А другие? Ну, родичи? На бродяжку ты не похожа. С кем ты живешь?

— С мисс Джейн.

— А, вот оно что, — закивала незнакомка. — А она куда девалась?

Дэнни указала на ящик, и ее собеседница с сомнением нахмурилась, обошла вокруг ящика, наклонилась над ним, присмотрелась и заползла внутрь. Дэнни осталась снаружи — заглядывать в ящик ей больше не хотелось. Внутри пахло противнее, чем от мусора.

Незнакомая девочка вылезла из ящика, тяжело вздохнула и передернулась. Потом наклонилась к Дэнни и слабо улыбнулась:

— Бедняжка... Больше у тебя никого нет?

— Она была со мной, когда я очнулась. Нас обеих кто-то избил. Мисс Джейн сказала, что меня ударили по голове и у меня отшибло память, но потом она вернется. А после мы прятались, чтобы тот человек нас не нашел...

— Что же теперь нам с тобой делать? Возьму-ка я тебя с собой — у нас не дом, просто много детей, есть и старшие. Живем, как умеем. Все мы зарабатываем себе на хлеб, даже такие малыши, как ты. Мальчишки чистят карманы, да и девчонки тоже, пока не подрастут и не начнут заколачивать монету, лежа на спине. Вот и мне скоро придется, если мерзавец Даггер не отстанет...

Последние слова прозвучали с таким отвращением, что Дэнни робко спросила:

— А это плохая работа?

— Хуже некуда, детка, и пикнуть не успеешь, как подхватишь какую-нибудь заразу и сыграешь в ящик. А Даггеру-то что? Ему лишь бы зашибить деньгу...

— Такая работа мне не нужна. Спасибо, я лучше останусь здесь.

— Даже не... — начала незнакомка и вдруг осеклась. — Слушай, что я придумала! Эх, жаль, сама не дотумкала раньше, но откуда же мне было знать? Мне-то уже поздно, а вот тебе в самый раз. Мы скажем им, что ты мальчишка.

— Но я же девочка.

— Само собой, крошка, а мы найдем тебе штаны,отрежем волосы... — Девчонка хихикнула. — Никто ничего и не заметит. Увидят, что на тебе штаны, и примут за мальчишку. Как в игре, понимаешь? Будет смешно, вот увидишь. А подрастешь — сама решишь, чем заняться, и никто тебе не скажет, что раз ты девчонка, у тебя одна дорога. Ну как, годится? Хочешь попробовать?

— В такие игры я никогда не играла, но я попробую научиться, мэм.

Собеседница Дэнни закатила глаза.

— Дэнни, ты что, не умеешь говорить по-людски? Дэнни хотела было ответить: «Извините, не умею», но смутилась и молча покачала головой.

— Тогда лучше молчи, пока не заговоришь, как я. А то тебя мигом раскусят. Не трусь, я тебя всему научу.

— А когда мисс Джейн поправится, она будет жить с нами?

Незнакомка вздохнула:

— Она умерла. Вся была в крови. Я накрыла ее шалью... ну-ну, не плачь. Теперь у тебя есть я.

Глава 1

Джереми Мэлори и прежде случалось бывать в тавернах, пользующихся дурной славой, но в такую он попал впервые. Поскольку таверна стояла на самой границе лондонских трущоб, неудивительно, что ее наводняли воры и головорезы, проститутки и банды беспризорников — несомненно, следующее поколение преступников, какими кишел большой город.

Обследовать сами трущобы Джереми не решался. Отважившись на такой шаг, следовало прежде попрощаться с родными и предупредить, что его, возможно, видят в последний раз. Но в эту таверну, больше похожую на воровской притон, ничего не подозревающие добропорядочные горожане заходили без опасений — заказывали кружку-другую, обнаруживали, что кто-то обчистил их карманы, а если по глупости оставались здесь ночевать, то лишались не только кошелька, но и всей одежды и прочего имущества.

За комнату Джереми уже заплатил. Мало того, он буквально сорил деньгами — угостил всех посетителей таверны, распорядился, чтобы музыканты играли не умолкая. Он рассчитал, что рано или поздно здесь его ограбят. Потому и явился сюда в сопровождении друга Перси — ловить вора.

Невероятно, но в кои-то веки Перси Олден держал рот па замке. Непривычное молчание болтливой и к тому же легкомысленной Перси можно было приписать лишь нервозности. А объяснить нервозность не составляло труда: если Джереми чувствовал себя в таверне как дома, поскольку именно в такой обстановке родился и вырос, пока в шестнадцать лет его не разыскал отец, Перси с рождения принадлежал к избранному обществу.

Джереми, если можно так выразиться, «унаследовал» Перси, когда два его лучших друга, Николас Иден и кузен Джереми Дерек Мэлори, обзавелись семьями и остепенились. А поскольку Дерек принял Джереми под крыло еще в ту пору, когда Джереми и его отец Джеймс вернулись в Лондон после долгожданного примирения Джеймса с родными, Перси привык выбирать Джереми своим спутником, отправляясь развлекаться в город, тем более в заведения, где сам он бывал редко.

Джереми не возражал. За последние восемь лет он успел сдружиться с Перси и привязаться к нему. Иначе не стал бы вытаскивать Перси из последней переделки: не далее как в прошлое воскресенье лорд Крэндел с партнерами обчистил Перси в карты до последней нитки. Незадачливый игрок лишился трех тысяч фунтов, экипажа и всех фамильных реликвий, в том числе и двух самых дорогих. Перси так ловко облапошили, что он ничего не помнил, пока на следующий день не узнал о случившемся от одного из гостей.

Перси вспылал гневом, и не без причины. Да, деньги и экипаж были справедливой платой за доверчивость, но два кольца — это совсем другое дело. Одно из них, старинное, было украшено фамильной печаткой, а второе, баснословно ценное, с целой россыпью драгоценных камней, передавалось в семье Перси на протяжении жизни пяти поколений. Перси и в голову не пришло бы поставить его на кон. Очевидно, его вынудили или заставили сделать это с помощью какой-то хитрой уловки.

И вот теперь кольцо принадлежало лорду Джону Хеддингсу. Перси вышел из себя, узнав, что

Хеддингс наотрез отказывается продать кольцо прежнему владельцу. В деньгах лорд не нуждался. В экипаже — тем более. А вот кольца считал трофеями, свидетельствами собственной ловкости и удачливости. Точнее, умения мошенничать — но Джереми не сумел бы доказать это, не увидев своими глазами.

Будь Хеддингс порядочным человеком, он отправил бы Перси спать, вместо того чтобы продолжать спаивать его, подбивая поставить на кон кольца. Сохранись у Хеддингса хоть капля порядочности, он позволил бы Перси выкупить кольца. Перси предлагал сумму, многократно превышающую их стоимость. В конце концов, он не бедствовал: отец оставил ему внушительное наследство.

Но поступать, как подобает порядочному человеку, Хеддингс не желал. Он дерзко посмеялся над Перси и под конец пригрозил ему расправой, если тот не перестанет докучать ему. И это настолько взбесило Джереми, что он решил не выбирать средств. Тем более что Перси был убежден, что за потерю колец мать никогда не простит его. Со дня досадного проигрыша он избегал встреч с ней, чтобы она ненароком не заметила отсутствия фамильных реликвий у него на пальцах.

С тех пор как друзья удалились в снятую на втором этаже таверны комнату, их пытались ограбить трижды. Все три попытки были до смешного неуклюжими, и Перси уже отчаялся найти вора, способного выполнить их поручение. Но Джереми не терял надежды. Три попытки за два часа — неплохо, значит, ночью будет предпринято еще несколько.

Дверь опять приоткрылась. В комнате было темно, в коридоре тоже. Если очередной грабитель хоть на что-нибудь способен, он обойдется и без света, заранее подождя, когда глаза привыкнут к темноте. Шаги прозвучали чересчур гулко. Чиркнула спичка.

Джереми вздохнул и одним гибким движением поднялся со стула у двери, где продолжал бдения. Ступая тише, чем явившийся в комнату грабитель, он мгновенно преградил ему путь. По сравнению с вором Джереми казался человеком-горой, хотя и незваный гость был далеко не щуплым уличным мальчишкой. Столкнувшись с неожиданным препятствием, грабитель с позором бежал из комнаты.

Джереми захлопнул за ним дверь. Разочароваться он так и не успел. Ночь только начиналась. У грабителей еще уйма времени для попыток. Если понадобится, он, Джереми, будет отпугивать одного за другим, пока не дождется мастера своего дела.

А Перси совсем приуныл. Он сидел на кровати, прислонившись спиной к стене, — лечь на местные серые простыни ему и в голову не приходило. Только по настоянию Джереми он присел на постель и притворился спящим. Но предупредил, что «одеялом укрываться не стану, благодарю покорно».

— Должен же быть другой способ нанять вора, — сетовал Перси. — Может быть, существует агентство найма?..

Джереми едва сдержал смешок.

— Терпение, старина! Я же говорил, что понадобится ждать всю ночь.

— Надо было спросить твоего отца... — проямлил Перси.

— О чем это?

— Да так, дружище, ни о чем.

Джереми покачал головой, но промолчал. Винить Перси за то, что он сомневался в способности Джереми справиться со столь сложной задачей, было невозможно: Джереми был на девять лет моложе Перси. К тому же болтуна Перси, начисто лишенного умения хранить секреты, никто не посвятил в тайну происхождения и воспитания Джереми.

В первые шестнадцать лет жизни и работы в таверне у Джереми обнаружилось немало неожиданных талантов. Во-первых, умение пить, не пьянея: Джереми мог свалить под стол одного за другим всех своих приятелей, выпивая с ними наравне, но оставаясь трезвым. Во-вторых, ловкость и удачливость в драках. Не следовало пренебрегать и способностью отличать на-стоящую угрозу от мнимой.

На этом единственное в своем роде образование Джереми не закончилось: узнав о существовании сына, Джеймс сам взялся за него. Но Джеймс Мэлори враждовал с многочисленной родней и вел в Карибском море беззаботную жизнь пирата — вернее, как он предпочитал себя называть, пирата-джентльмена. Тем временем Джереми занималось пестрое сборище — команда Джеймса, обучая мальчишку тому, чего в его возрасте не полагалось знать.

Обо всем этом Перси и не подозревал. В друге он видел только обаятельного повесу, к двадцати пяти годам повзрослевшего, но не утратившего обаяния: стоило Джереми войти в комнату, как он попадал под прицел влюбленных взглядов всех присутствующих женщин. Разумеется, кроме своих родственниц. Те его просто-напросто обожали.

Внешность Джереми унаследовал от своего дяди Энтони: знакомясь с ним, каждый мог бы дать голову на отсечение, что Джереми — сын Тони, а не Джеймса. Подобно дяде, Джереми был высок ростом и широкоплеч, мог по праву гордиться тонкой талией, узкими бедрами и длинными крепкими ногами. У обоих губы были сочными, подбородки — четко очерченными и надменными, носы — горделивыми, римскими, кожа — смугло-бронзовой, а волосы — густыми, оттенка эбенового дерева.

Но первыми взгляд притягивали глаза — отличительная черта лишь немногих мужчин семейства Мэлори: ярко-синие, с тяжелыми веками, с едва уловимым намеком на экзотический разрез, с бахромой пушистых черных ресниц, под густыми бровями вразлет. Цыганские глаза, унаследованные от прабабушки Джереми, Анастасии Степановф, — наполовину цыганки, о чем ее родные узнали только в прошлом году. Анастасия пленила Кристофера Мэлори, первого маркиза Хейверстона, и он женился на ней на второй день знакомства. Но это семейное предание знали только их прямые потомки.

Понять, почему Перси уже жалел, что не додумался обратиться к отцу Джереми, было несложно. Друга Перси, Дерек, Джеймс избавил от затруднений весьма щекотливого свойства. Перси не подозревал, что когда-то Джеймс был пиратом, зато прекрасно помнил, что Джеймс Мэлори во времена молодости слыл самым отчаянным лондонским задирой и щеголем. И разве нашелся бы в столице хоть один смельчак, способный бросить Джеймсу вызов, — будь то на ринге или на дуэли?

Перси поерзал на постели и опять притворился спящим. Все звуки в комнате стихли, друзья затаились в ожидании очередного грабителя.

Джереми задумался: стоит ли объяснять Перси, что в ближайшее время Джеймс ему ничем не поможет, так как уехал в Хейверстон в гости к брату Джейсону, через день после того, как у

Джереми появился новый городской дом? Сам Джереми не сомневался, что в поместье отец задержится на пару недель — из опасения, что в противном случае Джереми привлечет его к выбору и приобретению мебели.

Погруженный в мысли, Джереми чуть не упустил из виду тень, бесшумно скользнувшую через всю комнату к кровати. На этот раз он не слышал, как открылась дверь — сказать по правде, вообще не слышал ни звука. Если бы обитатель комнаты на самом деле спал, этот незванный гость не разбудил бы его.

Многозначительно улыбнувшись, Джереми чиркнул спичкой и поднес ее к свече, которую заранее поставил на стол возле своего стула. Вор мгновенно обернулся. Джереми вольготно развалился на стуле. Вор и не подозревал, насколько быстро Джереми способен сорваться с места в случае необходимости. Но и вор тоже не двигался: очевидно, такой встречи он не ожидал.

— Вот так так! — Перси поднял голову. — Неужели нам наконец-то повезло?

— Похоже на то, — отозвался Джереми. — Я не слышал ни звука. Это наш человек — точнее, мальчишка, если уж на то пошло.

Вор опомнился, и ему явно не понравилось услышанное; он подозрительно уставился на Джереми прищуренными глазами. Джереми не обратил на этот взгляд ни малейшего внимания. Он высматривал оружие, но вскоре решил, что вор безоружен. Разумеется, в карманах у самого Джереми лежало по пистолету, но доставать их он не торопился.

Ростом выше первых неудачливых грабителей, но заметно тоньше их, этот вор был еще очень молод — судя по гладким щекам, лет пятнадцати-шестнадцати. Очень светлые, почти белые волосы, выющиеся от природы, он коротко стриг. Бесформенная черная шляпа вышла из моды несколько веков назад. Темно-зеленый бархатный сюртук — несомненно, краденый — был невероятно засален, обтрепан и измят, как будто в нем постоянно спали. Когда-то белая рубашка еще сохранила на вороте остатки оборок, под длинными черными панталонами виднелись ступни, башмаков не было. Хитрый малый! Неудивительно, что он проскользнул в комнату бесшумно.

На заурядного вора неизвестный не походил — вероятно, причиной тому была его юношеская миловидность. От неожиданности он уже давным-давно оправился. Еще мгновение — и он метнулся к двери, но Джереми был начеку. Привалившись к двери спиной, он скрестил руки на груди. И расплылся в ленивой усмешке.

— Не спешите, юноша. Вы еще не выслушали наше предложение.

Вор вновь растерялся и уставился на него во все глаза. Наверное, его обезоружила улыбка Джереми, а может, расстроила собственная неудачная попытка бегства. На этот раз Перси заметил взгляд неизвестного и посетовал:

— Черт побери, он тарашится на тебя, как распутная девчонка! Нам нужен мужчина, а не ребенок.

— Возраст не имеет значения, старина, — возразил Джереми. — Главное — ловкость, остальное уже не важно.

Парнишка густо покраснел, оскорбленно нахмурился и впервые обернулся к Перси.

— Никогда не видал такого смазливого богача. Эпитет насмешил Перси — в отличие от Джереми.

Храбрец, который в прошлый раз назвал его «смазливым», недосчитался нескольких зубов.

— Кто бы говорил! Да у тебя самого девчоночье лицо, — парировал Джереми.

— И правда! — подхватил Перси. — Тебе не помешало бы отрастить бороду или хотя бы снизить голос на пару октав.

Это предложение вновь вогнало юношу в краску, и он пробурчал:

— Щетина пока не растет. Мне же пятнадцать... вроде бы. Просто длинный, вот и все.

Джереми мог бы посочувствовать пареньку — в первую очередь из-за этого «вроде бы», означающего, что юный преступник, подобно многим сиротам, не знает, когда родился. Но Джереми одновременно заметил две вещи. Голос неизвестного поначалу высоко взвился, а к концу фразы понизился, как бывает у мальчишек в тот трудный период взросления, когда у них ломается голос. И все-таки Джереми показалось, что он звучит неестественно — слишком уж правильно и рассчитанно.

Второе обстоятельство открылось при ближайшем рассмотрении гостя: он оказался не просто миловидным, а красивым. То же самое посторонние могли бы сказать о Джереми в таком возрасте, но красота Джереми была определено мужской, а у юного вора — несомненно женственной. И дело было не только в нежных щеках, пухлых губах и аккуратном носике — этим сходство с девочкой не исчерпывалось. Слишком плавные очертания подбородка, чересчур тонкая шейка, даже осанка беспощадно выдавали правду, по крайней мере на взгляд человека, знающего толк в женщинах, такого как Джереми.

И все-таки Джереми не спешил с выводами — пока, тем более что его собственная мачеха когда-то прибегла к той же уловке, благодаря чему и познакомилась с его отцом. Ей непременно нужно было попасть в Америку, и нашелся только один способ: стать юнгой на корабле Джеймса. Конечно, Джеймс с самого начала раскусил обманщицу, но изрядно позабавился, поддерживая игру и притворяясь, будто верит, что она мальчишка.

Джереми понимал, что он мог и ошибиться. Такой шанс существовал — ничтожный, но все же шанс. Правда, насчет женщин Джереми редко ошибался.

Но выдавать гостью ему было незачем. По какой бы причине она ни скрывала свой пол, это ее дело. От природы Джереми был любопытен, но давно усвоил, что терпение приносит самые щедрые плоды. И потом, от незнакомки ему требовалось лишь одно: ее ловкость.

— Как тебя зовут, малый? — спросил Джереми.

— Не ваше дело.

— Похоже, он еще не понял, как ему повезло, — вмешался Перси.

— Расставили капкан, и...

— Да нет же, это твой шанс подзаработать, — поправил Перси.

— Это ловушка! — твердо повторил вор. — Ничего мне от вас не нужно.

Джереми вскинул черную бровь.

— И тебе ничуть не любопытно?

— Нет, — непреклонно заявил вор.

— Скверно. Знаешь, чем хороши ловушки? Из них не выберешься, пока тебя не выпустят. Думаешь, мы тебя отпустим просто так?

— Рехнулись, что ли? Решили, что я здесь один? Да если я не вернусь, как обещал, за мной придут!

— «Придут»? Кто?

Вор ответил Джереми гневным взглядом. Джереми лишь безразлично пожал плечами. Он и не сомневался, что гостя состоит в воровской шайке — той самой, которая упорно посылала в эту комнату разведчиков, рассчитывая рано или поздно ограбить неосторожных богачей, сунувшихся на чужую территорию. Но искать пропавшую сообщницу эти люди не станут. Им гораздо интереснее заполучить туго набитый кошелек, а спасатели из них никудышные. Самое большее, на что они способны, — сообразить, что очередная попытка провалилась, что воровку заметили, схватили и убили, и найти ей замену.

Значит, уйти отсюда следует как можно скорее. Джереми перешел к делу просто:

— Сядь, малый, и я объясню, что ты натворил.

— Ничего я не...

— Как бы не так! В эту дверь ты вошел по своей воле, никто тебя не заставлял.

— Ошибся дверью, — заюлил вор. — Вы что, никогда по ошибке не заходили в чужую комнату?

— Без сапог — ни разу, — сухо сообщил Джереми.

Гость покраснел и выругался шепотом.

Джереми зевнул. Играть в кошки-мышки он любил, но не целую ночь напролет. А еще предстояла долгая поездка до загородного дома Хеддингса.

Подпустив в голос строгости, он приказал:

— Сядь, или я сам усажу тебя...

Договаривать не понадобилось: разоблаченная гостя буквально упала на стул. Очевидно, она смертельно боялась прикосновений. Усмехнувшись, Джереми покинул свой пост у двери и встал перед воровкой.

К его удивлению, Перси решил вмешаться и в кои-то веки проявил подобие здравого смысла:

— Почему бы нам просто не объяснить, в чем дело? Того, кто нам нужен, мы уже нашли. Лично я не хотел бы задерживаться в этом вертепе ни единой лишней минуты.

— Правильно. Найди мне что-нибудь покрепче.

— Зачем?

— Чтобы связать его. Или ты еще не заметил, что наш грабитель и не собирается оказывать нам содействие?

В этот миг неизвестная отчаянно рванулась к двери.

Глава 2

Джереми сразу понял, в чем дело: гостя решила еще раз попытать удачу, пока не поздно. Эту решимость он заметил в ее глазах прежде, чем она сорвалась с места. Но он очутился у двери первым, придавил беглянку своим весом и заодно решил выяснить, не ошибся ли он, и обнял воришку обеими руками. Он оказался прав. Под одеждой он почувствовал грудь — надежно прикрытую чем-то плотным, но безошибочно различимую на ощупь.

Продолжить исследования незнакомка ему не дала. Вырываясь, она повернулась к нему спиной, и это было удобнее, поскольку отпускать ее Джереми пока не собирался. Он и не ожидал, что сегодня в его объятиях окажется извивающаяся хорошенькая плутовка. Теперь, твердо уверенный, что перед ним девчонка, он от души развлекался.

— Надо бы обыскать тебя — на случай если ты припрятал оружие, — заявил Джереми, заговорщически понизив голос. — Да, пожалуй, следовало бы.

— Ничего у меня... — запротестовала девчонка, но ахнула и умолкла: мужская ладонь скользнула по ее телу ниже спины и замерла.

Вместо того чтобы похлопать ее по карманам, Джереми слегка сжал оба упругих полушария. Они оказались на редкость соблазнительными, и Джереми вдруг захотелось не просто ощупать незнакомку, но и крепко прижать ее к себе, стащить с нее дурацкие штаны, провести кончиками пальцев по коже, войти в теплую пещеру. Сейчас, когда он придерживал ее за попку, это было особенно удобно. Но Джереми не хотелось, чтобы девчонка узнала, как она возбуждает его.

— Это подойдет? — Голос Перси напомнил Джереми, что они с девчонкой тут не одни.

Со вздохом Джереми вернулся к насущным делам, силой усадил воровку на стул, склонился над ней, положив обе ладони на спинку, и прошептал:

— Сиди смирно, не то облапаю с головы до пят.

Он чуть не расхохотался — так поспешно она замерла. Но горящие глаза грозили ему отмщением. Джереми считал, что на убийство незнакомка вряд ли способна, но на какую-нибудь каверзу — вполне.

Обернувшись, Джереми увидел, что Перси рвет простыню, наконец-то найдя ей достойное применение. С его руки уже свешивалось несколько неровных полос ткани.

— В самый раз. Неси сюда, — распорядился Джереми.

Ему следовало бы выслать из комнаты Перси, но он передумал. Больше он и пальцем не прикаснется к этой девчонке, несмотря на то, что он мужчина, чувственный и страстный, и просто ничего не может с собой поделать. Сжав оба ее запястья в ладони, он обвязал их куском простыни. Руки незнакомки были горячими, ладони взмокли от страха. Понятия не имея, что

эти двое не причинят ей вреда, она готовилась к самому худшему. Джереми мог бы успокоить ее, но прежде надо было убраться отсюда, пока не подоспел очередной грабитель. С объяснениями можно и подождать.

С удовольствием прижимаясь к плечу незнакомки, Джереми заткнул ей рот и завязал ленты кляпа на затылке. Пожалуй, руки стоило связать за спиной, но доставлять гостье такие неудобства ему стало неловко. Удар кулаком в живот Джереми получил в самый неожиданный момент, но даже не разозлился: обидчице не хватило сил и места для хорошего замаха.

Не испытывая к гостье особого доверия, Джереми решил связать и ноги, но, присев на корточки, он рисковал получить пинок, поэтому пристроился на подлокотник соседнего кресла и взгромоздил обе ее ноги к себе на колени. Незнакомка слабо пискнула сквозь кляп и тут же затихла. Дотронуться до ее кожи Джереми на этот раз не удалось: она была разута, в одних носках. При виде ее длинных ног Джереми разволновался сильнее, чем мог предположить. Он метнул взгляд на незнакомку, надеясь заметить мерцание страсти в ее глазах, но ничего не увидел. Она была занята: пыталась ослабить веревку на запястьях и почти преуспела в этом деле.

Джереми предостерегающе взял ее за руку.

— Не вздумай! Иначе вместо моего друга тебя отсюда вытащу я.

— Что?.. А почему я? — обиделся Перси. — Ты гораздо сильнее, и я готов это признать. Только незачем — это и так очевидно.

Джереми хотелось самому вынести из таверны переодетую плутовку, но благоразумие вовремя напомнило о себе.

— Кто-то из нас должен позаботиться о том, чтобы нам не помешали убраться отсюда. Если хочешь, старина, можешь взять на себя такой труд. Впрочем, сомневаюсь, что ты останешься доволен.

— Чтобы нам не помешали?.. — нерешительно повторил Перси.

— Предупреждаю: мы идем не на прогулку.

Наконец сообразив, в чем дело, Перси выпалил:

— Верно! Не понимаю, о чем я только думал. С задирами ты справляешься гораздо лучше меня.

Джереми с трудом подавил смешок: в драки Перси никогда не вязывался.

Препятствия на их пути оказались немногочисленными. Только хозяин таверны, угрюмый громила, способный внушить робость кому угодно, окликнул тройцу.

— Эй вы! Поклажу оставьте! — рявкнул он.

— Эта «поклажа» чуть не обокрала нас, — возразил Джереми, надеясь мирно распрощаться с хозяином заведения.

— И что с того? Прибили бы сами да бросили наверху. Вам-то он на кой сдался? Только легавых мне тут не хватало!

Джереми предпринял последнюю попытку:

— Дружище, сдавать его в полицию мы не собираемся. К утру вернется домой целый и невредимый.

Здоровяк грозно двинулся в обход стойки к двери, намереваясь преградить им путь.

— Здесь свои правила. Положи, где взял, слышишь? Или не понял?

— Нет, Я из понятливых. Там, откуда мы прибыли, другие правила. И объяснять их незачем. Надеюсь, это ты понял?

Сразу сообразив, что этого противника голыми руками не одолеешь, Джереми выхватил пистолет и направил его в лицо хозяину таверны. Прием сработал. Здоровяк вскинул руки и попятился.

— Молодчина, — похвалил Джереми. — Своего воришку ты получишь обратно, как только...

— Никакой он не мой, — счел своим долгом поправить угрюмец.

— Не важно, — отозвался Джереми, пятась к двери. — Так вот, мы с ним покончим с одним дельцем, и он сразу вернется сюда.

Больше их никто не задерживал. В такой поздний час на пути им попала только старая пьянчужка, которой, однако, хватило ума при виде странной тройцы поспешно заковылять на другую сторону улицы.

Протащив вора на плечах четыре квартала, Перси совсем запыхался. Карету друзья решили не оставлять у таверны по вполне понятным причинам — к тому времени, как она понадобилась бы им, ее могло не оказаться на месте. Угол на расстоянии четырех кварталов, на хорошо освещенной улице показался им более подходящим, зато пришлось всю дорогу нести вора на себе. Неудивительно, что Перси сбросил свою ношу на пол кареты не слишком бережно — на это ему просто не хватило сил.

Забравшись в карету следом за Перси, Джереми понял, что ему остается только самому усадить спутницу на сиденье. Он доверил Перси нести ее, чтобы избежать искушения. Впрочем, одновременно удерживать на плече незнакомку и устранять препятствия все равно было бы невозможно. Джереми поделился работой с Перси потому, что уже понял: прикасаться к этой воровке опасно. Смотреть — одно дело. Это под силу даже сластолюбцу. А прикосновения слишком волнуют, на такую степень близости Джереми отзывался вспышками жгучего вожделения.

А он не хотел, чтобы его влекло к этой девчонке. Да, она миловидна, но она преступница; должно быть, она и выросла где-нибудь в уличной канаве. Ее повадки и привычки не выдерживают никакой критики, так что не стоит и думать о них.

Просить помощи было не у кого: бедняга Перси тяжело отдувался и, судя по виду, изнемогал. Джереми с обреченным вздохом потянулся к девчонке и тут же сообразил, что карета движется, за окнами проплывают предместья, — значит, можно не опасаться, что добыча удержит. Достаточно просто развязать незнакомку, а на сиденье она устроится сама.

Так он и сделал: сначала распутал узлы на ее чертовски стройных и изящных ногах. Потом занялся руками. К кляпу Джереми не притронулся. Девчонка избавилась от кляпа сама — в ту

же секунду, как ей развязали руки. И так же стремительно вскочила с пола и накинулась на Джереми.

Такого он никак не ожидал, хотя и помнил, что незнакомка уже пыталась ударить его. Он предвидел потоки оскорблений, рыдания, грубейшую брань, но не почти мужской поступок...

Конечно, она промахнулась. Застать Джереми врасплох было нелегко. Он вовремя отдернул голову, куда она метила, ее кулак косо скользнул по щеке и задел мгновенно занывшее ухо.

Прежде чем девчонка понесла заслуженное наказание, вмешался Перси и произнес донельзя сухим тоном:

— Хочешь отлупить его — лупи, дружище, только тихо. Я намерен подремать, пока мы едем.

При этих словах воровка метнулась к дверце. Джереми ухватил ее за воротник, резко дернул назад и усадил к себе на колени.

— Еще одна попытка — и ты просидишь здесь ближайшие несколько часов, — пообещал он, обхватив девчонку обеими руками так, что она замерла на месте.

Высвободиться она не могла, но, судя по всему, и сдаваться не собиралась. Из всех способов мести она выбрала наихудший: заерзала на коленях Джереми. Поза оказалась слишком чувственной и вызывала опасные мысли — о том, чем он хотел бы... нет, что он непременно сделал бы, оставшись с ней наедине. Медленно раздел, высвободил ее грудь, взял за плечи и погрузился в нее. Дьявол! Если она и дальше будет так скакать, ему придется на время выставить Перси из кареты.

Должно быть, незнакомка поняла, что ее усилия напрасны, примерно в тот же момент, когда Джереми осознал: еще несколько минут ерзанья и скачек на его коленях — и девчонка поймет, что натворила. Она раздраженно застонала, но ему этот стон показался скорее страстным. Джереми ссадил ее с колен так поспешно, будто обжегся. Господи, почему его так тянет к ней? С него довольно!

Девчонка упала на пол, быстро вскочила, села напротив Джереми, стянула на груди лацканы сюртука, отряхнула мешковатые штаны и затихла, глядя в сторону, но явно ожидая возмездия, обещанного Перси.

Целых пять минут Джереми выжидал, когда желание в нем утихнет, а голос зазвучит как обычно. Наконец он вытянул вперед ноги, скрестил их, откинулся на спинку сиденья, сложил руки на груди и объявил:

— Не трусь, малый. Мы ничего тебе не сделаем. Ты просто окажешь нам одну услугу и заодно разбогатеешь сам. Что может быть приятнее?

— Чтоб вы отвезли меня обратно.

— Об этом даже не заикайся. Нам и без того пришлось потрудиться, отлавливая тебя.

— Спросили бы сначала у меня согласия... милорд.

Титул был добавлен после паузы, презрительным тоном.

Теперь, окончательно удостоверившись, что Джереми ее не задушит, она опять посматривала

на него с оттенком восхищения. Он старательно отводил взгляд, надеясь, что в таверне его ввел в заблуждение тусклый свет. Но в ярко освещенной карете, сидя почти нос к носу, ошибиться было немислимо. Изумительные глаза незнакомки позволяли причислить ее к редкостным красавицам. Они были фиалковые — густого, насыщенного фиолетового оттенка — и составляли удивительный контраст с шапкой серебристо-белокурых кудрей. Необычно длинные ресницы были темнее волос, но ненамного, как и золотистые брови.

Джереми пытался найти хоть что-нибудь мужское во внешности сидящей напротив пассажирки, но так и не смог. У него не укладывалось в голове, как мог хоть кто-то принять ее за мальчишку. Впрочем, Перси считал, что с ними в карете едет хотя и смазливый, но все-таки парень. Видимо, все дело в ее росте, решил Джереми. Редко встретишь женщину, ростом не уступающую его отцу. Поэтому люди склонны считать всех высоких людей мужчинами.

Он по-прежнему пытался не проявлять к незнакомке такого же интереса, как к любой красивой женщине. Но эти глаза... Наконец Джереми сдался. Он непременно уложит ее в постель, притом сегодня же. Решено. В том, что девчонка ему не откажет, он не сомневался.

Уступив своей сладострастной натуре, Джереми мгновенно переменялся. Его считали обаятельным мужчиной, а он не скрывал своей чувственности; охваченный мыслями о плотских наслаждениях, он недвусмысленно обещал их взглядами.

Девчонка отвела глаза и зарумянилась. Джереми улыбнулся. Он знал, что эта победа достанется ему нелегко, однако румянец был красноречивее любых слов. Незнакомка не способна устоять перед ним, как всякая женщина. Но выдавать ее маленькую тайну Джереми не собирался. Пусть поиграет в юношу, пока они не останутся вдвоем.

Думая об этом, он ответил на последнюю реплику незнакомки:

— А ты спрашивал, согласны ли мы, чтобы нас ограбили? — Девчонка снова зарделась, и Джереми спокойно заключил: — Нет, полагаю, это не в твоих правилах. Так позволь объяснить, чего мы хотим и зачем, а уж потом решай, соглашаться или отказываться. Моего друга, присутствующего здесь, ограбили — но законным путем.

— Раз уж начали объяснять, так не мелите чепухи, — фыркнула слушательница.

И больше не добавила ни слова. Это обнадеживало. Очевидно, она решила дослушать Джереми до конца.

— Под «законным путем» я подразумевал игру в карты.

Опять пренебрежительное фырканье.

— Так это не грабеж, а дурость. Это разные вещи, приятель.

Джереми усмехнулся, девчонка смутилась, и улыбка ее собеседника стала многозначительной и понимающей. Он подробно объяснил, что виновник происшествия Джон Хеддингс играл нечестно и что именно ей, незнакомке, предстоит отплатить ему за это.

— Мы возем тебя в поместье Хеддингса, — продолжал Джереми. — Оно обширное, в нем целая армия слуг, поэтому хозяин убежден, что ни один вор в здравом уме не отважится ограбить его. Он прав. И в этом твое преимущество, парень.

— Как это?

— Даже если двери заперты, окна в такое время года наверняка открыты. А поскольку в доме никто не ждет грабителей, значит, и охраны там нет. Полночь уже миновала, слуги давно в постели, где просят до утра. Значит, ты без труда проникнешь в дом.

— Это еще зачем?

— Чтобы незаметно проскользнуть в спальню хозяина. Скорее всего Хеддингс будет там, но тебе не привыкать. Как и слуги, он наверняка спит — до утра еще далеко. Тебе представится случай показать, на что ты способен. То есть обокрасть этого человека.

— С чего вы взяли, что он не запирает все самое ценное в сейф?

— Он ведь не в Лондоне. В собственном поместье любой джентльмен чувствует себя в безопасности.

— Что это за реликвии, которые мне надо умыкнуть?

— Два кольца, очень старых.

— Рассказывайте, какие они, приятель, а то, не дай Бог, перепутаю.

Джереми покачал головой:

— Как выглядят кольца Перси, не важно. Нельзя взять только их: Хеддингс сразу поймет, кто подстроил эту кражу. Твоя задача, малый, — выполнить свою обычную работу, забрать все ценное, что только сможешь найти. Все, кроме колец Перси, можешь оставить себе — у Хеддингса наберется драгоценностей на тысячи фунтов, не меньше.

— На тысячи! — ахнула незнакомка. Джереми с усмешкой кивнул.

— Ну, теперь ты рад, что мы увезли тебя силой? Чудесные фиалковые глаза сощурились.

— Да вы болван, если думали, что за какие-то побрякушки, пусть даже дорогие, я ввяжусь в это дело, не спросив разрешения!

Джереми нахмурился, но не от оскорбления.

— Тебя держат на таком тугом поводке?

— У нас свои правила, а из-за вас я нарушил почти все.

Джереми тяжело вздохнул:

— Мог бы предупредить сразу.

— Я думал, хозяин таверны поможет. Такой громила, а трус.

— Кому охота получать пулю в лоб? — вступился за хозяина таверны Джереми. — Зато он сможет подтвердить, что тебя увезли силой. Так в чем же дело?

— Это вас не касается...

— Минуточку! Ты только что заявил, что это моя забота.

— Черта с два! Зарубите себе на носу: вы только что влезли в мою жизнь по уши. И больше не вздумайте, иначе разговорам конец.

Прошла томительная минута, прежде чем Джереми кивком выразил согласие — пока. Но портить жизнь сообщнице в его планы не входило. Придется потом отвезти девчонку домой и попробовать избавить ее от лишних неприятностей.

Подобных затруднений Джереми не ожидал, затея приобретала престранный оборот. Они предложили воровке шанс из тех, что выпадают раз в жизни. Любой карманник ухватился бы за него обеими руками и еще долго благодарил бы судьбу за неожиданный подарок. Так нет же, им попалась редкая птица — вор из банды с такими строгими правилами, что на любое, даже самое выгодное дело требовалось просить позволения. И это не укладывалось у Джереми в голове. Какая, черт побери, разница, кого, где и как ограбит вор, если он принесет в банду туго набитый кошелек?

Карета остановилась.

— Наконец-то! — вздохнул Перси и продолжал: — Удачи тебе, малый. Но ты справишься и без нее. Мы в тебя верим. Ты себе представить не можешь, с каким нетерпением я буду ждать тебя. Адски трудно прятаться от собственной матери, особенно если живешь с ней под одной крышей.

Джереми открыл дверцу и вытолкнул девчонку из кареты, не дожидаясь, когда Перси увлечется нудными и многословными жалобами. Карета стояла в лесу неподалеку от загородного дома Хеддингса. Джереми повел незнакомку через лес, крепко держа за локоть. Вдалеке показался дом.

— Я бы тоже пожелал тебе удачи, но ты и так обойдешься, — сказал он на прощание. — Я уже знаю, на что ты способен.

— А с чего вы взяли, что я не удеру домой, как только вы скроетесь из виду?

Джереми улыбнулся, не подумав, что в темноте спутница не увидит этого.

— Ты же понятия не имеешь, где мы сейчас. А время позднее. Мы доставим тебя обратно в Лондон, и чем быстрее ты вернешься, тем раньше окажешься дома. А являться домой лучше не с пустыми руками, а с карманами, набитыми сверкающими драгоценностями. К тому же...

— Хватит, приятель, — приглушенно перебила девчонка.

— Ты прав. Но дослушай до конца. Если по какой-то причине ты попадешься, не впадай в панику. Я отправляю тебя не в волчье логово. И обязательно вызволю тебя, что бы ни случилось. Можешь на меня положиться.

Глава 3

«Я отправляю тебя не в волчье логово»... Кого он надеялся облапошить? Он и есть волк. Зато теперь, когда его не было рядом и не приходилось смотреть в пронзительные синие глаза, к ней вернулась способность дышать.

Она чуть не выдала себя — этим дурацким румянцем, испугом, тем, что не сумела сдержать чувства.

Обычно с мужчинами она держалась свободно, как «один из них». С другой стороны, ей никогда не попадались такие джентльмены, как Мэлори. А его она сочла неотразимым. Ее бросало в краску при каждом взгляде на этого человека.

В такое смятение Дэнни пришла впервые в жизни — нет, пожалуй, во второй раз. Но в первый она была еще слишком мала, чтобы понять, какая опасность ей грозит, не признавала, что выжила, хотя должна была погибнуть, помнила только, что у нее нет никого в целом свете и никто не придет к ней на помощь.

Теперь она уже не одна, но больше ничто не изменилось. Несколько лет она прожила в напряжении, постоянно помня о своей тайне и остро сознавая, что она уже слишком взрослая и с каждым годом все меньше похожа на мальчишку. Рано или поздно кто-нибудь сообразит, что она обманывала всех вокруг.

Сначала хранить тайну было легко, гораздо проще, чем она думала, а все благодаря предусмотрительности Люси. Вся шайка накрепко запомнила первое появление Дэнни: в обтрепанных штанишках до колен, рубашке с чужого плеча, тесной курточке, той самой шляпе, найденной в мусоре, с коротко обрезанными волосами.

Дэнни сразу стала «одним из мальчишек». Вместе с ними она училась воровать, драться, узнавала все то же, что и они, но в отличие от остальных не спешила искать себе подружку.

Сейчас мальчишек в шайке было четырнадцать; они обосновались в ветхом доме, который снимал Даггер. За годы они сменили несколько домов, а когда с деньгами становилось совсем туго, селились в заброшенных сараях.

Даггер не любил подолгу сидеть на одном месте. В нынешнем доме было четыре комнаты: кухня, две спальни и большая гостиная. Одну из спален Даггер занял сам. Девчонкам досталась вторая — в ней они и спали, и принимали гостей. Остальные, в том числе и Дэнни, довольствовались гостиной.

За домом, на крошечном дворике, не росла даже трава, но малышам было где порезвиться. В детстве Дэнни тоже любила такие дворы, особенно когда научилась преодолевать врожденное отвращение к грязи. О купании не могло быть и речи — по крайней мере в общих лоханях, которые ставили посреди кухни раз в неделю. Когда удавалось, Дэнни ускользала на реку и мылась там. И не упускала случая подставить лицо и руки дождю.

Ее единственной подругой была Люси. Как Люси и опасалась, ей пришлось торговать своим телом по настоянию Даггера. Дэнни не нравились его приказы, но она понимала их логику. Миловидная Люси была слишком заметна в шайке карманников, жертвам не составляло труда запомнить ее лицо. Хороший карманник почти невидим в толпе. Раз Люси запретили воровать, чем еще она могла заработать на пропитание?

Как самый старший в шайке, Даггер был ее единственным вожаком. Поначалу своей властью он не злоупотреблял, против нее никто не возражал. Но похоже, Даггер вскоре решил, что его долг — чуть ли не каждую неделю устанавливать новые правила.

Дэнни никогда не спорила с ним. Она выполняла приказы, и не думая жаловаться. Только зорких глаз Даггера она опасалась — еще и потому, что лишь он да Люси остались в шайке с тех времен, когда Дэнни появилась в ней. Рано или поздно Даггер мог задуматься, почему у двадцатилетнего мужчины лицо по-прежнему гладкое, как у двенадцатилетнего мальчишки.

Самому Даггеру было лет тридцать или за тридцать, а он до сих пор возился с ребятней. И не

потому, что был неудачником. Годом к двадцати парни уходили в другие банды, члены которых имели право оставлять себе часть добычи, а не отдавать все главарю. На собранные деньги Даггер покупал еду, платил за жилье и временами приносил домой забавные безделушки — повеселить малышей. И сам Даггер мог бы заняться более прибыльными делами, но почему-то продолжал возглавлять ребячью шайку.

Несмотря на всю строгость, он был не злым человеком. Дэнни еще несколько лет назад поняла, что в его костлявой груди таится доброе сердце. Но Даггер считал, что главарь банды должен быть суровым и непреклонным. А Дэнни догадывалась, что он не столько вожак, сколько отец ей и остальным малышам. Потому-то он и не уходил в банду взрослых. К ним прибывались новые сироты, прежние подрастали и уходили. Всего набиралось не более двадцати, но и не меньше десяти человек. В том числе малышей, за которыми требовалось присматривать.

Правило номер один гласило: никогда не грабь богачей у них в домах. Это самый верный путь за решетку. К тому же легавые могли явиться в трущобы с облавой. Если бы они наткнулись на дом, полный ничейных сирот, это был бы настоящий провал. Даггер часто пугал маленьких подопечных рассказами об ужасах жизни в сиротских приютах. Он знал, что говорит, потому что сам когда-то сбежал из такого приюта. Сегодня Дэнни предстояло нарушить введенное им правило.

Вообще-то грабить богачей не возбранялось. Но только на улице, в тавернах, на рынке или в лавках, где они не заметят пропажу пары монет, а если и заметят, то решат, что случайно выронили их или потратили на какую-нибудь мелочь.

Второе правило предписывало вора́м работать только в хорошо знакомых местах. Даггер сам обследовал эти места и распределял своих подопечных, меняя их каждую неделю, чтобы детские лица не примелькались на улицах. Это правило Дэнни тоже должна была нарушить.

Третье правило относилось только к ней и еще нескольким товарищам, которые давно выросли из детских штанишек. Логика была проста: чем выше ростом становился карманник, тем труднее ему было запускать руки в чужие карманы. Поэтому рослым подопечным Даггер давал только особые поручения, а это случалось нечасто. На этот раз Дэнни ни у кого не спрашивала разрешения.

Чаще всего Даггер посылал ее в три таверны и один постоялый двор. А поскольку со своим цветом волос и глаз Дэнни выделялась в любой толпе, ей доставалась только одна работа — грабить спящих. Прежде ей всегда улыбалась удача, но, с другой стороны, ей ни разу не подстраивали ловушек.

Досадно, что это случилось именно с ней. Если бы в таверне попался кто-нибудь из мальчишек, Даггер наверняка простил бы его и обрадовался неожиданному богатству, свалившемуся на них с неба. Счастливчик еще долго ходил бы в героях. Но, узнав, что в ловушку угодила именно Дэнни, Даггер наверняка разозлится — он уже давно ищет повода задать ей трепку.

Вот уже почти три года Дэнни была с Даггером на ножах. Раньше они прекрасно ладили, перешучивались и смеялись, а теперь он, похоже, презирал ее. Даггер никогда не упускал случая осыпать ее упреками. Он, постоянно бранил ее, придирался, даже когда повода не находилось. Дэнни давно поняла: он выживает ее из банды и выживет наконец, как только подвернется случай. И вот он подвернулся.

Дэнни даже не понимала, почему Даггер злится на нее, помнила только, что это началось, когда она стала выше его ростом. Возможно, он считал, что вожаком должен быть самый

рослый человек в банде. Но рост самого Даггера едва достигал пяти футов и семи дюймов. К тому же Дэнни умела носить лохмотья, как элегантный наряд, а Даггер выглядел неприметно. И дети сразу замечали разницу. Многие подражали Дэнни и часто обращались к ней за помощью.

Может, Даггер опасался, что она захочет занять его место? Напрасно. Дэнни терпеть не могла воровать, а уж тем более посылать на такое дело других. Воровство всегда вызывало у нее неприятное, глубинное ощущение гадливости, от которого ей не удавалось избавиться. Правда, живя среди воров, выбирать не приходилось. Дэнни пыталась намекнуть Даггеру, что на его положение вожака она не претендует, но это не помогло.

Она могла бы солгать Даггеру, объяснить, что ее увезли из таверны в тюрьму, а она сумела сбежать, а по пути домой заблудилась. Даггер не имеет права выгонять ее из банды только потому, что ей подстроили ловушку! Дэнни решила ждать и надеяться на лучшее.

Ее тревожил не только предстоящий трудный разговор с Даггером. Еще одной причиной был лорд Мэлори. Рядом с ним Дэнни теряла способность даже дышать, не то, что рассуждать здраво. Мало того, при виде этого человека у Дэнни душа уходила в пятки: он гипнотизировал ее взглядом.

Никогда в жизни Дэнни не встречала подобных мужчин и даже не предполагала, что такие бывают. Он был не просто хорош собой. Дэнни не могла подобрать слов, чтобы описать его внешность. Пожалуй, правильно было бы сказать, что лорд Мэлори по-мужски красив, и от этого удивительного сочетания у нее захватывало дух.

Непонятно, как в таком смятении она вообще сумела разговориться с ним. При этом Дэнни точно знала, отчего у нее колотится сердце и дрожат пальцы. Она испытывала к лорду Мэлори плотское влечение, чего раньше с ней никогда не случалось. Мужчины пробуждали в ней любопытство, хотя оно, как правило, было мимолетным. Играя роль мужчины, Дэнни была вынуждена подавлять в себе неуместные желания, и это ей легко удавалось. Но только не сегодня. Этим и пугал ее лорд Мэлори.

Целых пятнадцать лет, всю свою жизнь, с тех пор как Дэнни себя помнила, она стремилась избежать участи Люси. Стремилась всеми силами только по одной причине: чтобы не стать потаскухой. Своего мнения об этом ремесле Дэнни не изменила. Люси быстро смирилась, да и раньше не протестовала, а Дэнни считала, что худшего унижения нельзя и представить.

Случись такое с ней, ее жизнь будет кончена, и не в переносном смысле — Дэнни давно решила: лучше умереть с голоду где-нибудь в глухом переулке, чем отдаться незнакомым людям за плату. Но вдруг появился мужчина, с которым Дэнни была бы не прочь сблизиться. Мало того, он смотрел на нее так, словно знал ее тайну, мог заглянуть в самую глубину ее души, а главное — изнемогал от желания дотронуться до нее. Конечно, у Дэнни просто разыгралась фантазия, но она никак не могла избавиться от ощущения, что он все знает. А когда на его лице возникала чувственная улыбка, сердце Дэнни неудержимо таяло.

Этот наверняка «милок». Словечко Люси. Всех мужчин она относила к той или иной породе — в зависимости от того, как они овладевали ею. Породам она давала уничижительные названия, среди них попадались и более чем красноречивые — например, «щекотуны» или «зверюги». «Торопыг» Люси особенно любила: они почти не отнимали у нее времени, справлялись со своим делом за пять минут и не успевали ни поздороваться, ни попрощаться. А вот «милки», говорила Люси — редкие птицы: они умеют не только наслаждаться, но и дарить удовольствие.

Он очень опасен, этот лорд Мэлори. Опасен для сердца Дэнни, ее душевного покоя и ее будущего. Чем скорее они увидятся в последний раз... нет, лучше бы им никогда не встречаться.

Глава 4

Поручение, которое дали Дэнни молодые лорды, казалось сущим пустяком по сравнению с ее тревогами, поэтому она и не сомневалась в том, что справится. Почти все окна огромного особняка были распахнуты настежь. Дэнни выбрала окно на торцевой стене особняка, забралась в дом, прокралась по коридору и поднялась по устланной ковром лестнице.

Все лампы были погашены, но в открытые окна ярко светила луна. Впрочем, Дэнни не нуждалась в освещении: она привыкла к кромешной темноте. Окно в конце коридора на верхнем этаже тоже было открыто.

Повсюду попадались закрытые двери. В таких громадных домах Дэнни еще никогда не бывала. Заметив, что по одну сторону коридора дверей больше, чем по другую, она рассудила, что за ними скрываются комнаты разного размера, а среди них и спальня хозяина.

Она не ошиблась: комната, которую она искала, обнаружилась уже за второй из приоткрытых дверей. В пользу догадки Дэнни говорили и размеры спальни, и едва различимая фигура на кровати. Хеддингс крепко спал, оглашая комнату гулким храпом. Дэнни досадливо поморщилась. Она гордилась своим умением ступать бесшумно, по-кошачьи, но здесь она могла не осторожничать: Хеддингс все равно заглушал любые звуки.

Она двинулась напрямик к высокому бюро. Во втором ящике обнаружилась шкатулка с драгоценностями — большая, едва помещающаяся в ящике. Шкатулка была не заперта и вообще не имела замка. Очевидно, лорд Хеддингс свято верил в то, что в собственном доме ему ничто не угрожает.

Подняв крышку шкатулки, Дэнни чуть не ахнула от сияния не только колец, но и браслетов, брошей, даже ожерелий. Почти все украшения были женскими. Карточные выигрыши? Впрочем, Дэнни было все равно.

Шкатулку Дэнни решила не брать, рассудив, что та слишком громоздкая и вынуть ее из ящика бюро будет нелегко. Сверкающими драгоценностями Дэнни набила карманы сюртука. Закончив, она пошарила ладонью по бархатному дну шкатулки, проверяя, не забыла ли какую-нибудь невзрачную безделушку. Не хватало еще выяснить, что среди награбленного нет фамильных реликвий Перси, и снова явиться сюда.

С этой мыслью Дэнни обыскала остальные ящики, но не нашла ничего достойного внимания. В ящиках письменного стола лежали только бумаги. Наконец Дэнни занялась туалетным столиком, где обнаружились толстая пачка купюр, золотые часы-луковица и еще одно кольцо, закатившееся за флаконы с одеколоном, будто его в досаде швырнули на столик. Все эти ценности Дэнни тоже прихватила, запихав деньги в карманы брюк: карманы сюртука уже переполнились.

Больше искать было негде. У ночных столиков по обе стороны кровати не было ящиков, мимо книжного шкафа Дэнни прошла равнодушно, уверенная, что человек, который держит в незапертом бюро драгоценностей на тысячи фунтов, вряд ли станет прятать что-нибудь среди книг.

С облегчением вздохнув, она уже повернулась к двери, но Хеддингс вдруг закашлялся. Дэнни

пригнулась, спряталась за спинку кровати. Кашель был надрывным и мог разбудить хозяина спальни. А если ему вздумается выпить воды из кувшина, стоящего в другом углу?

Дэнни надеялась, что в случае чего успеет юркнуть под кровать.

Кашель усилился. Похоже, хозяин дома поперхнулся. У Дэнни мелькнула страшная мысль, что он захлебнется и умрет, а ее отдадут под суд, признают виновной в убийстве и приговорят к повешению. Ладони миглом взмокли. Может быть, стоит помочь ему? Но страх парализовал Дэнни, а вскоре она поняла, что ничего глупее нельзя было и придумать.

Она подождала еще минуту и убедилась, что Хеддингс мирно спит. Гулкий храп на мгновение показался ей чудеснейшим из звуков. Но вскоре от него вновь зазвенело в ушах и закипело раздражение, и Дэнни поспешила покинуть спальню.

Внизу по-прежнему было тихо. Дэнни проскользнула в комнату, через которую забралась в дом, и кто-то вдруг прижал ее к широкой груди, зажимая рот ладонью. И напрасно: от испуга Дэнни не смогла бы издать ни звука. Она чуть не лишилась сознания...

И вдруг знакомый голос прошептал:

— Какого дьявола ты там так долго возился?

Он! Ее облегчение длилось всего секунду, потом уступило место бешенству. Дэнни вырвалась, оскалила зубы и яростно зашептала:

— Вы что, рехнулись? Что вам здесь надо?

— Я боялся за тебя, — последовал возмущенный ответ.

Дэнни приглушенно фыркнула. Наглая ложь! Он боялся, как бы она не удрала вместе с награбленным.

— Захотите снова напугать кого-нибудь до смерти, пугайте себя. С меня хватит.

— Кольца нашел?

— Об этом потом, — отмахнулась она. — Сначала надо выбраться отсюда.

— Верно, — согласился он, а Дэнни уже направилась к окну и по пути вдруг запнулась о край ковра.

Падение потрясло ее. Неуклюжей она никогда не была, да и ковер лежал ровно. Наверное, угол ненароком завернул Мэлори. Пытаясь удержать равновесие, Дэнни ухватилась за стоящий рядом высокий пьедестал с каким-то бюстом. Тяжелый пьедестал выдержал и помог выстоять ей, но бюст покачнулся и рухнул на пол.

Дэнни мысленно застонала. В ночной тишине такого грохота хватило бы, чтобы разбудить мертвого, не то что слуг, спящих на том же этаже. Обернувшись, чтобы велеть Мэлори немедленно бежать, она увидела, что в дверях стоит незнакомец и целится из револьвера в ее спутника.

От ужаса у Дэнни перехватило дыхание. Вооруженный незнакомец был полностью одет — вероятно, он подоспел еще до того, как бюст ударился об пол. Наверное, Мэлори разбудил его, когда пробирался в дом.

Незнакомец был вправе пристрелить обоих незваных гостей на месте, не разбираясь, кто они и что здесь делают. Так поступила бы и сама Дэнни, застав в собственном доме среди ночи двух чужих мужчин.

Мэлори стоял спиной к двери. Он метнулся вперед, чтобы поддержать Дэнни, но помедлил, увидев, что с ней все обошлось. Он по-прежнему смотрел на нее, но уже при свете: незнакомец держал в руке лампу. А до Мэлори, похоже, не доходило, что в комнате вдруг стало светлее.

— Не оборачивайтесь! — прошипела Дэнни еле слышно. — Если вас узнают — беда. Лучше бы выстрелил!

Собравшись с духом, она жестом велела Мэлори посторониться и сказала незнакомцу:

— Приятель, револьвер здесь ни к чему. Мы просто искали, где бы переночевать. Наша карета сломалась в соседнем лесу. Милорду показалось, что в вашем доме он когда-то бывал. Но он пьян в дым, так что не удивлюсь, если он ошибся. Мы стучали, но нам никто не открыл. А милорду море по колено: решил, что мы войдем сами и завалимся спать в гостиной — Хеддингс, мол, и слова нам не скажет. Так что, мы ошиблись? И здесь живет не Хеддингс?

Напряжение мгновенно исчезло с лица незнакомца. Он опустил револьвер, хотя и не убрал его. Дэнни сочла, что терять им уже нечего.

— Он все твердил, что это я виноват, раз у кареты отлетело колесо, а я еще месяц назад говорил ему: менять пора колеса, колымага того и гляди развалится. Конечно, ему легко спускать все до последнего гроша на девиц да карты, а про мое жалованье и не вспоминает!

Незнакомец кашлянул.

— Может, не стоило говорить все это при нем? Дэнни удалось рассмеяться.

— Да он еле на ногах стоит! Утром и не вспомнит ничего. Ума не приложу, как он еще не свалился.

— Кто он?

Такого вопроса Дэнни не ожидала, но нашлась мгновенно, вспомнив, как здесь очутилась:

— Лорд Кэрриуэй (От англ. carry away — увозить) из Лондона.

— Ну и пусть бы проспался в карете, — продолжал разговор незнакомец.

— Да мне-то что! Но в лесу я видел тени — может, звери какие, а может, и разбойники, кто их знает! Если бы милорда ограбили, он бы с меня шкуру спустил. А то и прогнал. По мне, лучше иметь работу, пусть и у лорда, который неделями не просыхает!

Последовала долгая пауза, и Дэнни уже почти не сомневалась, что незнакомец сейчас поднимет ее на смех и обвинит в наглой лжи. Она прикинула, в какую сторону бежать, а потом задумалась, сумеет ли пронырнуть между ног незнакомца, застав его врасплох.

— Сможешь втащить его наверх? — спросил незнакомец. — Там у нас несколько свободных комнат для гостей. И диван для тебя найдется.

Дэнни никак не ожидала, что ей поверят. Вероятно, ее собеседник сам был лакеем или дворецким и потому побоялся вышвырнуть знатного лорда за порог среди ночи. Он мог бы

запереть подозрительных незнакомцев до утра, а потом допросить их в присутствии хозяина. Но он, видно, был из доверчивых.

Удобный случай улизнуть через окно представился сразу же, как только незнакомец повернулся к ним спиной, показывая дорогу наверх. Но револьвер он так и не убрал. А Дэнни ничуть не хотелось получить пару пуль в спину. И потом, здесь она была не одна, и даже если бы ей удалось удрать, бросить Мэлори одного она не могла.

Слава Богу, Мэлори не издал ни звука. Если бы слуга понял, что он вовсе не пьян, все пропало бы. Либо Мэлори ловко играл навязанную Дэнни роль, либо так струсил, что лишился дара речи.

Нет, он не трус, подумав, решила Дэнни. Сегодня он не побоялся хозяина таверны — значит, не испугался и незнакомца слуги. Отчаянный смельчак — вот кто он такой. А еще шантажист, который втянул ее в эту историю.

Дэнни взвалила себе на плечо руку Мэлори, делая вид, будто помогает ему сдвинуться с места, и вдруг заметила, что в другой руке он держит пистолет. Значит, все это время он держал незнакомца слугу под прицелом! Завяжись перестрелка, они могли бы погибнуть оба!

Незаметно выхватив у Мэлори пистолет, Дэнни сунула его в карман и услышала негромкий смешок. Господи, за какие грехи ей послали этого недоумка!

Она зашипела:

— Надеюсь, пьяницу сыграть сумеете, приятель. Голову не поднимайте, чтобы вас не разглядели.

Втащить его вверх по лестнице оказалось нетрудно. В волнении Дэнни не замечала, как соприкасаются их тела, как тяжело опирается на нее Мэлори — но только когда оглядывается слуга. Остальной путь он проделал сам, даже поддерживал Дэнни, у которой от страха подкашивались ноги.

— Сюда, — сказал слуга и распахнул дверь. — Утром вашу карету починят, и поедете своей дорогой.

— Премного благодарен, приятель.

Слуга вошел в комнату следом за ними, зажег лампу и направился к двери. Оружие он выпустил из рук только на минуту, пока чиркал спичкой. Дэнни задумалась: неужели он ей все-таки не поверил? Едва дверь закрылась, она сбросила с плеча руку Мэлори и метнулась к порогу — послушать, ушел ли незнакомый слуга. И вместо удаляющихся шагов услышала негромкий щелчок ключа в замке.

Глава 5

Заперты в ожидании... что их ожидает?

Дэнни побледнела. Значит, ей не поверили. Или просто слуга оказался слишком осторожным?

Лучше бы он проявил осторожность и запер их до утра, до пробуждения хозяина. Но если он собирается караулить их всю ночь под дверью, хуже и быть не может.

Обернувшись к Мэлори, Дэнни увидела, что он с любопытством наблюдает за ней, приподняв бровь. Подскочив к нему, она прошептала:

— Он запер нас!

— Дьявол! — выпалил он.

— Точно, приятель. Так что идите-ка ложитесь и храпите погромче. Пусть подумает, что мы спим, и сам уйдет спать.

Дождаться, когда Мэлори выполнит приказ, она не стала. Снова подкравшись к двери, она легла перед ней на пол и заглянула в щель. И увидела по другую сторону двери башмаки. Слуга стоял за дверью и, должно быть, прислушивался.

Между тем в комнате было тихо. Дэнни недовольно обернулась и вопросительно уставилась на товарища по несчастью. Мэлори возвел глаза к потолку и презрительно скривился, недовольный поручением. И направился он не к кровати, а к окну — проверить, нельзя ли выбраться из дома через него. Но видимо, это было невозможно, потому что Мэлори вздохнул, сел на кровать, поерзал и издал несколько пробных звуков, напоминающих храп. Наконец удовлетворившись, он принялся нарушать тишину в комнате.

Дэнни чуть не рассмеялась. Занимаясь простейшим делом, Мэлори не скрывал отвращения. И поделом ему. Если бы он не забрался в дом, сейчас они не торчали бы здесь взаперти. Дэнни улизнула бы отсюда без труда, не поднимая шума, вместо того чтобы лежать на полу в надежде, что сон сморит подозрительного слугу и он покинет пост.

Но слуга, видно, страдал бессонницей. Пленников он явно собрался сторожить в коридоре всю ночь. Дэнни уже мерещился грохот захлопнувшейся за ее спиной двери тюремной камеры, и из глубин живота подкатывала липкая тошнота.

С нарастающим отчаянием она сама выглянула в окно. Мэлори вздыхал не зря: выбраться отсюда без веревки было невыполнимо. Поблизости не росло ни одного дерева, на стене не виднелось ни единого карниза или выступа.

Скрутить веревку они могли бы из разорванных на полосы простыней — эта мысль пришла в голову Дэнни, когда она вспомнила, как такими же полосами Мэлори связывал ее. Но обведя комнату взглядом, она поняла, что привязать веревку не к чему. Ни один предмет здесь не выдержит такую тяжесть, как ее спутник. Ее саму — может быть, но только не его. Можно обвязать веревкой ножки кровати, но кровать узкая и слишком легкая, с деревянной рамой. А если попытаться придвинуть кровать к окну, наверняка поднимется шум.

Внезапно Дэнни осенило: слуга ждет, когда погаснет лампа! В досаде она была готова лягнуть сама себя. Ее пьяный «хозяин» мог завалиться спать и при свете, но зачем понадобился свет трезвому «слуге», которому так не терпелось вздремнуть? Надеясь, что именно так и рассуждал их тюремщик, Дэнни погасила лампу, и точно: не прошло и десяти минут, как шаги удалились по коридору и затихли на лестнице.

Все это время Мэлори так изощрялся в искусстве храпа, что Дэнни расхохоталась бы, если бы не опасалась, что здесь они застряли на всю ночь. Слуга не доверял им, иначе не простоял бы под дверью так долго. Могло быть и хуже. Слуга вполне мог разбудить хозяина, вместе с ним обнаружить пропажу и найти драгоценности в карманах Дэнни. Из такой переделки никому не выбраться.

Она зашептала Мэлори:

— Наконец-то убрался. Подождем несколько минут, когда он ляжет.

— А что потом?

— А потом отопрем замок и удерем.

— Ты умеешь?

Дэнни фыркнула.

— А как же! И всегда держу при себе отмычку.

Она вынула из шляпы толстую булавку и принялась ковырять в замке. Открыть его оказалось пустяковым делом. Как любой замок в спальне.

Не прошло и нескольких секунд, как Дэнни объявила:

— Готово. Выйдем через парадную дверь. Раз слуга знает, что мы были здесь, можно оставить ее незапертой.

По дому она прокралась, не оглядываясь и не проверяя, следует ли за ней Мэлори. Едва очутившись снаружи, она сорвалась с места и остановилась, только добежав до леса. Но лишь затем, чтобы перевести дух и осмотреться. Заметить фонари кареты в густой листве удалось не сразу. К тому времени, как Дэнни разглядела их, ее догнал Мэлори.

Всю оставшуюся дорогу до кареты он вел ее за локоть. Дэнни попыталась вырваться, но ее спутник только крепче сжат пальцы. Он явно не доверял ей и подозревал, что она готова сбежать вместе с драгоценностями.

Поскольку на этот раз рядом не было вооруженного слуги, близость Мэлори показалась Дэнни невыносимой. Взвалить его руку на плечо раньше, когда они поднимались по лестнице в доме Хеддингса, ее заставил леденящий ужас. Но теперь от него не осталось и следа. А длинное тело Мэлори опять прижималось к ней, она ощущала прикосновение его сильной ноги, бедра, груди, понимала, что идеально помещается у него в руках, чувствована жар, исходящий от мужского тела — или от ее собственного? И невольно вспоминала, как дьявольски он красив, хотя в лесной темноте не могла разглядеть лица. Ей вдруг представилось, как в карете он скользил по ее телу взглядом манящих синих глаз, словно заглядывал ей в душу.

Если бы Мэлори остановился и повернулся к ней, она была бы готова на все. Ее сердце колотилось так гулко, что стук отдавался в ушах. Сейчас он остановится и прильнет к ее губам. Ее первый поцелуй — с самым прекрасным мужчиной на свете! Удовольствие должно быть неземным. Зная это, Дэнни тяжело дышала и дрожала от предвкушения.

Но Мэлори втолкнул ее в карету, остановившись только затем, чтобы распахнуть дверцу.

Донельзя разочарованная, но не желающая признаться в этом, Дэнни с недовольной grimасой плюхнулась на сиденье и зло уставилась на усевшегося напротив Мэлори. Сильнее всего она злилась на него за то, чего не произошло — точнее, произошло, но лишь в ее воображении. Но это не помешало ей мысленно возмущаться. А Мэлори ни о чем не подозревал. Кислую мину Дэнни он наверняка приписал чуть не сорвавшемуся ограблению.

— Ну и с чего это взбрело вам в голову? — спросила она. — Мы попались из-за вас, ясно? Если вы сумели пробраться в дом, могли бы и кольца забрать сами. Зачем вам тогда понадобился я?

— А в чем дело? — осведомился Перси, но ему никто не ответил.

— Ты не возвращался слишком долго, — хмуро возразил Мэлори. — Вот я и отправился за тобой.

— И десяти минут не прошло!

— Зато эти десять минут были бесконечными. Но сейчас это уже не важно.

— Из-за вас нас всех могли убить! Это тоже не важно?

— Что все-таки случилось? — снова вмешался Перси.

— Ничего такого, с чем не сумел бы справиться этот малый, — объяснил Мэлори и обратился к Дэнни, еще не успевшей загордиться от неожиданного комплимента: — Выкладывай, что принес. Посмотрим, стоила ли игра свеч.

— Сначала велите кучеру трогать, — возразила Дэнни, слегка смягчившись от признания Мэлори: с таким же успехом он мог напрямик заявить, что она спасла ему шкуру. — Задерживаться здесь опасно.

— Разумно, — согласился Перси и постучал в потолок кареты, подавая кучеру сигнал возвращаться в город. — Ну, не томите же!

Лорд Мэлори молчал, а Дэнни принялась выкладывать содержимое карманов на сиденье. Всю добычу, в том числе и пачку купюр, она сгребла в охапку и переложила на сиденье между двумя спутниками. И даже вывернула карманы, показывая, что больше у нее ничего нет.

Перси сразу высмотрел в куче какое-то кольцо древнего вида и схватил его с ликующим «Господи Боже мой, это оно!». Злополучную реликвию он одарил поцелуем, а потом с неприличной поспешностью надел на палец.

— Юноша, вы себе представить не можете, как я сам признателен! Вы... — Поток благодарностей внезапно прервался: Перси снова порывисто склонился над грудой драгоценностей. — А вот и второе! — объявил он, выживая второе кольцо.

— Мы благодарны тебе, парень, — закончил его мысль лорд Мэлори.

— В вечном долгу, — поправил Перси, широко улыбаясь Дэнни.

— Я бы не заходил так далеко, — предостерег Мэлори.

— Говори за себя, старина. Тебе-то не приходилось прятаться от родной матери.

— У меня ее нет.

— Тогда от Джордж.

— Логично, — ухмыльнулся Мэлори.

— От Джордж? — недоуменно переспросила Дэнни.

— Это моя мачеха.

— Ее зовут Джордж? — изумилась Дэнни.

Молодой лорд весело рассмеялся, его кобальтовые глаза заискрились.

— Точнее, Джорджина, но отец сократил ее имя вопреки всем правилам. Такая у него привычка, видишь ли.

Дэнни ничего не видела и не желала видеть. Она сделала то, о чем ее просили, вернее, чего у нее требовали. И больше не хотела иметь с этими господами ничего общего. Лишь бы ее отвезли домой, к Даггеру. Чтобы поскорее узнать, есть ли у нее еще дом.

Вспомнив о предстоящей взбучке, Дэнни помрачнела. Но ее спутники ничего не заметили. Их взгляды были прикованы к сверкающей груди.

Перси вытащил из нее овальный кулон, усеянный изумрудами и бриллиантами.

— Знакомая вещица, да? — спросил он друга.

— Несомненно. Я не раз восхищался бюстом леди Кэтрин, когда его украшал этот кулон.

— Вот бы не подумал, что она играет в карты да еще ставит на кон свои бриллианты!

— Она и не ставит. Я слышал, этот кулон украли у нее несколько месяцев назад, в Шотландии.

— Ты меня разыгрываешь, дружище?

Мэлори нахмурился:

— Нет. И этот браслет мне знаком. Могу поручиться, что кузина Диана надевала его на прошлое Рождество. Правда, о пропаже она не упоминала, но мне доподлинно известно, что в азартные игры она никогда не играет.

— Так ты хочешь сказать, что лорд Хеддингс — вор?

— А что тут еще скажешь?

— Но это же замечательная новость! Ты не представляешь, как я раскаиваюсь в том, что смотрел сквозь пальцы на эти отвратительные преступления.

Мэлори заметил, что при этих словах Дэнни страдальчески закатила глаза. И сам с трудом удержался от усмешки. Но следующий вопрос Перси отрезвил молодого лорда:

— Но как же нам теперь: быть?

— Тут мы ничего не сможем поделать, не подставив под удар себя и нашего юного друга.

— Очень жаль. Прискорбно видеть, как воры выходят сухими из воды, не поплатившись за... — Перси перехватил многозначительный взгляд Дэнни и закашлялся. — Разумеется, я не имел в виду присутствующих.

— Вы про себя? — съязвила Дэнни. — Выкрасть эти побрякушки предложил не я.

— Совершенно верно. — Перси густо покраснел. Но лорд Мэлори спас его, недовольно напомнив:

— Действительно, ты только пожелал опустошить наши карманы в таверне. Но вспоминать об этом не обязательно.

Казалось, ярким румянцем сразу двух пассажиров кареты можно разжечь жаровню. Дэнни предпочитала, чтобы последнее слово оставалось за ней. Но в нынешних обстоятельствах решила воздержаться от ответа.

Этот красавец не только ловок, но и недоверчив, иначе не последовал бы за ней в дом, чтобы не дать ей сбежать. А еще он хитер и умен. Дэнни уже не сомневалась, что эта кража — его затея.

Жаль. Лучше бы он был таким же легковерным, как его друг. Впечатление простака, которого легко обвести вокруг пальца, он производил лишь в первые минуты знакомства. Если бы не он, Дэнни сумела бы выпутаться из этой истории. И улизнула бы в два счета, если бы Мэлори не был так чертовски привлекателен. Рядом с ним у нее путались мысли, особенно под пристальным взглядом его ярко-синих глаз. Все ее хитрость и ум куда-то улетучились, а она превратилась в растерянную и неуклюжую дуреху и чувствовала себя не в своей тарелке.

Глава 6

Возвращение в столицу по какой-то причине заняло гораздо больше времени, чем поездка в поместье Хеддингса. У Дэнни не было часов, но она не удивилась бы, увидев, что за окном уже светает. Она изнемогала от усталости и непривычных волнений. И от голода. А дома ей еще предстоял нешуточный скандал.

Самое лучшее, если Даггер спит, — тогда и ей удастся вздремнуть. На свежую голову легче выдумывать оправдания или даже махнуть рукой на правдоподобность и лгать.

Перси преспокойно уснул. Дэнни хотела бы последовать его примеру, но не решилась, поскольку лорд Мэлори спать не собирался. Нападений с его стороны Дэнни не боялась — просто хотела оставаться начеку и улизнуть при первом же удобном случае, как только карета приблизится к знакомым местам.

Дэнни твердо знала, что ее отпустят, ведь свою работу она выполнила, но сомневалась в том, что ее привезут туда же, откуда увезли. Зачем им делать такой крюк, да еще по трущобам? А если ее высадят в незнакомом районе, она мигом заблудится и проплутает полдня. Дэнни выросла в Лондоне, но город был огромным, а она хорошо знала лишь те места, где часто бывала.

Неладное она почуяла в ту же секунду, как встретила взглядом с лордом Мэлори. Его глаза подтвердили ее догадку. Он что-то задумал. Слишком уж пристально он смотрел на нее.

— Кстати, где ты оставил обувь?

Вопрос изумил Дэнни. Совсем не этого она ожидала, поглядывая на глубокомысленные морщины у него на лбу. С другой стороны, странно, что он только теперь вспомнил об обуви и ей пришлось идти по лесу в носках. А еще раньше Мэлори связывал ей ноги. Если он не слепой, он должен был заметить, что обуви на ней нет.

— Вот мои башмаки, — ответила она, поднимая ногу и показывая мягкую кожаную подошву,

приштую к носку.

— Оригинально.

Дэнни слегка покраснела, но только потому, что искренне гордилась своей импровизированной обувью. Она смастерила ее сама. Были у нее и обычные башмаки — расхаживая по городу днем в носках, она неизбежно привлекала бы внимание. Носки с кожаной подошвой она надевала, только когда шла на дело.

— Можно взглянуть? — спросил Мэлори. Дэнни поспешно спрятала ноги под сиденье, как можно дальше от Мэлори, и ответила ему воинственным взглядом. Он только пожал плечами. И снова удивил ее, продолжая:

— А ты неплохо соображаешь! Ловко ты придумал, как вывернуться, да еще стоя под прицелом. Лорд Кэрриуэй, надо же! — И он усмехнулся.

Дэнни пожала плечами:

— Подошло, вот и все.

— Да уж, — согласился Мэлори, любопытство которого не угасало. — И часто ты попадаешься? И спасаешься благодаря хорошо подвешенному языку?

— Нет. Меня еще ни разу не ловили... до этой ночи. А сегодня сцапали дважды, и все из-за вас.

Мэлори негромко кашлянул. Не напомнив, кто и в чем виноват, он перешел к делу.

Взяв из груды драгоценностей кулон и браслет, о которых недавно шла речь, он сказал:

— Я хотел бы вернуть эти вещи законным владельцам — разумеется, анонимно. — Он прокашлялся и почти смущенно добавил: — Ты не возражаешь?

— С какой стати?

— Но ведь эта куча твоя.

Дэнни фыркнула. Она уже решила, что не возьмет ни единой побрякушки. Слишком уж свежи в памяти были страшные, хоть и воображаемые, картины суда и смерти на виселице. А теперь, узнав, что драгоценности дважды краденные, она утвердилась в своем решении и напрямик заявила о нем:

— Одно дело — сбывать то, что украли в первый раз пока хозяева не успели спохватиться. Но иметь дело с дважды краденным — все равно что самому сдаваться полиции. Эти вещи уже разыскивают, если не все, то некоторые. Лучше я выброшу их в окно, чем прикоснусь к ним снова.

Мэлори покачал головой:

— Так не пойдет. Тебе пообещали целое состояние.

— Хватит об этом, приятель. Если я чего-нибудь захочу, то скажу.

Господи, его взгляд снова стал чувственным, обжег ее, лишил воли и спутал мысли! Если она осмелится в эту минуту открыть рот, то ляпнет безнадежную глупость. Но как ему удается

подчинить ее себе одним взглядом? Что такого она сказала или сделала? Может, все дело в этом «захочу»? Значит, он догадался, кто она такая... но ведь этого не может быть! Этому не знает никто. И для него это тайна. Она уже давно отвыкла вести себя как женщина. Слишком долго она играла мужскую роль, знала, чем может выдать себя, и не допускала ошибок.

Мэлори снял ее с крючка, притушив страстный блеск глаз. Почему она вдруг съежилась? Он взял с сиденья пачку банкнот, провел по ним большим пальцем и бросил на прежнее место.

— Здесь и сотни фунтов не наберется, но думаю, на первое время хватит.

Почему он так уверен, что они еще увидятся?

— Таких деньжищ сразу я еще никогда не видел, — поспешила заверить Дэнни. — Мне хватит.

Он только улыбнулся. Дэнни повернулась к окну. И изумленно вытаращила глаза, обнаружив, что карета уже катится по Лондону.

Улиц она не узнавала, но все-таки попросила в отчаянии:

— Высадите меня здесь, приятель. Дальше я доберусь сам...

— Ни в коем случае, малый. Я доставлю тебя прямо к двери и, если понадобится, объясню, где ты пропал, чтобы тебе не влетело. Но сначала отвезем домой Перси. Это недолго.

А потом она останется наедине с ним, и он опять будет раздевать ее взглядом? Ни за что!

— Да я приврал, — притворно-небрежным тоном объяснила она. — За такую добычу мне простят все.

— Я настаиваю, — заявил Мэлори, не купившись на ложь. — Меня замучит совесть при мысли, что из-за нас поплатился ты.

— Какое мне дело до вашей совести? — огрызнулась Дэнни. — Вы позабавитесь, а мне потом расхлебывать. Нет уж, хватит с меня. А о том, чтобы я привел вас туда, где мы живем, даже не просите. Изобьют до полусмерти и выбросят умирать в глухой переулок, и то если повезет.

— Ты ждешь побоев за...

— Не меня, — перебила она многозначительно.

Мэлори хмыкнул:

— Ладно, я все понял. Но до таверны я тебя провожу. Это самое меньшее, что я обязан сделать.

Дэнни понимала, что такой малостью он не удовлетворится, поэтому твердо заявила:

— Нет.

— А я и не прошу разрешения, любезный.

Дэнни открыла рот, готовая разразиться бранью, сообразила, что этим ничего не добьется, и решила приберечь силы на всякий случай.

Глава 7

Дэнни пришлось долго ждать, когда Мэлори отвернется. Наконец дождавшись, она не стала терять ни секунды: метнулась к дверце кареты, распахнула ее и бросилась в переулок.

Как она и рассчитывала, бегство прошло успешно — разве что она не пригнулась в дверях кареты. В экипажах Дэнни ездила нечасто, а в таких роскошных — никогда, поэтому забыла про свой рост и невысокую дверь. Ей еще повезло: от удара она потеряла только шляпу, а не сознание.

Шляпы ей было жалко. Этим трофеем, отвоеванным в драке в прошлом году, Дэнни гордилась. Шляпа придавала ей «шикарный», по ее мнению, вид, а это льстило ее женскому тщеславию. Теперь шляпа лежала на полу кареты, и о том, чтобы ради шляпы встретиться с ее пассажиром, не могло быть и речи.

Переходить на шаг она пока не решалась, тем более что задохнуться не успела. Но через квартал рассудила, что лучше все-таки не доводить себя до изнеможения, и тут услышала за спиной чьи-то быстрые шаги. Оглянулась и снова припустила во весь опор.

Дэнни просто не верила своим глазам. Проклятый богач гнался за ней! И быстро нагонял. Но ведь он должен был давно задохнуться, выбиться из сил и отстать!

Зачем она ему? С делом они покончили. Дэнни выполнила все, что от нее требовали, а ее доставили обратно в Лондон. Какого же черта он рвался отвезти ее домой, хотя она вовсе не желала показывать, где живет?

Проклятый лорд гнался за ней еще три квартала! Дэнни уже едва дышала. Со своими длинными ногами он медленно и неуклонно настигал ее. Она была уже готова сдаться и остановиться, но вдруг за углом поравнялась с приближающимся кебом. За те несколько секунд, пока Мэлори не видел ее, Дэнни успела нырнуть под кеб, ухватиться за его раму и упереться во что-то ногами. Повиснув над самой мостовой, она с нетерпением ждала, когда ноги Мэлори пробегут мимо.

Под кебом Дэнни проехала несколько кварталов. Мэлори продолжал преследование, но теперь они удалялись друг от друга, расходились в противоположные стороны. Дождавшись, когда кеб свернет за угол, Дэнни выскочила из-под него.

Она по-прежнему тяжело отдувалась, сердце колотилось, голод стал почти нестерпимым, усталость навалилась мгновенно. Если бы Дэнни не боялась отдалить возвращение домой, она забрела бы в глухой переулок, забилась в какой-нибудь угол и проспала весь день.

Конечно, она заблудилась — в этой части города она еще ни разу не бывала. Она то и дело ловила любопытные взгляды. Без шляпы ее шапка блестящих светлых кудрей выделялась в толпе, как маяк, особенно с темно-зеленым бархатным сюртуком. Замечая, как вслед ей оборачиваются, Дэнни чувствовала себя неловко.

Лишь спустя час она нашла знакомый ориентир, перестала бродить кругами и двинулась в верном направлении. Еще через полтора часа она доковыляла до дома, полумертвая от усталости.

По пути домой Дэнни не покидало ощущение, что ее преследуют. Она твердо знала, что сумела улизнуть от Мэлори, но это был не он. Оглядываясь, она видела незнакомых людей, занятых своим делом. Но повсюду было полно переулков и тупиков, в которых легко мог скрыться тот, кто решил проводить ее до дома. Наконец Дэнни разозлилась, выругала себя за глупость и решила, что усталость и воображение сыграли с ней шутку.

А еще ее грызла тревога. Наверное, поэтому она то и дело вздрагивала и ей мерещилось невесть что. Тревога усиливалась по мере приближения к дому, потому что Дэнни уже всерьез сомневалась, что у нее есть дом.

Тайрус Дайер не верил своим глазам. Должно быть, он свихнулся. Ведь он твердо знал: за столько лет эта женщина просто не могла не постареть! Значит, перед ним либо призрак, либо девчонка, которую он считал мертвой. Если же это не она, стало быть, он спятил. Оставалось признать, что девчонка выжила. И выросла точной копией матери.

Тайрусу посулили щедрую награду за убийство всех троих — девчонки, ее матери и отца. Разделаться с отцом было проще простого. И его дочку Тайрус без труда отправил бы на тот свет, если бы не нянька, которая отбивалась, как демон. Тайрус уже думал, что смертельно ранил ее, а она ухитрилась схватить его дубинку и оглушить его! Без чувств он провалялся недолго, а за это время нянька успела увести девчонку из дома и где-то спрятать.

Нигде не найдя беглянок, Тайрус решил, что они забились в какую-нибудь дыру и испустили дух — значит, трупы никто не найдет. Но тому, кто задумал убийство, этого было мало. Здесь были замешаны большие деньги, и тот тип так разозлился на Тайруса, что не заплатил ему и даже попытался пристрелить. Тайрус предвидел это, сумел увернуться от пуль и бежал.

Однако вскоре пришла очередь Тайруса злиться на себя. Одно за другим он упускал прибыльные предложения. Удача повернулась к нему спиной — казалось, это над ним насмеяется злополучная сделка, условия которой он не выполнил. Как бы там ни было, он испортил все дело. С тех пор его вышвыривали, не заплатив, так часто, что он сбился со счета.

И вдруг ему представился случай отомстить злой судьбе. Зло перестало быть иллюзорным, обрело плоть и кровь. Ему дали еще один шанс. Тут требовалось как следует подумать. Поспешив, он мог окончательно все испортить. Зато он выяснил, где она живет. Кто бы мог подумать, что все эти годы она скрывалась в трущобах! Он еще вернется...

Глава 8

Последняя надежда на то, что Даггер спит, улетучилась бесследно. Солнце давно уже взошло. И Даггер восседал за кухонным столом, попивая чай, который заварила ему Нэн. В комнате сидели шестеро детей, не считая пары спящих. Заметив, каким взглядом Даггер встретил Дэнни, все дети дружно заспешили во двор.

Дэнни добрела до кухни и плюхнулась на стул напротив Даггера.

Внешне он был невзрачным, но длинный шрам на подбородке и короткий под левым глазом придавали ему зловещий вид. Длинные темные волосы были встрепаны, глаза налились кровью. Осунувшийся и желтый, в эту минуту Даггер выглядел таким же усталым, как Дэнни. Она догадалась, что он совсем не ложился спать, ожидая ее. И не потому, что беспокоился. Когда Дэнни не вернулась к назначенному часу, Даггер понял, что у него появился повод избавиться от нее, Он был неглуп. В противном случае Дэнни без труда заговорила бы ему зубы.

Она слишком измучилась, чтобы выкручиваться и лгать. И опасалась запутаться. Не давая Даггеру открыть рот, Дэнни вытащила из кармана пачку купюр и швырнула ее на стол. Еще никто в шайке не возвращался домой с такой добычей. Сотня фунтов — целое состояние даже для Даггера. Дэнни надеялась этим смягчить его. Но напрасно. На деньги он едва взглянул. А Дэнни с запозданием поняла, что допустила ошибку: Даггер наверняка сочтет, что правила она нарушила умышленно.

— Ты меня слушаешь, Даггер? — спросила она. — Вчера у меня не было выбора.

— Я знаю, что тебя сцапали, а еще мне известно, что в тюрьму ты не попал.

— Это была ловушка. Им был нужен вор.

— Ты же знаешь правила, так почему не отказался?

— Как я мог отказаться, если меня связали и увезли? — возразила Дэнни.

— Но рано или поздно тебя должны были развязать, — напомнил Даггер, многозначительно взглянув на деньги. — Мог бы удрать.

В его словах была логика. Дэнни устало объяснила:

— Тогда я заблудился бы в лесу и нипочем не добрался до Лондона.

— Ты уезжал из Лондона?!

От этого вопля Дэнни поморщилась.

— Потому и не смог сбежать сразу. Из Лондона я никогда не уезжал. Мне понадобилась бы целая неделя, чтобы добраться до дому. А они поклялись, что отвезут меня домой, если я ограблю одного лорда.

— Лорда? — Этот возглас прогремел громче. — Еще скажи, что в его собственном доме!

Дэнни представился случай соврать — так ей и следовало поступить. В конце концов, это правило было главным. Но по вопросам Даггера она уже поняла, что такой ответ мало что изменит.

— Собирай свое барахло и выметайся отсюда. Это последнее правило, которое ты здесь нарушил.

Дэнни не дрогнула. Она заранее знала, что именно услышит, несмотря на все оправдания, и не ошиблась. Но она не ожидала, что у нее вдруг сдавит грудь, а в горле вырастет ком. Целых пятнадцать лет Даггер заменял ей семью. Обиднее всего было видеть, как бестрепетно он ее выставляет.

Лить слезы она не собиралась. Плакать позволено женщинам. Или детям, а она уже давно не ребенок. Ей положено вести себя по-мужски, вот она и старалась. И все-таки не выдержала и поспешно отошла от стола, пока Даггер не заметил влажный блеск в ее глазах.

В большой комнате она направилась напрямик к своему тюфяку. Туго скатывая тюфяк, Дэнни не представляла, где и когда разложит его в следующий раз. Рядом валялся ее почти пустой мешок. В нем Дэнни держала единственную смену одежды. Своего любимца в коробке она сунула в мешок, чтобы было удобнее нести.

Двое детей, которых Дэнни застала спящими, от шума проснулись, сели на тюфяках и расплакались. Проходя мимо, Дэнни торопливо обняла их по очереди. В любое другое время она попыталась бы подбодрить их, но сейчас ей мешали вставший в горле ком и подкатывающие слезы.

Открыв дверь, она увидела, что остальные дети столпились во дворе. Плакали почти все:

наверняка подслушали разговор под дверь и поняли, что больше с Дэнни не увидятся. У нее разрывалось сердце. Чуть ли не всю жизнь Дэнни была кумиром этих малышей. Стоило ей позвать — и они, наверное, побежали бы за ней. Но она не могла поступить так с Даггером, хотя он и обошелся с ней сурово. Кроме этих детей, у Даггера никого не было. С болью в сердце заставив себя отвернуться, она вышла на улицу.

А ведь еще совсем недавно она собиралась уйти из шайки, найти настоящую, достойную уважения работу и больше никогда не воровать. По вине Даггера ее желание сбылось раньше, чем она думала. Дэнни надеялась, что когда-нибудь поблагодарит его за это, что рана вскоре затянется.

Вспомнив свои былые мечты о свободе, Дэнни чуть не застонала от нового взрыва душевной боли. Ей хотелось расстаться с Даггером по-хорошему; уйти так, чтобы потом навещать малышей, а может, кое-кому из них подыскать приличное место...

— Дэнни!

Вздрыгнув, она обернулась и увидела, что к ней решительным шагом направляется Даггер. Боль мгновенно исчезла. В глубине души она знала, что он не сможет взять и выгнать ее. Он ее просто пугал — наказывал за нарушенные правила в назидание остальным.

Даггер подошел, и тут Дэнни заметила, что выражение его лица ничуть не смягчилось. Слабые ростки надежды поникли и увяли. Он по-прежнему злился. Таким свирепым Дэнни еще никогда его не видела.

— Хочешь знать, почему так вышло, Дэнни? — прошипел он. — Ты слишком хорош собой для мужчины. Меня тянет к тебе, и от этого я сам себе противен. Но я тебя и пальцем не трону — скорее убью, вот я и решил лучше от тебя избавиться. Ты выживешь. Я точно знаю. Я многому научил тебя. Живи где хочешь, только не здесь. А теперь уходи, пока я не передумал, — об этом мы оба пожалеем.

Дэнни могла бы сказать ему правду, объяснить, что у него нет причин презирать себя за нелепые желания. Ведь она девушка. Но такое признание наверняка привело бы Даггера в бешенство: оно означало бы, что все эти годы Дэнни водила его за нос. И потом, он только что признался, что его влечет к ней. Узнав, что на самом деле она женщина, он сначала затащит ее в свою постель, а потом прикажет торговать своим телом. Не для того Дэнни целых пятнадцать лет притворялась мальчишкой, стараясь забыть, кто она такая!

Отвернувшись, она зашагала прочь — торопливо, чтобы случайно не проговориться, и за ближайшим углом столкнулась с Люси.

— Черт, где тебя носило, Дэнни? Я обыскала весь... что с тобой?

Этого Дэнни не выдержала. Слезы заструились у нее по щекам. Если бы не встреча с Люси, она сдержалась бы, подавила рыдания, постаралась поскорее уйти отбывшего дома. Но Люси, ее сестра, мать, единственная подруга...

— Выставил? — сразу догадалась Люси. — Выгнал вон? — Дождавшись, когда Дэнни кивнет, она продолжала: — Ну и чего ты реवेशь? Это же твой шанс чего-нибудь добиться в жизни. Помнишь, ты хотела выйти замуж, родить детей вырастить их? Ты же мечтала об этом. А здесь тебе такое не светит.

— Знаю, — всхлипнула Дэнни, с трудом вытолкнув из сжавшегося горла единственное слово.

— Тогда выше нос! — Но несмотря на всю лихость, Люси сама чуть не плакала. Сдерживаясь, она отвернулась.

— Как только устроюсь, я тебе сообщу, — пообещала Дэнни.

— Не забудь, а то я изведусь. А теперь беги. Удачи тебе, Дэнни. Верь в нее.

Дэнни попыталась хоть на миг поверить, что ей повезет, но не смогла. Она торопливо зашагала прочь. Расставание с Люси причинило ей боль, какой она никогда не испытывала. Но не успела Дэнни пройти и нескольких шагов, как Люси догнала ее, положила ладонь на плечо и остановила на минуту.

— Будь собой, крошка Дэнни, — прошептала Люси сквозь слезы, крепко обнимая подругу. — Давно уже пора. Просто будь собой, и у тебя все получится.

Глава 9

— У меня пакет для лорда Мэлори. Не знаете, случаем, где его найти?

— Кажется, какие-то Мэлори живут на Гросвенор-сквер.

— А где это?

— Недавно в городе?

— Что, так заметно?

Смешок.

— Гросвенор — это к северу отсюда. Пройдешь квартал, повернешь направо и шагай до богатых домов.

Хорошо было бы узнать адрес, но, с другой стороны, какой от него прок? К адресу понадобилась бы и карта, а Дэнни понятия не имела, где взять ее и как в ней разобраться. Вот если бы она знала адрес да еще могла позволить себе поездку в кебе... но об этом не стоило и мечтать.

Выбитая из привычной среды, Дэнни представляла собой жалкое зрелище. Только теперь она поняла, как ей не хватает образования. Она была уже готова сдаться и прекратить поиски. Только злость гнала ее вперед.

Днем она прекрасно выспалась бы в тихом переулке, если бы не мучительный голод. Он разбудил ее раньше, чем рассчитывала Дэнни, к голоду вскоре прибавилась резкая мигрень, а следом нахлынуло отчаяние.

Надо найти работу, и как можно скорее. Если придется воровать, чтобы прокормиться, хуже уже некуда. А ей в кои-то веки представился шанс вырваться из грязи! Нельзя упустить его, скатившись на самое дно сточной канавы, к старым привычкам. Но отвыкать от них будет нелегко. Дэнни знала: однажды она уже пыталась.

Договорившись, что Люси прикроет ее, как-то раз Дэнни отправилась на поиски приличной работы. Вскоре она поняла, что ее недостатки — внешность и отсутствие хотя бы азов образования. Чтобы претендовать на мужскую работу, она должна была уметь читать и писать или же обладать недюжинной силой, которой у нее, разумеется, не было. Чтобы просить

женскую работу, сначала следовало обзавестись женской одеждой. В любом случае Дэнни требовалось жилье и хоть немного денег, чтобы продержаться до первого жалования.

Ей казалось, что одно решение она нашла. Горничным часто предлагали комнату и стол — прекрасные условия для человека, который вынужден начинать с нуля. В следующий раз, отправляясь на поиски работы, Дэнни одолжила у Люси платье и, к своему восторгу, получила место — всего на два часа. Дворецкий согласился взять в горничные милостивую девушку, но экономка уволила ее, едва увидев. Хозяева дома принадлежали к среднему классу и пытались подняться по общественной лестнице, а потому нанимали только вышколенных слуг. Во всяком случае, в услугах горничных, похожих на беспризорниц и потаскух, они не нуждались.

Этот случай так разочаровал и обескуражил Дэнни, что она не скоро решилась вновь поискать работу. А когда попыталась еще раз, ей просто не повезло.

Вспоминая свои многочисленные неудачи, она разозлилась. Беда была в том, что она искала работу раз пять в году. И не каждый день, потому что ей нечасто удавалось вырваться из дома одной. Но теперь у нее не было выбора, да и времени тоже. Работа нужна ей немедленно, сегодня же. А еще — хоть какая-нибудь еда. Дэнни нещадно бранила себя за глупость — за то, что не догадалась утаить от Даггера хоть несколько полученных от Мэлори купюр, но прекрасно понимала, что руганью сыт не будешь.

Одиночество пока ее не радовало. Дэнни уже давно поняла, как плохо быть одной. Она выросла в доме, полном детей. И хотела вернуться туда, но чтобы это были ее дети, а она воспитывала их как полагается. Для этого ей необходим муж — порядочный человек, скромный и усердный труженик. К этой цели она стремилась с давних пор, но сознавала, что немногого добьется, пока ее принимают за мальчишку.

Конечно, хорошие мужья на улицах не валяются — их надо еще поискать. А чтобы поскорее утолить голод, необходима работа. Потом можно подумать и о муже.

С едой ей неожиданно повезло. Сквозь дыру в кармане сюртука за подкладку завалилось одно из колец, украденных у Хеддингса. Продать его Дэнни не решалась, опасаясь, что ее заподозрят в краже. Но она помнила, как много лет назад мисс Джейн выменяла на кольцо немного еды.

О мисс Джейн она давно не вспоминала — с тех пор как ей перестали сниться по ночам кошмары. Почему это случилось, она не знала. Страшные сны не давали ей покоя, сколько Дэнни помнила себя и мисс Джейн. В них повторялось одно и то же: кровь, вопли, а потом дубинка, которая обрушивалась ей на голову.

Но один сон, который повторялся нечасто, Дэнни любила за ощущение тепла и уюта. Ей снилась молодая незнакомая женщина, точнее, леди с серебристо-белокурыми волосами, как у самой Дэнни, уложенными в замысловатую прическу, как у дам на улицах. Эта красавица в элегантном наряде, похожая на ангела, гуляла по заросшему цветами лугу.

Люси считала, что это ангелы зовут Дэнни к себе, — ведь она должна была умереть еще много лет назад, а выжила. Люси, конечно, выдумщица. Но Дэнни тоже любила фантазировать, и ей порой казалось, что эта прекрасная дама — она сама в далеком будущем. И у нее в душе просыпалась надежда.

Сейчас надежда не помешала бы ей. За кольцо ей дали меньше фунта. Дэнни была разочарована, но больше ничего не смогла добиться от незнакомца, который твердил, что назначил хорошую цену.

В своих злоключениях она уже не раз обвинила молодого лорда. Не будь он таким надменным и самодовольным, он смирился бы с ее отказом и поискал другого вора, а она вернулась бы домой, и ей не пришлось бы ломать голову, не зная, где раздобыть обед.

Этот человек у нее в долгу. Он обязан расплатиться с ней, иначе лорд Хеддингс узнает, куда исчезли его краденые драгоценности. Конечно, заходить так далеко Дэнни не собиралась, но в крайнем случае могла намекнуть, что Мэлори у нее в кулаке.

Покончив с обедом в маленьком ресторане, она поблагодарила официанта за еду и советы. Его недовольной гримасы она не заметила. А если бы и заметила, то не поняла бы, что он ждал чаевых. Порой невежество бывает блаженством, но чаще — бедствием.

Раздраженный официант не оставил Дэнни в неведении. Проводив ее до двери, он закричал на всю улицу:

— Нищий ублюдок! И это после того, как я тебе помог! Да если бы я знал, я бы и рта не раскрыл!

Дэнни изумленно обернулась, не понимая, почему на нее кричат.

— О чем вы? Я же заплатил за еду.

— Ты что, полоумный? Думал, обслуживать тебя будут даром? Знал же я: таких, как ты, надо сразу гнать вшаей!

Таких, как она? Эти слова больно укололи Дэнни, у нее зарделись щеки. Она зашла в первый ресторан, какой попался ей по пути, не заметив, что очутилась в приличном районе, среди хорошо одетых горожан. На крики официанта быстро собралась толпа. Повсюду слышался сердитый ропот.

— Вор, это уж как пить дать.

— Проверь карманы: все ли у тебя цело?

— Лучше посмотрим, что у него в карманах.

— Я зашел просто пообедать, — торопливо объяснила Дэнни официанту. — И заплатил за еду. Если я заплатил мало, так бы и сказали. И нечего меня оскорблять.

Официант спохватился, понял, что погорячился, и помрачнел. Но вокруг собралось слишком много клиентов, чтобы на виду у всех извиняться перед каким-то мальчишкой.

— Ступай-ка лучше отсюда, — посоветовал он. — Здесь приличный район. Проваливай в свои трущобы.

Глава 10

Удаляясь от ресторана, Дэнни старалась идти с высоко поднятой головой, хотя для этого ей понадобилось собрать в кулак всю силу воли. Ее так и подмывало броситься бежать, но она не сомневалась, что в этом случае за ней погонятся: тот, кто убегает, всегда выглядит виноватым. И никому нет дела до того, что больше всего ей хочется забиться в какую-нибудь дыру и выплакаться, излить душевную боль и стыд.

С таким снобизмом она сталкивалась и раньше, когда пыталась искать работу. Не следовало

принимать его близко к сердцу. Он означал только, что выбиться в люди и получить приличное место будет непросто.

Вытеснить из сердца обиду удалось не сразу, а когда удалось, она сменилась тревогой, потому что уже второй раз за два дня Дэнни казалось, что кто-то следует за ней по пятам и не сводит с нее глаз. Наверное, кто-то из толпы провожает ее — на всякий случай.

Но, оборачиваясь, Дэнни не замечала ничего необычного, никто за ней не гнался. Какой-то господин, похожий на лорда, входил в контору. Бежал посыльный. Неторопливо шествовала леди в сопровождении горничной, нагруженной свертками, несколько пар гуляли под руку, десятки горожан спешили по своим делам. Ощущение не проходило, но сколько Дэнни ни оглядывалась, ничего подозрительного не видела. Наверное, ей было просто не по себе на многолюдной улице.

Дэнни не выдержала, нырнула в какую-то лавку и, не обращая внимания на возмущенные окрики, пробежала через нее, выскочив в заднюю дверь. Еще минут десять она петляла между домами, и наконец ощущение исчезло. Если кто-то и преследовал ее, он наверняка отстал.

До Гросвенор-сквер было еще далеко. Дэнни добралась туда лишь к ночи. Уютные и тихие замусоренные переулки попадались ей все реже, зато стали часто встречаться парки — некоторые настолько огромные, что Дэнни уже забеспокоилась, не забрела ли она ненароком в лес за городом. Чтобы скоротать время до утра, она забилась в кусты и уснула.

С рассветом голод опять пробудился, а вместе с ним и злость. Осмотревшись, Дэнни поняла, что она в каком-то парке, в той части города, где никогда не бывала. Но почему-то парк показался ей знакомым, хотя накануне ночью она не успела разглядеть его в темноте. Вдоль дорожек стояли скамейки, над ними простирал ветви гигантский старый дуб, малыш распугивал стаю голубей и захлебывался счастливым смехом. Дэнни заморгала, и малыш исчез, словно его и не было. Воспоминания!

Потрясенная Дэнни замерла. Впервые к ней вернулись воспоминания о прошлом, в первый раз она очутилась там же, где бывала в раннем детстве. Неужели ее родители жили где-то поблизости? Или сюда они приезжали в гости? Неподалеку от парка Дэнни заметила вывеску гостиницы, рядом — несколько домов средней руки, а по другую сторону от парка виднелись роскошные особняки.

Она силилась вспомнить хоть что-нибудь еще, узнать знакомые места, но больше воспоминания не оживали, только разболелась голова. Нет, ее мучила не мигрень, а голод. Дэнни заторопилась, расспросила нескольких прохожих и наконец к середине утра вышла к дому Мэлори. Да это же настоящий особняк! Обнесенный оградой, он стоял не в общем ряду домов, а сам по себе, был окружен лужайкой, клумбами и кустами. Ничего подобного Дэнни не ожидала. К таким домам она боялась даже приближаться, особенно после того, что случилось вчера в ресторане, поэтому просто стояла и ждала в надежде, что к дому подойдет кто-нибудь из слуг. И дождалась — женщину в форменном платье горничной, правда, слишком уж нарядном, но не таком, как у знатных леди. Набравшись храбрости, Дэнни окликнула ее.

— Добрый день, мэ. Не здесь ли живет красавчик Мэлори?

— Здесь живут богатые люди, голубчик, — приветливо отозвалась незнакомка. — Они все красавчики.

— Сколько же здесь лордов Мэлори?

— В этом доме — трое.

— А с черными волосами и...

— Нет, здесь только граф с двумя сыновьями, среди них черноволосых нет. Ты, наверное, ищешь его брата, сэра Энтони. У того дом на Пиккадилли. Или племянника Джереми. Вот у этих двоих волосы как вороново крыло.

— У меня для него пакет, — объяснила Дэнни, показывая коробку со своим любимцем, — придумать другого оправдания она так и не смогла. — Поручение мне дал такой молодой лорд лет двадцати пяти.

— Тогда это Джереми Мэлори. Он живет с отцом на Беркли-сквер.

Дэнни вспыхнула: чтобы узнать дорогу, ей снова приходилось лгать.

— Я в городе недавно. Вы не подскажете, где это — Беркли-сквер?

Женщина охотно объяснила ей, и Дэнни без труда отыскала названную площадь, которую в этот час заполняли пешеходы и экипажи, ждущие пассажиров у тротуара. Среди домов Дэнни сразу узнала тот, который искала. Он выглядел не так внушительно, как остальные. В поисках работы она убедилась, что безопаснее всего стучаться в богатые дома с черного хода.

Но и этот день выдался для Дэнни неудачным. Джереми здесь уже не жил: на прошлой неделе он переселился в собственный дом на Парк-Лейн, по соседству с кузеном. Пока Дэнни всеми правдами и неправдами выводывала адрес и дорогу, смешливая помощница кухарки отчаянно кокетничала с хорошеньким юношей.

Опять улицы, опять бесконечные блуждания. Проклятие! Никогда в жизни Дэнни не приходилось столько бродить по городу. Впрочем, улица, до которой она наконец доковыляла, ей понравилась, особенно потому, что по одну ее сторону раскинулся парк во всей летней красе. Но Дэнни потратила лишний час, пока кто-то не указал ей нужный дом. Поскольку Мэлори поселился здесь недавно, мало кто из слуг, попадавших на улице, знал, где он живет.

После всех этих приключений Дэнни уже не рассчитывала застать Мэлори дома. Скорее всего придется ждать до завтра, а то и до послезавтра. Значит, спать в парке еще одну ночь или две. Хорошо, что до парка рукой подать. Не надеясь на удачу, Дэнни всеми силами сдерживала злость и досаду. Она еще успеет излить их на молодого лорда, когда снова увидит его, конечно, если вообще увидит.

Глава 11

Он был дома! Мало того, Дэнни пустили в парадную дверь!

Ей открыла молодая девушка, почти ее ровесница. Пухленькая, с пышными каштановыми волосами, она скользнула по Дэнни взглядом и сварливо предупредила:

— Подожди здесь, только смотри ничего не трогай, — и исчезла за ближайшей дверью.

Дэнни застыла столбом, не в силах поверить, что ее пустили в дом. Опомившись, она попыталась пригладить ладонью взлохмаченную копну волос. Прежде Люси следила за ее волосами, сама коротко подстригала их. Правда, парикмахером Люси была никудышным,

поэтому и стрижка выходила «лесенкой». Но Дэнни не дорожила волосами, тем более что под шляпой их никто не видел. Ей опять стало жалко шляпу.

Она не собиралась притрагиваться ни к чему. И даже не оглядывалась по сторонам — потому что вдруг заволновалась. Напрасно она это затеяла. Ведь она с первого взгляда поняла, что с Мэлори опасно иметь дело. Но в гневе она об этом забыла, а теперь, вспомнив, стояла как на иголках.

Самым мудрым решением было бы просто уйти. Но Дэнни остановило зеркало на стене возле двери. Не очень большое, оно висело над узким столиком, где на блюде лежали две карточки. Собственное отражение заворожило Дэнни.

Ей редко удавалось увидеть себя в зеркале. В домах, которые снимал Даггер, зеркал не водилось. На старых постоянных дворах, где Дэнни обворовывала постояльцев, зеркала были, но она не видела их в темноте. В этом зеркале она отразилась до пояса, и без потрепанной мужской шляпы сразу стало видно, как она хороша. Удивительно, что ее до сих пор все принимают за юношу! Как удалось рваным штанам так преобразить ее, создать превратное впечатление? Впрочем, многих могла ввести в заблуждение ее плоская грудь.

Этого она смертельно боялась — что у нее вырастут громадные груди-дыни, какие она видела у некоторых женщин, и спрятать их будет невозможно. Но ей повезло. Грудь у нее была скромного размера, меньше среднего, и благодаря Люси Дэнни без труда скрывала ее под одеждой.

К счастью для нее, один из постоянных клиентов Люси, состоятельный господин, как-то раз забыл у нее корсет. Подружки посмеялись над мужчиной, носящим корсет, а потом Люси пришлось в голову, что в ближайшие годы он пригодится Дэнни. Так и получилось. Только вместо того, чтобы стягивать корсетом талию, как и полагается, Дэнни носила корсет высоко на груди. И зашнуровывала не сзади, а спереди, чтобы ни у кого не просить помощи.

Корсет был жесткий, но отличного качества, обшитый такой мягкой тканью, что Дэнни почти не чувствовала его. И ее грудь под ним была совершенно незаметна. На всякий случай Дэнни сутулилась и казалась совершенно плоскогрудой, как любой юноша.

Шаги на лестнице напомнили Дэнни, что она решила никого не дожидаться, но медлила слишком долго, глаза на себя в зеркало. Обернувшись, чтобы посмотреть, кто идет, Дэнни одновременно схватилась за дверную ручку.

— Уходишь? — спросила горничная. — И правильно. Сейчас он тебя все равно не примет. У него гостя. Я и не видела, как они приехали, я редко бываю в комнатах. Нам не хватает прислуги, иначе дверь открыла бы не я.

Дэнни круто обернулась. Девушка явно была рада пожаловаться кому угодно. В ее голосе слышались ворчливые нотки.

— Вы горничная?

— Нет, горничной здесь пока нет, нет даже лакея, не говоря уже о дворецком. Я служу на кухне. Ну, ступай. И приходи сегодня попозже. К тому времени гостя наверняка уедет.

Дэнни хотела было последовать совету, но у нее заурчало в животе. Слоняться по городу, умирая от голода, еще несколько часов, пока Мэлори коротает время в постели? Черта с два!

— Если позволите, я подожду здесь. Я по важному делу, мне надо увидеть его как можно скорее.

— Как хочешь. Можешь пройти в гостиную. Или оставайся здесь. Но посидеть не рассчитывай. В доме успели обставить только несколько комнат.

И девушка ушла в глубину дома. Дэнни не шелохнулась, изумленная словами, слетевшими с ее собственного языка. Как давно она не говорила вежливо и правильно! Люси твердила, что с такими разговорами в шайке не выживешь. И Дэнни прислушивалась к ее словам, перенимала их и вскоре сама выучилась уличному языку.

Но внезапно он показался ей чужим. Почему она вдруг заговорила правильно и вежливо, отчетливо выговаривая слова? Потому, что оказалась в богатом доме? Послушала, как жалуется служанка? Очевидно, потому девушка и разговорилась с ней и не побоялась оставить в доме одну.

А что до Мэлори, она даст ему ровно десять минут на все его забавы. За последние два дня она слишком изголодалась, чтобы ждать дольше — даже надменного молодого лорда.

Глава 12

— Я была приятно удивлена, встретив вас так рано утром, — призналась Мэри Калл, томно раскинувшись в кресле возле кровати Джереми. — Такая неожиданность! Я думала, вы, молодые распутники, спите дни напролет, чтобы бодрствовать всю ночь в поисках удовольствий!

Джереми улыбался леди, стоя на коленях у ее ног и снимая с нее туфельки. Мэри была еще довольно молодой вдовушкой, самой младшей из всех, каких доводилось обольщать Джереми. Старый лорд Калл скончался в первую брачную ночь. Свет решил, что для старика затея со свадьбой была чересчур рискованной.

Мэри никто не назвал бы красавицей, но она была довольно мила, эта волоокая голубоглазая шатенка. Искусством любви она владела в совершенстве и с недавних пор постоянно принимала у себя джентльменов. Джереми не принадлежал к ее «свите», хотя трижды удостоивался приглашения в гости и ни разу не пожалел о том, что принял его. Сегодня, когда он столкнулся с Мэри, до его дома было ближе, чем до ее особняка, к тому же у Джереми имелся прекрасный предлог — желание показать близкой знакомой новое обиталище. Разумеется, долго бродить по комнатам они не стали и сразу поднялись в спальню.

— Сегодня я встречался с дядей Эдвардом по делу, — объяснил Джереми.

— По семейному?

— Нет, видите ли, я управляю семейными вложениями капитала, в том числе и собственными.

Мэри удивленно вскинула брови.

— Вы? Управляете вложениями? Да вы шутите!

— Отнюдь. Это занятие мне по душе. Впрочем, о том, чтобы самому искать, куда вложить средства, я и не мечтаю. У моего дяди талант выбирать только победителей.

— Вы меня изумляете, Джереми. Вы же самый красивый мужчина в столице, и вам это

известно, не скромничайте! Ваша семья баснословно богата. Как и многим молодым наследникам, вам незачем работать. Так с чего вам вздумалось утруждать себя?

— Прикусите язычок, дорогая: для меня это не работа, а развлечение. Разница огромная, вы не находите?

— Сказать по правде, нет. — Мэри усмехнулась. — Но если вам по вкусу такие удовольствия...

Даме, желающей продолжить приятную беседу, ни в коем случае не следовало говорить подобные вещи такому известному сластолюбцу, как Джереми Мэлори. Выражение его лица мгновенно стало чувственным, пальцы забрались под юбку. У Мэри затрепетало сердце. Но, переведя жаждающий взгляд на постель, она нахмурилась:

— Слишком уж здесь все... по-холостяцки. Есть такое слово, дорогой? Впрочем, не важно. — Томный вздох. — Лучше бы мы отправились ко мне! В собственной спальне я чувствую себя гораздо уютнее.

Между тем ее юбки были подняты выше колен. Взявшись обеими руками за бедра госты, Джереми придвинул ее к себе, почти уложив на кресло, и она обвила ногами его талию.

— А вы представьте, что это и есть ваша постель.

Она рассмеялась:

— Между моей постелью и этим креслом нет ни малейшего сходства, и вам это известно! Где же атласные простыни, пышные подушки, пуховые одеяла — все, благодаря чему постель не хочется покидать? А ваша кровать — настоящее ложе холостяка!

— Но вы же еще не успели опробовать ее в деле! Клянусь, вы об этом не пожалеете.

Хриплый от страсти голос Джереми прозвучал так убедительно, что Мэри поддалась искушению прижать его голову к своей груди. Именно в этот момент в дверь заколотили и кто-то закричал:

— Приведите-ка себя в порядок, приятель, я уже иду!

По другую сторону двери томилась Дэнни. Она дала Мэлори не десять, а целых двадцать минут — так она считала, поскольку часов у нее не было. Если он и вправду принадлежит к породе мужчин, которых так расхваливала Люси, значит, способен провести в постели с женщиной целый день, а ждать так долго Дэнни не могла и не желала. Поэтому она не выдержала, поднялась вверх, заглянула во все комнаты по очереди и, наконец, набрела на дверь, из-за которой доносились голоса.

Не прошло и минуты, как дверь распахнулась. На пороге стоял Мэлори, недовольство которого мгновенно сменилось изумлением, как только он узнал гостью.

— Ты?!

— А кто еще! — отозвалась Дэнни, которая от злости снова заговорила по-уличному, глотая слюги.

Мэлори нахмурился.

— И какого же черта ты здесь делаешь?

— Спроведьте свою девку, тогда и поговорим.

Только теперь Джереми вспомнил о том, что в комнате за его спиной находится леди. Оскорбившись, что ее назвали девкой, Мэри одернула юбки и уже оглядывалась в поисках ридикюля. Подхватив его с пола, она решительно двинулась к двери.

— Вам незачем уходить, Мэри, — попытался остановить ее Джереми. — Это ненадолго.

— Ничего, дорогой, — на ходу бросила она, потрепав его по щеке, чтобы заверить, что прерванное свидание ничуть не огорчило ее. — Приходите ко мне попозже — там нам никто не помешает.

Метнув последний гневный взгляд на Дэнни, леди удалилась. Джереми в досаде пригладил волосы, вернулся в комнату и направился к каминной полке, на которой стояли бутылка бренди и два стакана. Дэнни последовала было за ним, но застыла как вкопанная, увидев кровать. О чем она только думала? Знай она, что за дверью спальня Мэлори, ей и в голову не пришло бы врваться сюда.

— Я подожду внизу, — смущенно пробормотала она, направляясь к двери.

— Черта с два! — Увидев, что Дэнни не остановилась, Джереми добавил: — Не заставляй удерживать тебя силой. А вдруг мне понравится?

Как он и ожидал, Дэнни сразу замерла. Застыла неподвижно, как каменная. А если на этот раз сбежать от него не удастся?

Словно прочитав ее мысли, Джереми предостерегающе добавил:

— Ты и до коридора добежать не успеешь — можешь мне поверить. Так что закрой дверь и объясни, зачем ты сюда явился.

Закрывать дверь Дэнни не стала, но обернулась. К счастью, Джереми остался на месте — даже отошел к дальней стене комнаты, прислонился к ней рядом с камином, сложил руки на груди, скрестил ноги — словом, принял ту же непринужденную позу, что и в таверне. Впечатление безмятежности было обманчивым. Как и в ту ночь, Джереми был напряжен словно струна. Он приподнял густую бровь.

— Итак?.. Сомневаюсь, что ты явился грабить меня. Ты бы не стал стучать. Или стал бы? Думаешь, так лучше?

Дэнни почувствовала, что краснеет, но вместе со смущением к ней вернулась и злость, и она выпалила:

— Больше я никого не граблю! Меня выгнали — а все из-за вас и вашей дурацкой затеи!

— Вот как? Очень жаль. Право, жаль.

Но на его лице не отразилось ни тени сочувствия. Наоборот, он улыбался! И эта улыбка уязвила Дэнни в самое сердце, ускорила его бег, а от завораживающего взгляда у нее начали путаться мысли. Как же ей теперь обвинить во всем этого человека, если ум отказывается ей служить?

— Я же говорил — надо было проводить тебя до дома и все объяснить, — укоризненно произнес

он.

— Бесплезно, — буркнула Дэнни. — Там давно решили отделаться от меня. А из-за вас ему подвернулся подходящий случай.

— Ему? Вашему старшему?

— Вроде того.

— Значит, ты ждал, что тебя выгонят?

— Не так скоро, да еще без работы и без единого гроша, — проворчала она.

— А как же деньги, которые ты заработал о ту ночь? — любопытствовал Джереми.

Дэнни снова покраснела.

— Я отдал их, надеясь, что он передумает. Зря.

— Стало быть, ты ищешь новую банду. Боже милостивый, и ты думал, что найдешь ее здесь?

Дэнни вздрогнула, заметив, каким презрением налились его глаза. Ей следовало бы ответить утвердительно и объяснить, почему Джереми годится на роль вора. В конце концов, не она задумала ограбить лорда Хеддингса. Но она предпочла деловой разговор:

— Я же сказал — больше я никого не граблю. Всегда терпеть этого не мог, теперь ни за что не соглашусь. Я ищу настоящую работу.

Теперь в глазах Джереми отразилось живое любопытство.

— Какую работу?

— Пока не знаю. — Дэнни пожала плечами. — Приличную, чтобы заработать на крышу над головой и еду. С тех пор как меня вышвырнули, спать приходится под открытым небом. И раз вы в этом виноваты, значит, вы должны мне помочь.

— Ты предпочитаешь спать под открытым небом, вместо того чтобы заниматься тем, в чем ты так силен? Выбор, достойный восхищения!

В третий раз покраснев, Дэнни выпалила:

— Еще чего! Вы у меня в долгу, и я явился бы к вам сразу, если бы не убил столько времени на поиски!

Джереми усмехнулся:

— Ну, раз ты так твердо намерен винить меня в том, что очутился в стесненных обстоятельствах, я не намерен набивать твои карманы — этак ты меня никогда не простишь. Ни за что не поверю, что ты не станешь время от времени являться сюда и напоминать, чем я тебе обязан.

Дэнни окаменела.

— Да, я пришел просить денег, но девчонка внизу сказала, что вам не хватает прислуги. Вот я

и решил поработать на вас.

— Ты решил? — Джереми расхохотался. — И какое место ты предпочитаешь? Лакея или горничной?

Дэнни вспыхнула. Он не принимал ее всерьез, это было ясно как день. И вдруг до нее дошел смысл его слов, и она ужаснулась. Он все знал! Иначе не упомянул бы про место горничной!

Уверять и отрицать было бессмысленно. Она смело спросила:

— Когда вы догадались?

Он небрежным, почти ленивым шагом направился к ней — как волк, подкрадывающийся к добыче, в тревоге подумала Дэнни. Остановившись совсем рядом, Джереми поднял руку, словно собираясь коснуться ее щеки. Дэнни отшатнулась.

Джереми с улыбкой объяснил:

— Даже догадываться не пришлось, детка. Красивых женщин я узнаю в любой одежде. Но, говоря начистоту, я предпочитаю видеть их обнаженными.

Дэнни испуганно попятилась.

— Меня вы голой не увидите!

Он вскинул брови.

— Вот как? Очень жаль. Значит, и говорить не о чем.

— Как бы не так! Вы обещали мне работу.

Он вздохнул:

— И только что предложил ее, но ты отвергла мое предложение не задумываясь.

— Раздеться? — возмутилась Дэнни. — И это, по-вашему, работа?

Он рассмеялся:

— В каком-то смысле — да. Я готов взять тебя в любовницы. По-моему, ты забавная девчонка. Видишь, я охотно признаюсь в этом. Уверен, мы могли бы неплохо поладить.

У Дэнни ярко запылали щеки, но не от стыда, а от злости.

— Забудьте об этом, приятель! Мне нужна приличная работа, и вы дадите мне ее, а не то я навещу лорда Хеддингса. Он-то возьмет меня на службу — а я объясню, куда девались его драгоценности.

Джереми тоже залился досадливым румянцем.

— Это неслыханно. Ты понятия не имеешь ни о домашней работе, ни о том, как вести хозяйство в большом доме. И коверкаешь слова, как уличный оборванец! — презрительно заключил он.

— Я умею говорить как полагается, — возразила Дэнни, отчетливо выговаривая каждое слово.

Правда, фразу ей пришлось сначала построить в уме — от правильной речи она давно отвыкла. Особенно легко она сбивалась на уличный язык, когда злилась или просто волновалась, как всегда в присутствии Мэлори. За пятнадцать лет она свыклась с жаргоном.

Ей удалось удивить Мэлори, но всего на мгновение.

— Значит, ты умеешь подражать высшим классам? Но правил приличия ты не знаешь. И что же будет дальше? Ты хочешь, чтобы все в доме краснели за тебя?

— Я сразу начну учиться. Да, вы не ослышались. Я научусь выполнять домашнюю работу и вести себя...

— Но зачем? — раздраженно перебил он. — Зачем так трудиться, если твое место в...

Не выдержав, Дэнни набросилась на него. Он увернулся, но вдруг умолк — должно быть, сообразил, что она устала, проголодалась и на сегодня уже наслушалась оскорблений. На всякий случай Дэнни выпалила:

— Затем, чтобы найти хорошего мужа и родить детей! Вот чего я хочу, приятель! Приличную работу, мужа, большую семью — в таком порядке. И вы поможете мне найти эту работу или пожалеете.

— Дьявол! — выругался он и съязвил: — Кем ты хочешь служить? Полагаю, лакеем?

Он снова пытался оскорбить ее, и это ему удавалось. Или он просто давал понять, за какое трудное дело она берется? И то сказать, сумеет ли она прижиться в мире этого красавца аристократа хотя бы в роли его служанки?

Глава 13

Джереми так разозлился, что с трудом скрывал это. Обычно к женщинам он относился снисходительно, но эта шантажистка вывела его из себя! Тут и святой потерял бы терпение.

У него мелькнула мысль, что больше этой девчонке некуда идти. А она сообразительна. От жительницы трущоб он не ожидал такого смелого поступка — впрочем, еще в ночь ограбления она показала себя с лучшей стороны, когда выпуталась из почти безвыходного положения.

Вспомнив, что он и правда у нее в долгу, Джереми слегка остыл, но лишь слегка.

Но это же абсурд. Он умел ладить с женщинами. Куда делся его хваленый талант? В случившемся есть и свои преимущества. Когда эта девчонка поселится под крышей его дома, затащить ее в постель будет проще простого.

Джереми считал любую женщину открытой книгой. Даже такую, с изюминкой, прелестную даже в лохмотьях, необычно рослую, с удивительными фиалковыми глазами, не поддающуюся его чарам — пока.

Впрочем, и ее влекло к нему. Он чертовски хорошо знал что к нему тянет всех женщин. Но эта девчонка отчаянно сопротивлялась влечению. «Не прикасайся ко мне, даже не приближайся», — всем видом говорила она. Может, потому он и разозлился? Все когда-нибудь случается впервые. Да нет, он просто терпеть не мог шантажистов и с этой крошкой предпочел бы заняться любовью, а не разговорами. Проклятие!

Джереми вздохнул. Этот вздох вывел Дэнни из задумчивости, и она сообщила:

— Я согласна быть горничной.

— Прискорбно. Было бы забавно понаблюдать, как ты справляешься с работой лакея.

Дэнни вспыхнула. Джереми поднял бровь.

— Ты не находишь? Кстати, злиться на хозяев не полагается. Все, что разрешено им говорить — «да, сэр», «нет, сэр», «слушаюсь, сэр», с улыбкой или без нее. Вот когда станешь моей любовницей, можешь хмуриться сколько угодно.

Дэнни чуть было не выпалила очередную дерзость, но вместо этого повернулась к Джереми спиной. Ее поза красноречиво свидетельствовала о возмущении.

— Считаешь до десяти? — сухо осведомился Джереми.

Она повернулась к нему, напряженно улыбнулась и процедила сквозь зубы:

— Да, сэр.

Он рассмеялся. Просто не смог удержаться. Весь гнев вмиг улетучился. И правда, забавная попытка «измениться к лучшему». Джереми решил, что можно примириться и с шантажом, если рано или поздно шантажистка превратится в любовницу.

Продолжая широко ухмыляться, он сказал:

— Тогда давай обсудим все по порядку. Начнем с твоего имени.

Она не затруднилась с ответом.

— Я Дэнни.

— Нет, я про твое настоящее имя. Раз уж ты решила начать новую жизнь, вступать в нее следует с незапятнанным именем.

— Это и есть мое настоящее имя, — глядя мимо Джереми, объяснила она.

— Правда? Сокращение от Даниэллы или?..

— Больше я ничего не помню. Если мне и дали другое имя, то я об этом не знаю.

Джереми вдруг смутился. Ну разумеется, откуда сироте знать свое настоящее имя, а тем более фамилию! Должно быть, чертовски тоскливо жить, ничего о себе не зная.

Он нерешительно спросил:

— Ты не возражаешь, если я буду называть тебя Даниэллой?

— Возражаю. Никакая я не Даниэлла. Друзья зовут меня Дэнни. Но вы мне не друг, поэтому можете звать Дэн.

Она была на редкость забавна в своем упрямстве, граничащем с дерзостью. Ни на дюйм не уступит ни в чем, подумал он. Очевидно, по привычке. Джереми догадывался, что Дэнни не

выжила бы, не умея постоять за себя.

— Мы все равно подружимся, дорогая, поэтому для меня ты останешься Дэнни. Кстати, красивое имя. Звучное.

— Хватит об этом, приятель, — оборвала она, спохватилась и добавила: — Сэр.

Он усмехнулся.

— Вот так-то лучше. Идем далее. У тебя в мешке, который ты бережешь как зеницу ока, есть какая-нибудь одежда?

— Только одна смена и мой любимец.

— Полагаю, еще одни штаны?

— Само собой, — сердито подтвердила Дэнни. — Меня же пятнадцать лет считали мальчишкой.

— Господи, неужели? Дэнни залилась краской.

— А ты понимаешь, что тебе придется носить женскую одежду, если ты выбрала работу горничной? Моему отцу нет дела до условностей, но я не он. Впрочем, носить форменные платья я не требую, — заверил Джереми. — Это ни к чему. Здесь холостяцкий дом, и я хочу, чтобы моим слугам было удобно. Так что не беспокойся, если не сумеешь как следует накрахмалить воротничок, помнешь юбку и так далее.

— Я знала, что придется носить платья, — напряженным тоном отозвалась Дэнни. — А я говорила, что у меня нет денег?

— А как же, конечно! — Он усмехнулся. — Не беспокойся. Моя экономка поможет тебе приодеться и всему тебя научит. Идем. Я, конечно, рад твоему обществу, но остальное ты услышишь от экономки.

Дэнни последовала за Джереми, но у подножия лестницы вдруг остановилась и заговорила:

— А вы скажете ей, что наняли меня? Чтобы она меня не выгнала? В прошлый раз, когда я нашла работу горничной, экономка выставила меня, как только увидела. Ей не понравилось, как я выгляжу и говорю.

— Могу себе представить, — сухо согласился Джереми.

— Куда вам! — фыркнула Дэнни. — Вы же никогда не нанимались в горничные.

— Да, действительно.

— Не смейтесь надо мной, Мэлори. Этого я не терплю. И потом, это было в небогатом доме, а не здесь, среди самых шикарных особняков.

Джереми прогнал с лица усмешку.

— Значит, ты уже пыталась искать работу?

— Только ничего у меня не получалось. Меня или сразу выгоняли, или говорили, что работы нет. Читать-то я не умею, а везде нужны грамотные слуги.

— А ты хотела бы уметь читать? — с любопытством спросил он.

— Конечно, но я уже не девчонка, чтобы ходить в школу.

— Учиться никогда не поздно. Не волнуйся, отсюда тебя никто не выгонит. Тебя же взяли на службу не так, как берут всех.

К удивлению Джереми, от этих слов Дэнни смутилась. Он уже не в первый раз замечал, как нелегко ладить с ней. Каждую секунду он рисковал совершить неверный шаг, словно ступал по яичной скорлупе. А эта ее вечная поза обороны, эта обидчивость! И ни капли почтения. Беспризорница-задира, пот кто она такая. Впрочем, чего еще ждать от человека, который никогда не имел дела с высшими классами, разве что грабил их?

— Идем, — снова позвал Джереми. — Миссис Робертсон где-то здесь. Тебе она понравится — готова всех опекать, как заботливая мамаша. Она...

Продолжить он не успел: парадная дверь распахнулась, и в дом влетела его кузина Регина. У Реджи имелась отвратительная привычка — она вечно входила без стука. Особенно теперь, когда жила на одной улице с Джереми и знала, что он еще не обзавелся дворцом.

Увидеть кузена в холле она никак не ожидала.

— О Господи, не думала, что найду тебя так сразу! Ты уходил?

— Нет, устраивал новую прислугу.

Регина скользнула взглядом по Дэнни, коротко улыбнулась ей, а Джереми объявила:

— Ну, все улажено!

Он поднял бровь:

— Позволь узнать, что именно?

Реджи вздохнула:

— Я решила предложить тебе одного из моих лакеев. Биллингс вернулся из отпуска. И конечно, пришлось его принять. Он же для нас как родной. Правда, новичок, который занимал его место, прекрасно справлялся. Но три лакея мне не нужны, хватит и двух, вот я и надеялась, что ты возьмешь новичка. Двое — это уж слишком, а один — в самый раз. И...

— Господи, Реджи, довольно объяснений! Я уже все понял.

Она укоризненно покачала головой:

— Я еще не сказала самого главного. Этот твой новый слуга для дворцового слишком молод, значит, ты нанял его в лакеи. А это...

На этот раз ее перебила Дэнни:

— Меня взяли в горничные, мэм. Лакей — это слишком просто.

Реджи заморгала, сообразила, в чем дело, и обратилась к Джереми:

— Очень смешно. Теперь я понимаю, почему ты нанял его. С таким лакеем не соскучишься. Ну, мне пора бежать. У меня на сегодня еще сотня дел. Не забудь: ты приглашен на ужин.

— Вот как?

— Ты забыл! — ужаснулась Реджи. Джереми усмехнулся:

— Да нет, как бы ты не забыла. Я слышу об этом ужине в десятый раз.

— Но Николас собирался заехать... ох, только бы он не забыл! Впрочем, не важно. Тебе я напомнила, смотри не опоздай. Дядя Тони и Рос тоже будут. И Дрю. И Дерек с Келси. Я пригласила даже Перси.

— Дрю вернулся? — удивился Джереми. Она кивнула:

— Сегодня пришел его корабль. А поскольку твой отец с Джорджем гостят у дяди Джейсона в Хейверстоне, Дрю некуда податься. Но думаю, Джордж примчится в Лондон, как только узнает, что ее брат здесь.

— Так ты решила развлечь его?

— Конечно! Если твой отец ненавидит шурина, это еще не значит, что все мы так же относимся к нему.

Джереми усмехнулся:

— Неправда. Отец его просто... недолюбливает. Из принципа.

— Да, как и моего мужа, — проворчала Реджи.

Джереми рассмеялся:

— Еще бы! Старина Ник едва не отправил его на виселицу.

— И братья Джордж тоже, но это не считается. — И Реджи заспешила к двери.

За время этого краткого визита Джереми совсем выдохся. Регина умела втягивать его в водоворот стремительного разговора. Обернувшись, Джереми заметил, что и Дэнни слегка ошеломлена. Эта словесная перепалка наверняка показалась ей бессмысленной.

Вспомнив, что Реджи приняла Дэнни за юношу, да и Перси тоже, Джереми с любопытством спросил:

— Неужели только я сразу угадал, что ты женщина? Дэнни пренебрежительно скривила губы.

— Ага, и больше никто. Это все штаны. Они исправно служат мне, но вас не обманули.

Джереми шагнул ближе и обнаружил, что ему приходится опускать глаза всего на несколько дюймов, чтобы встретиться с глазами Дэнни:

— Нет, все дело в росте. Ты выше многих мужчин. Такие рослые женщины — редкость.

Отступив на шаг, чтобы оказаться подальше от него, Дэнни выпалила:

— Как будто я в этом виновата!

— Тебя никто и не винит. Быть высокой не так уж плохо. Но пожалуй, миссис Робертсон будет нелегко найти тебе одежду по росту. А если тебе придется застилать постели в своих...

Он резко оборвал себя. Думать о Дэнни, стоящей возле постели, оказалось невыносимо.

— Это была ваша сестра?

Слава Богу, она задала невинный вопрос.

— Нет, кузина Регина Иден. Они с мужем Николасом живут на этой же улице, совсем рядом, но чаще бывают в своем загородном поместье Силверли.

— Сразу было видно, что вы родственники. В вашей семье все такие?

— Нет, почти все Мэлори крупные и светловолосые, как мой отец. Но кое-кто из нас пошел в мою прабабушку, в том числе и я. А с дядей Тони мы так похожи, что его часто принимают за моего отца.

— Я вижу, вас это забавляет.

— Разумеется.

— А вашего отца — нет. Ручаюсь.

Джереми усмехнулся:

— Само собой, потому мне и весело.

Глава 14

Ужин этим вечером прошел в непринужденной обстановке. Так всегда бывало, когда за столом собирались только родственники и близкие друзья. Конечно, Энтони не упустил случая пару раз поддеть мужа Реджи, Николаса. Джеймс и Энтони Мэлори единодушно соглашались только в одном: что бывший ловелас Николас Иден не годится в мужья их любимой племяннице. И то, что оба брата до женитьбы имели репутацию отчаянных повес, ничего не меняло.

Реджи они берегли, как редкое сокровище. Все четыре брата Мэлори растили девочку после смерти их единственной сестры. И несмотря на то что Реджи обожала мужа, Джеймс и Энтони не давали Нику забыть, что ему придется иметь дело с ними, если он вздумает обидеть их племянницу.

Но сегодня шпильки Энтони были скорее добродушными, чем уничижительными, а когда его жена Рослинн напомнила ему о хороших манерах, украдкой толкнув ногой под столом, Энтони переключил внимание на Джереми.

— Новый дом уже обставлен? Мебель на месте, слуги наняты, готовится пышный прием?

Джереми кашлянул.

— Прислуги не хватает, мебели тоже, а приемы ожидаются только в зимний сезон.

— Так у тебя теперь свой дом, Джереми? — удивленно спросил Дрю Андерсон, брат мачехи Джереми.

Тот усмехнулся:

— С недавних пор. Дядя Тони и отец решили, что мне пора вкусить холостяцкой жизни.

Энтони закашлялся.

— Черт побери, можно подумать, что мы выдали ему разрешение на дебоши!

— А по-моему, он прекрасно обходится и без разрешений, — с проказливой улыбкой вставила Реджи.

— Не поощряй его, детка, — упрекнул Энтони. — Мы думали, этому обаятельному бездельнику пойдет на пользу управление собственностью — для начала хотя бы своим домом.

— Ну, самостоятельности ему не занимать, — возразила Реджи. — Он уже в двенадцать лет был настоящим мужчиной.

— Я имел в виду другие мужские доблести.

— Тони, она же шутит, — вмешалась Рослинн с ее мягким шотландским выговором. — Мы-то знаем, что у тебя были благие намерения. — И она сама пошутила: — Но лучше бы ты придумал другое оправдание: Джереми помогает брату управлять нашими вкладами уже не первый год.

На этот раз на помощь Энтони пришел Джереми:

— Следить за рентой, возмещать убытки и убеждаться в честности агентов — совсем не то, что распоряжаться прислугой.

— Да и хороших слуг нелегко найти, особенно надолго, — поддакнула Реджи. — Кстати, как начал службу твой новый лакей, Джереми?

— Я беру твоего лакея, — сообщил Джереми. — Пришли его ко мне завтра.

— Прекрасно! Но надеюсь, ты не откажешь тому симпатичному юноше только потому, что я предложила...

— Нет-нет, ни в коем случае.

Объяснять кухне, какого пола его новый слуга, Джереми не стал. Дэнни получила место верхней горничной, а это значило, что Реджи вряд ли снова встретится с ней. И сказать по правде, Джереми не хотелось говорить о Дэнни и объяснять, почему он поселил в доме бывшую воровку, — он очень надеялся, что все-таки бывшую.

К счастью, разговор перешел на другие темы, а Джереми вдруг задумался о новой горничной. Ему никак не удавалось примирить вызванные ею сильные чувства — гнев и желание. С гневом он еще мог справиться, но желание одолевало его. Как они умудрялись уживаться рядом, Джереми не понимал.

Задумавшись, Джереми и не заметил, как кончился ужин, и опомнился, только когда обнаружил, что возвращается домой вместе с Дрю Андерсоном. Он пропустил тот момент,

когда именно ему поручили приютить Дрю до возвращения отца и мачехи. Наверное, такое решение приняли потому, что вся семья знала, что Джереми и Дрю отлично ладят, а теперь, когда у Джереми есть свое холостяцкое жилье, он будет только рад обществу Дрю. И это было верно.

Джереми крепко подружился с Дрю. Они замечательно уживались, им нравилось одно и то же — женщины и еще раз женщины. Познакомились они еще в те времена, когда в Лондон начали один за другим прибывать братья Андерсон, а это случилось после того, как их единственная сестра Джорджина вышла замуж за Мэлори. Но почему-то сейчас Джереми не хотелось принимать гостей, в особенности таких красавцев, как Дрю.

Однажды Джордж сказала, что у Дрю есть возлюбленная в каждом порту, где он побывал, и Джереми был склонен этому верить. Едва ли не самый младший по возрасту из пятерых братьев Андерсон, Дрю был самым бесшабашным, в свои тридцать четыре года оставался беззаботным и проказливым и не желал ограничиваться одной женщиной, поэтому о браке и не помышлял. Даже увидев, как его старший брат Уоррен, убежденный холостяк, женился на Эми Мэлори и зажил счастливее, чем когда-либо прежде, Дрю ничуть не изменился. Подобно Джереми, он считал, что вся прелесть жизни — в разнообразии и чем больше этого разнообразия, тем лучше.

Ростом шесть футов и четыре дюйма, закаленный за время долгих морских плаваний, Дрю принадлежал к мужчинам, от которых женщины без ума. Благодаря золотисто-каштановой кудрявой гриве и глазам глубокого темного цвета он по праву считался красавцем — именно поэтому Джереми и не желал видеть его в своем доме как раз тогда, когда в нем поселилась женщина, которую Джереми приберегал для себя.

Когда дом уже был совсем близко, Джереми наконец решился спросить:

— А ты уверен, что не хочешь пожить в гостинице, Дрю? У меня в доме совсем пусто. Кроме кроватей, я не успел купить никакой мебели. Комнаты голые, я сам ем в кухне.

Хорошо, что в кухне уже царил домашний уют: первым делом Джереми нанял кухарку и разрешил устраиваться по своему вкусу, закупая все, что понадобится. А спальня Джереми была обставлена только потому, что по настоянию Джордж он перевез сюда мебель из своей прежней комнаты. Дрю хмыкнул:

— Мне хватит и постели.

— Ложиться пока слишком рано, — вмешался Перси. До его дома было всего несколько кварталов, и он решил пройтись с друзьями. — Может, сходим...

— Не сегодня, Перси, — перебил Дрю. — У меня был трудный день. Первый день в порту — это вечная головная боль: слишком долго приходится ждать своей очереди подойти к причалу. А остаток дня я проторчал в судовой конторе «Скайларк», и утром мне опять туда идти.

— Ты серьезно, старина? А я думал, все моряки бросаются искать женщин сразу же, как только приходят из плавания.

Дрю усмехнулся:

— Совершенно верно, но такие развлечения я предпочитаю после отдыха. Пока же для меня постель — место только для сна. Вот завтра вечером — посмотрим.

— Непременно. Буду ждать. А ты, Джереми? Не хочешь ли?..

Джереми не поддался искушению.

— И я не прочь хорошенько выспаться, Перси. Никак не отойду от той ночи, когда мы вернулись домой засветло.

Вспомнив о ночной поездке из Лондона в поместье Хеддингса, Перси закивал:

— И правильно. Сказать по правде, понежиться в постели тоже приятно.

Джереми улегся не сразу. Сначала он проводил Дрю в комнату для гостей, затем зашел к себе и позвонил в колокольчик. Он надеялся, что экономка уже объяснила Дэнни, что означает звон в ее комнате. Вряд ли Дэнни легла спать в такую рань.

А если и легла, звон разбудит ее — это даже к лучшему. При мысли о разомлевшей от сна Дэнни у Джереми возникло желание объяснить ей, какое наказание может понести ленивая служанка. План он продумал заранее, но лишь на тот случай, если Дэнни опять окажется неуязвима для его чар. А если все сложится удачно, он будет действовать по наитию, совмещая приятное с полезным.

Должно быть, она еще не ложилась, потому что явилась сразу по звонку. К тому времени, как она громко постучала в дверь, Джереми успел раздеться до панталон и рубашки. Распахнув дверь, он поспешно втащил Дэнни в комнату, чтобы на шум не явился Дрю.

— Пустите! — возмутилась Дэнни, рывком высвобождая руку.

— Тише! В соседней комнате гость.

Дэнни подняла бровь, всем видом показывая, что для нее это не оправдание.

— Чего вам?

Работа, крыша над головой и еда ничуть не смягчили ее. На всякий случай, пожалев о резкости, Дэнни попятилась, увеличивая расстояние между собой и Джереми.

Джереми понимал: чистосердечно признавшись, что ему нужно, он совершит серьезную ошибку. К таким словам Дэнни еще не готова. Однако выражение лица выдавало его.

Чтобы успокоить ее, он поспешно произнес:

— Мне нужна еще одна бутылка бренди. Они хранятся в кладовой.

— И ради этого вы меня сюда вызвали? — недоверчиво переспросила она. — Вы же могли сходить за бутылкой сами!

Он изумленно вытаращил глаза.

— Это еще зачем, если у меня есть горничная?

Дэнни что-то проворчала, но вовремя умолкла и ушла за бренди. Джереми успел прогнать улыбку с лица к тому моменту, как Дэнни вернулась с бутылкой в руке. Он уютно устроился в кресле у камина. Дэнни направилась напрямик к нему и протянула бутылку. Но Джереми только кивнул в сторону каминной полки, где стояла опустошенная бутылка.

— Раз уж ты здесь, налей бренди в стакан, — велел он и пренебрежительно добавил: — Надеюсь, подать его мне ты догадаешься сама?

Дэнни раздраженно и довольно громко фыркнула и бухнула в высокий стакан почти треть бутылки — гораздо больше, чем требовалось. Среди стаканов она выбрала самый большой, очевидно, считая, что так будет лучше.

Он вздохнул, досадуя на ее неопытность, и распорядился:

— В следующий раз наливай не выше чем на дюйм. Прямая, как палка, Дэнни повернулась со стаканом в руке. И вручила его Джереми — так негодующе, что он удивился, как это она удержалась и не выплеснула содержимое стакана ему в лицо. А жаль. Если бы выплеснула, пришлось бы заставить ее наводить порядок. Джереми довольно зажмурился, представив, как Дэнни смывает липкую жидкость с его груди влажным полотенцем.

— Заодно приготовь постель, — продолжал отдавать приказы Джереми. — Надеюсь, миссис Робертсон объяснила, что входит в твои обязанности?

— Еще нет, но вряд ли стелить постели — мое дело.

— А чье же еще? Каждый вечер меня должна ждать готовая постель. Уверен, ты быстро научишься. Кстати, как прошло знакомство с миссис Робертсон? Надеюсь, гладко? По-моему, ты ее боялась.

Эти вопросы немного успокоили Дэнни, она пожала плечами, подошла к кровати и сдернула с нее покрывало.

— Славная старушка. Сначала переспрашивала каждое слово, ничего не понимала, а потом привыкла.

— Ох, Дэнни, Дэнни, — вздохнул Джереми. — Присмотри, что ты наделала! Расправлять постель надо аккуратно, а не так, словно меняешь белье. Я хочу ложиться на расправленные простыни, а не путаться в них.

От такого упрека она покраснела, но попыталась исправиться. И это его удивило. Получив работу шантажом, она должна была относиться к ней несерьезно. А Дэнни, похоже, решила стать хорошей служанкой, и это открывало перед ее хозяином безграничные и весьма приятные возможности.

— И не забудь взбить подушки, — добавил он. Она застыла на миг, а потом изо всех сил ткнула кулаком в середину подушки. Джереми подавил смешок. Возмездие оказалось слаще, чем он думал.

— Теперь мои сапоги.

Дэнни с беспокойством нахмурилась и незаметно для себя снова заговорила по-уличному:

— А чего с ними?

— Помоги мне их снять.

Не сдвинувшись с места, она тем же беспокойным тоном спросила:

— А мужчины у вас для этого нет? Как там его звать?

— Камердинер. Нет, он мне ни к чему. Для таких мелочей есть ты.

Дэнни закрыла глаза. Джереми даже показалось, что он услышал стон, но в этом он сомневался. Что же будет дальше? Неужели он наконец задел ее за живое, да так, что она не выдержала? Его кровь быстро закипала. При виде Дэнни рядом с постелью его мучило желание уложить ее в эту постель.

— Подойди сюда, — чувственно и томно приказал он. Она широко открыла глаза, но осталась на месте.

Наверное, совсем перепугалась.

Чтобы немного успокоить ее, Джереми перевел взгляд на свои ноги и напомнил:

— Сапоги. Сегодня я все-таки хотел бы лечь спать, и желательно разутым. — Она по-прежнему стояла, и он раздраженно продолжал: — Может, напомнить тебе, что ты сама просила работу и даже настаивала?

Это подействовало. Дэнни торопливо пересекла комнату, схватилась за его сапог и задергала, пытаясь стащить. Конечно, сапог не поддался. Несколько минут Дэнни пыталась и упиралась, но сапог не сдвинулся ни на дюйм.

Наконец Джереми сухо осведомился:

— Стало быть, ты и этого не умеешь?

— Умею, — обиделась Дэнни. — Просто я думала, богачи носят сапоги, которые легко снимаются.

— Если не брезгуешь, можешь оседлать мою ногу, дорогая. Смелее!

Дэнни подчинилась, повернулась к нему спиной и дождалась, когда он упрется второй ногой ей в поясницу. Но теперь оцепенел Джереми. Дэнни явилась наверх без сюртука, в одной рубашке, штанах и носках, и ее упругие тылы вдруг оказались прямо перед Джереми, в пределах досягаемости. Вероятно, он совершил величайший подвиг в жизни, не воспользовавшись этим случаем и вместо этого упершись ногой в подставленное место.

Джереми толкнул Дэнни сильнее, чем требовалось. Она пошатнулась, зато успела стащить сапог и занялась вторым.

В попытке охладить собственный пыл Джереми небрежно заметил:

— Вижу, на тебе по-прежнему лохмотья. Почему миссис Робертсон не нашла тебе приличную одежду?

Дэнни метнула на него сердитый взгляд, убедилась, что он не насмехается над ней, и объяснила:

— Она пыталась. Даже сводила меня к своей сестре, портнихе. Сказала, что искать для меня готовое платье — только зря тратить время. Все равно из-под него будут видны лодыжки.

— Какая досада! Я был бы не прочь полюбоваться ими. Дэнни фыркнула.

— Первое платье пришлют завтра, второе — через день.

— И все? Этого слишком мало.

— А я сказала ей, что мне хватит.

— Сомневаюсь. Не можешь же ты каждый день стирать одежду! Незачем тратить время. Я велю миссис Робертсон заказать еще платьев. Как тебе комната? Устраивает?

Второй сапог тоже был снят. Обернувшись, Дэнни вопросительно подняла бровь.

— А если нет, вы меня переселите?

Джереми поднялся, шагнул к ней и заговорщически прошептал:

— Моя комната к твоим услугам. Я не против такого соседства.

Дэнни напряглась:

— И не мечтайте, приятель! Выпрямившись, он вздохнул:

— Нельзя быть такой ершистой, Дэнни, это всего-навсего безобидный флирт. Да будет тебе известно, я не кусаюсь — кроме как ради удовольствия, а это совсем другое дело. Скорее нежное покусывание. — Его голос стал хриплым. — За шейку, ушко... кстати, ступай к себе.

Так она и сделала, не теряя ни секунды.

Глава 15

Дэнни почти бежала по коридору к кухне. Она проспала, ее понадобилось будить — неудачный первый день работы. Да еще такой выгодной! Ей до сих пор не верилось, что она будет жить в этом прекрасном доме.

Даже в том крыле, где, жили слуги, пол в коридоре устилал ковер! Но Мэлори не нанял бы ее, если бы не шантаж, хотя и подыскивал горничную. При воспоминании об этом Дэнни становилось тошно. Хорошо еще, что она все-таки добилась своего. Мысленно она поклялась стать самой лучшей горничной, какую он мог бы найти.

Мысли о Мэлори вызвали у нее прилив возбуждения, который Дэнни постаралась скорее погасить. Не замечать этого влечения было нелегко, но Дэнни понимала, как рискованно было бы поддаться ему.

Наконец она вошла в кухню. Кухарка миссис Эппл-тон уже находилась на своем посту — веселая особа средних лет, невысокая, но крепкая, За работой она любила петь во весь голос.

Вчера, когда миссис Робертсон представила ей Дэнни как новенькую верхнюю горничную, миссис Эппл-тон хохотала почти десять минут, покатываясь со смеху всякий раз, стоило ей снова взглянуть на Дэнни. Девушка надеялась, что кухарку так развеселила ее одежда. Наверное, миссис Эпплтон никогда прежде не видела женщин в панталонах.

Ее помощницей Клэр оказалась та самая ворчливая девушка, которая вчерапустила Дэнни в дом. Когда Дэнни вошла в кухню, Клэр сразу заявила:

— Ты опоздала.

— Знаю. Извините.

— Завтрак уже остыл.

Послушать ее, так в этом была виновата Дэнни. Клэр принадлежала к людям, которые вечно чем-то недовольны. Сутулая, с поникшими плечами, она постоянно хмурилась — по крайней мере Дэнни еще ни разу не удалось увидеть у нее на лице другое выражение. А может, мрачной Клэр казалась только рядом со смешливой кухаркой.

— Сейчас мне некогда завтракать, — объяснила Дэнни с грустным вздохом, глядя на несколько приготовленных для слуг блюд. Ее голод разыгрался с новой силой.

— Это еще почему? — возмутилась Клэр. — Какие у тебя могут быть дела? Ты опоздала к завтраку.

— Да? А разве не на работу? Клэр фыркнула:

— Это мое дело — вставать ни свет ни заря. А ты жди, когда хозяин покинет спальню, потом ступай убирать в ней. Наверху шуметь нельзя, пока он не проснулся сам.

— А если он проспит весь день?

— Значит, будешь работать ночью, ясно? И следи за своей речью, — с отвращением добавила Клэр. — Ни слова не разобрать, бубнишь, как беспризорник. Откуда ты?

Покрасневшая Дэнни не ответила. Она могла бы заговорить как положено, но для этого требовалось сосредоточиться, а она сильно нервничала. К тому же умение говорить правильно возвращалось к ней лишь временами. За пятнадцать лет она успела накрепко затвердить уличный жаргон и выговор.

Кухарка цыкнула на помощницу и обратилась к Дэнни:

— Да не волнуйся ты, милочка. Миссис Робертсон сама скажет, что и как надо делать. Просто слушай ее и старайся, и будешь умницей.

Только что упомянутая экономка заглянула в кухню, заметила Дэнни и воскликнула:

— Вот ты где! Уже позавтракала? Идем со мной. Значит, ее не отругают? Она опоздала только к завтраку? Дэнни вздохнула с облегчением. Если бы не голод...

Бросив последний взгляд на аппетитные блюда, расставленные на столе, она быстро схватила две булочки, засунула их в карманы и поспешила за экономкой. Кухарка, которая внимательно наблюдала за Дэнни, проводила ее дружеским смехом.

Миссис Робертсон провела новую служанку вверх, в одну из незанятых комнат, и подробно объяснила ее обязанности. Сейчас комнаты пусты, но скоро их должны были обставить, и миссис Робертсон долго втолковывала Дэнни, что от нее потребуется.

Нигде в доме не должно быть ни пылинки — так звучало первое правило миссис Робертсон. Грязное белье надо собирать, относить в стирку и приносить обратно. Полы, окна, все, что находится на верхнем этаже, должно выглядеть безупречно.

Верхний этаж — владения Дэнни, повторила миссис Робертсон, и Дэнни это понравилось. Но пока нет нижней горничной, ей придется поддерживать порядок во всем доме. На кухне этим занимается Клэр. Пока почти все комнаты на нижнем этаже тоже пусты, так что наводить в

них чистоту будет несложно.

— Дождись, когда мастер Джереми покинет спальню, а потом хорошенько приберись в ней. Если ему что-нибудь понадобится, он позовет тебя раньше. Если у хозяина гости, опять жди, когда они спустятся вниз, а потом наводи порядок у них в комнатах. Боже упаси тебя будить гостей и хозяев! Сейчас в доме живет один из родственников мастера Джереми — значит, заняты две комнаты. Выполнять свою работу можешь в любом порядке, главное, чтобы к концу дня она была сделана.

Миссис Робертсон говорила без умолку, а Дэнни слушала и запоминала, но успела прикинуть, что работы на весь день ей не хватит. И она сказала об этом.

— А если я каждый день буду заканчивать работу уже к вечеру?

— Когда мастер Джереми дома, ты должна всегда быть наготове — на случай если ему что-нибудь понадобится. А в остальное время можешь делать что хочешь: отдыхать, читать, гулять, ходить в гости — что угодно. По воскресеньям, после того как ты заправишь постели и наведешь порядок на своем этаже, можешь быть свободна до вечера. Кроме того, тебе понадобится каждый день упражняться, чтобы исправить выговор.

— Чего?

— Вот именно. А надо было ответить: «Что плохого в моем выговоре?», или «А что такое выговор?», или даже «Благодарю, мой выговор меня вполне устраивает».

— Так я то же самое и сказала, только короче! Экономка рассмеялась:

— Крошка Дэнни, не обижайся! Сказать по правде, твой выговор меня не раздражает — наоборот, напоминает молодость. Видишь ли, я не всегда служила в богатом доме. Но поверь мне, правильная речь пойдет тебе только на пользу. Не придется стесняться того, что тебе трудно выразить мысли.

Дэнни вздрогнула, услышав, как экономка назвала ее крошкой Дэнни. Ей вдруг вспомнилась комната, полная игрушек. Кто-то держал ее за руку и говорил: «Ну, крошка Дэнни, выбирай. Папа делает тебе подарок на день рождения — разрешает выбрать любую игрушку, какая понравится».

Неужели когда-то ей так хорошо жилось, пока кто-то не пришел и не отнял все? Или это просто сон? От стараний вспомнить что-нибудь еще у нее разболелась голова, но дверца памяти наглухо захлопнулась. А миссис Робертсон ждала ответа.

— Кажется... я знаю, как надо, — нерешительно начала Дэнни. — Но так я говорила очень давно и уже все забыла. Моя подруга Люси научила меня говорить, как сейчас. Она так старалась, чтобы у меня все получилось!

— Как странно!.. Словом, я готова поправлять тебя — конечно, если ты не возражаешь. Мастер Джереми говорил, что и он согласен помочь тебе в учебе.

— Да ну?

— Да, он принимает в тебе участие. Ведь он принадлежит к высшей знати. Если бы ты служила в доме торговца, на твою речь никто не обращал бы внимания. Но слуги знати порой бывают такими же снобами, как их хозяева. Значит, и ты должна соответствовать, не так ли? Подумав,

Дэнни заявила:

— Нет, быть снобом я не хочу. Миссис Робертсон снова расхохоталась.

— Детка, ты прелесть! Давным-давно я так не смеялась. Нет, я не собираюсь делать из тебя сноба. Боже упаси! Ни я, ни мастер Джереми. Но в соседних домах тоже есть слуги. Да и в нашем доме скоро появится новая прислуга. Понимаешь? Неизвестно, с какими людьми сведет тебя судьба, а выставлять себя на посмешище всегда досадно, правда? Само собой, никто не любит, когда над ним смеются.

Таких наставлений Дэнни не ожидала. Но поскольку она стремилась стать лучше, то решила, что надо поблагодарить экономку за науку.

— Спасибо, мэм. Я буду учиться.

— Прекрасно! Что, если мы будем посвящать урокам по часу каждый вечер? Ты и опомниться не успеешь, как перестанешь глотать звуки!

Дэнни несмело заулыбалась.

— Нет, пятнадцать лет так скоро не забудутся.

— Может быть. Но куда тебе спешить? Рано или поздно ты всему научишься.

Значит, ее отсюда не выгонят? С плеч Дэнни словно свалилась тяжкая ноша. Вот если бы еще привыкнуть к Мэлори...

Глава 16

— Есть кто-нибудь дома?..

Услышав громкий женский голос, Дэнни свесилась через перила лестницы, ведущей на верхний этаж. В холле она увидела трех дам — красавиц, разодетых по последней моде. Одну из них Дэнни узнала — это была кузина Мэлори, Регина Идеи, та самая, которая вихрем влетела в дом вчера. Теперь Дэнни было ясно, как гости очутились в холле.

Отвечать на вопрос леди Дэнни не собиралась. Она хорошо помнила перечень своих обязанностей: открывать дверь и общаться с гостями ей не полагалось. Этим должен заниматься дворецкий или лакей. А пока в доме не было ни того ни другого, их успешно заменяла Клэр.

Дэнни хотела было спрятаться, но поздно.

— А, вот ты где! Спустись к нам, пожалуйста. Дэнни не шелохнулась. Может, ей только кажется, что незнакомка обращается к ней. Сейчас наверняка выйдет Клэр. Кто-то должен прийти на голоса.

— Не прячься, я вижу, что ты меня слышишь! Спускайся!

Дэнни спряталась за перила и пригнула голову. Нет, она не ошиблась: Регина Идеи смотрит прямо на нее и манит рукой! И помочь некому. Заставлять гостей ждать — это грубо.

Дэнни заспешила вниз по лестнице привычным торопливым шагом, но чуть не растянулась на мраморном полу. Чертов скользкий пол! Но она забыла обо всем, как только приблизилась к

трем гостям и смогла получше разглядеть их. Это были не просто красавицы, а ослепительные феи.

У одной волосы были огненно-золотистыми, а глаза — серовато-зелеными. Миниатюрная, на добрых пять дюймов ниже Дэнни, она казалась довольно молодой, лет под тридцать. Вторая была еще моложе — Дэнни не дала бы ей и двадцати пяти. Ее черные волосы вились от природы, глаза были нежно-серыми. Возвышаясь над всеми тремя дамами, Дэнни почувствовала себя неловко.

Регина Идеи — родственница Мэлори, а эти две кто такие? Мэлори говорил, что в его семье у всех светлые волосы. И если к нему заходят такие прелестницы, может, она, Дэнни, ему и не нужна? Наверное, он просто подшучивал над ней, не собираясь затаскивать в постель. По сравнению с этими элегантными леди Дэнни — ничтожество, да еще и бывшая воровка. А у гостей на лбу написано, что они аристократки.

— Как тебе новая работа? — обратилась к ней Регина. — Сегодня попозже я пришлю своего лакея. Уверена, вы с ним поладите. Он славный малый. А пока позови нам Джереми, который, похоже, вместе с Дрю успел развлечься ночью, после моего ужина, обычно он встает рано. Неужели Джереми до сих пор спит?

Недавно пробило десять. Дэнни могла с чистой совестью сказать, что Джереми еще у себя: она пристально следила за дверью его спальни, чтобы вовремя спрятаться, когда он выйдет. В ее планы не входило ежедневно сталкиваться с Мэлори на лестнице или в коридоре.

— Сегодня я его не видала. Небось спит еще. Она надеялась, что гости услышат это и уйдут, но нет, Регина попросила:

— Пожалуйста, разбуди его. И попроси поторопиться. Чтобы обставить этот дом, сегодня нам придется объездить все лавки города.

— Вы едете за покупками?

— Верно. Иначе и через год в этом доме будет пусто. Джереми планирует приемы, а не может самостоятельно даже купить диван для гостей!

Дэнни задумалась, известно ли Джереми, что он планирует какие-то приемы. Поднимаясь наверх, она невольно ухмылялась. Кузина Мэлори была такой настойчивой, что Дэнни не удивилась бы, узнав, что приемы — это ее затея.

Перед дверью в коридоре она вдруг замерла, сообразив, что ей придется будить Мэлори. А она так надеялась сегодня не увидеться с ним! Сначала ей хотелось свыкнуться с работой. После всего, что он сказал вчера вечером... у Дэнни опять перехватило дыхание: она вспомнила, какими глазами Мэлори смотрел на нее.

Тряхнув головой, она заколотила в дверь и закричала:

— Вставайте, приятель! К вам гости.

И бросилась бежать по коридору, надеясь спрятаться в пустой комнате. Но дверь напротив распахнулась, и белокурый великан рывкнул:

— Если ты всегда так будишь людей, лучше пришли ко мне горничную, иначе я живо спущу тебя с лестницы!

Дэнни чуть не расплакалась от страха. Не успела она освоиться в доме, как снова допустила ошибку и разозлила родственника Мэлори, да так, что тот пригрозил выгнать ее. Она обернулась, собираясь извиниться, но все слова вылетели у нее из головы. Рослый, широкоплечий, белокурый незнакомец удивленно уставился на нее.

— Чтоб мне провалиться! Если ты не женщина, я съем свой корабль!

— Кишки занозите, — усмехнулась Дэнни. Великан рассмеялся:

— Значит, ты и есть горничная? Нет, спрошу по-другому: надеюсь, ты горничная, а не возлюбленная Джереми?

— Никакая я не возлюбленная.

— Вот так удача!

— Чего?

— Значит, ты доступна, милашка. Дэнни фыркнула:

— Еще чего!

— Не разбивай мне сердце в такую рань. Я могу и не выдержать.

Судя по виду, он ничуть не огорчился — наоборот, казался самоуверенным и дерзким, и Дэнни ответила коротко:

— Хватит об этом, приятель.

И повернулась, чтобы уйти. Флиртовать с мужчинами она не привыкла. С женщинами — да, такое часто с ней случалось, многим хотелось поболтать с симпатичным пареньком. Дэнни держала наготове несколько фраз — необидных, но дающих понять, что собеседница не вызывает у нее интереса. А мужчины... но как этот верзила догадался, кто она такая?

Черт возьми, она была права, когда опасалась, что вскоре играть роль мужчины уже не сможет. За последние дни она дважды убедилась в этом.

Не успев сделать и нескольких шагов, она услышала менее чем дружелюбный голос Джереми:

— В доме пока не хватает слуг, Дрю, как тебе известно.

— Подумаешь! Мне не привыкать. А ради такой мордашки можно забыть и про море.

— Но расставаться с морем ты не собираешься. Смешок.

— И никогда не расстанусь.

Хлопнула какая-то из дверей — Дэнни не поняла какая. Она решила оглянуться, надеясь, что в комнату ушел Джереми. Но нет: он стоял в коридоре, глядя ей вслед. И был одет только в бриджи.

Дэнни застыла, даже на минуту забыла, как дышать, так ее заворожило это зрелище. Его тело было на удивление мускулистым и крепким, как камень. То, что Дэнни считала загаром, оказалось естественным цветом кожи. А со встрепанными после сна волосами он был так

непреодолимо привлекателен, что Дэнни чуть не полетела к нему, как бабочка на пламя...

О Господи! Опомнившись, она огляделась и юркнула за ближайшую дверь. И попала в комнату, где хранилось чистое постельное белье. Здесь было полутемно, между дверью и полками почти не оставалось места. Но выходить навстречу полуголому мужчине Дэнни не собиралась.

Джереми постучал в дверь. Дэнни чуть не застонала.

— Уходите! Вы не одеты.

— Ничего, привыкнешь.

— Как бы не так!

Она услышала, как он усмехнулся, и скрипнула зубами.

— Какого черта ты колотила в мою дверь? Зачем разбудила меня?

Дэнни покраснела. Ну что ему стоит говорить не так громко? Разбудив его, она нарушила одно из самых важных правил своей новой работы. Когда в доме появится лакей, будет кого в таких случаях посылать в спальню хозяина... Постепенно Дэнни успокоилась, но тут вспомнила, что по другую сторону двери стоит Джереми и ждет ответа. Полураздетый.

— Я не нарочно! Там, внизу, стоя женщины...

Она осеклась: Джереми открыл дверь и застыл в проеме, сложив руки на обнаженной груди. Эта широкая грудь плавно сбегала к узкой талии. На плечах выпирали скульптурные мускулы. Просто удивительно, как хорошо он сложен, мелькнуло в голове у Дэнни. Наверное, потому и держится так уверенно. Он прекрасно знает, какой он лакомый кусочек.

А Джереми чувствовал себя совершенно непринужденно, разговор его забавлял. Дэнни с трудом оторвала взгляд от его груди.

— А тебе не кажется, что это глупо — переговариваться через дверь?

— Еще глупее чесать языками, когда вас ждут.

— Кто?

— Ваша кухня и еще две дамы.

— Полагаю, они зашли просто чтобы поздороваться? — не скрывая надежды, осведомился Джереми.

Дэнни покачала головой и неожиданно для себя объяснила язвительным тоном:

— Вас потащат за покупками.

Догадаться, что ходить за покупками или заниматься обстановкой дома Мэлори не хочется, было нетрудно.

Он тяжело вздохнул:

— Черт, хоть бы Реджи предупреждала меня заранее! Но тогда это была бы уже не она. Будь

так любезна, принеси мне пару пирожков, пока я одеваюсь. Кузина вряд ли захочет ждать, когда я позавтракаю.

Дэнни была готова на все — лишь бы поскорее удрать.

Но Джереми не сдвинулся с места! Ей пришлось протискиваться мимо него, и она случайно задела его руку. Рука мгновенно обвилась вокруг ее талии.

— В следующий раз, когда захочешь спрятаться в кладовой, — зашептал он ей на ухо, — позови меня с собой. Ты не представляешь себе, как приятно можно провести время в таком уютном уголке.

Дэнни не ответила: она сразу лишилась дара речи и все мысли улетучились из ее головы. Вырвавшись из рук Джереми, она бросилась к лестнице. Последним, что она услышала от Джереми, был его вздох. Странно, как ей удалось добраться до кухни, не лишившись чувств посреди коридора?

Глава 17

— Не понимаю, на что ты надеешься. Он убежденный холостяк и всем известный повеса. В гостях он бывает только по настоянию родных...

Слушая подругу вполуха, Эмили Баскомб наблюдала за Джереми Мэлори, стоящим в другом углу гостиной. Со своим ростом он выделялся в любой толпе, а еще обладал порочной привлекательностью, чем сразу обращал на себя внимание всех присутствующих дам. Черный вечерний сюртук сидел на нем как влитой. Густые волосы смоляными волнами ниспадали на шею и были, пожалуй, длинноваты, но придавали ему щегольской вид.

Две девушки были дебютантками, выезжали в свет первый сезон, но лишь Эмили привлекала взгляды несравненной красотой. Дженнифер давно привыкла к успеху подруги, с которой выросла в одном графстве. Миниатюрная блондинка с голубыми глазами, изящная Эмили производила фурор и купалась во всеобщем восхищении.

Но с тех пор как на прошлой неделе Эмили впервые увидела Джереми Мэлори, он завладел ее сердцем. И она решила, что этот красавец будет принадлежать ей. Поначалу она не думала, что завоевывать его придется ей самой, но когда их представили друг другу, он на нее едва взглянул. А теперь, спустя неделю, смотрел сквозь нее, будто они и не были знакомы.

Это было неслыханно. Эмили знала, что все светские лорды нынешнего сезона у нее в кулачке, и могла бы заполучить в мужа любого. Но не Мэлори. А ко всем остальным она не питала ни малейшего интереса.

До Эмили давно дошли слухи о красоте Мэлори, но поскольку она жила в поместье родителей далеко от Лондона и редко бывала в столице, то лишь теперь убедилась, что слухи не солгали. Мэлори и вправду оказался редкостным сокровищем. Он манил и завораживал.

Дженнифер продолжала увещевать подругу: — Говорят, он обращает внимание лишь на тех женщин... — она таинственно понизила голос, — ...которых может уложить в постель, не опасаясь за свою свободу!

— Джен, не трудись напрасно, — нетерпеливо отозвалась Эмили. — Я выйду за него замуж, даже если прежде мне придется переспать с ним. Так или иначе, но он будет моим.

— Эмили Баскомб, ты не посмеешь! — ахнула Дженнифер.

Эмили пренебрежительно надула хорошенькие губки, отвела подругу в сторонку и зашептала:

— Конечно, так далеко заходить я не намерена. Но он будет не первым мужчиной, которого приведут к алтарю слухи о непорядочности!

— Какие слухи?

— Подожди, я думаю. Но сначала я дам ему последний шанс исправиться. Идем со мной. Напомним ему, что мы знакомы.

— Меня ему не представляли, — возразила Дженнифер, не желая участвовать в замыслах подруги.

— Значит, я вас познакомлю.

— Это неприлично! — воскликнула Дженнифер. — Ты сама с ним едва знакома.

Эмили сокрушенно покачала головой:

— Джен, чего ты надеешься добиться в жизни, если и впредь останешься такой трусихой? — И она вздохнула. — Впрочем, как тебе угодно. Пойду одна. Нет ничего зазорного в том, чтобы самой подходить к мужчине, за которого ты собираешься замуж.

— Но ты же... не...

Дженнифер умолкла, увидев, что Эмили уже отошла. Слишком уж она смелая, думала Дженнифер, впрочем, самой хорошенькой девушке Англии позволено все. Она везде чувствует себя королевой.

Джереми заметил приближающуюся девушку, огляделся в поисках ближайшей двери, но сбежать ему помешал подошедший Дрю.

— Признаться, этот вечер я мечтал провести несколько иначе, — заявил Дрю. — В свете я предпочитаю возвращаться после ночи в постели с горячей девчонкой.

— Не только ты. — Джереми усмехнулся, взял Дрю за руку и повел к двери. — Может, улизнем? Этот бал — затея Перси, а я твердо пообещал ему появиться здесь. Но поскольку обещание мы уже выполнили, то...

— Джереми, неужели вы уже уходите? Мы ведь еще не успели потанцевать.

Он мог сделать вид, что не слышит ее, но такой грубости обычно себе не позволял. Подавив вздох, он обернулся.

— Леди Эмили, какая приятная встреча! — произнес Джереми учтиво, но скучающим тоном, надеясь, что Эмили поймет намек.

Номер не прошел. Эмили буквально лучилась улыбкой, глядя на него. Улыбка придавала ей особую прелесть: голубые глаза искрились, на щеках появлялись ямочки. Джереми знал, что в этом сезоне она пользуется бешеным успехом. И усердно ищет мужа, потому и не спускает с него глаз.

— Я тоже очень рада, — вежливо отозвалась она. — На прошлой неделе нам так и не представилось случая побеседовать.

— Увы, я опаздывал на встречу. Боюсь, мне и сейчас уже пора. Мы как раз...

Дрю толкнул его в бок.

— Может быть, ты все-таки меня представишь? Джереми вздохнул.

— Леди Эмили Баскомб, позвольте представить вам Дрю Андерсона, моего дядю.

— Звучит так, будто я дряхлый старик, — обиженно отозвался Дрю, подхватил руку Эмили, протянутую Джереми, и осторожно пожал ее. Отпускать тонкие пальчики он не спешил. — Очень, очень рад — особенно если здесь вы без мужа.

— Мужа? Я не замужем... пока.

Дрю кашлянул, осознав свою вполне понятную оплошность. Даже американцам было известно, что юной незамужней дебютантке не полагается без компаньонки подходить к холостым мужчинам.

— Какая жалость! — воскликнул Дрю, сбив с толку юную леди.

Джереми чуть не расхохотался. Пока Дрю не узнал, что его новая знакомая — девица, он выглядел не на шутку заинтересованным.

Спасая положение, Джереми произнес:

— Извини, старина, но продолжить знакомство с дамой тебе придется в другой раз. Нам и вправду пора. Мы уже опаздываем.

— Вот досада, — подхватил Дрю. — Но если надо — ничего не поделаешь... — И он сам потащил друга прочь.

* * *

Несмотря на приятные хлопоты — днем привезли новую мебель, — к вечеру на Дэнни накатила тоска и никак не унималась, мешая уснуть. Откуда она взялась, Дэнни решительно не понимала. Ей следовало бы распевать от радости. Она отработала свой первый день в приличном богатом доме, и ее не выставили вон. Своим похвальным желанием вести честную жизнь она по праву могла гордиться. Работа оказалась несложной, слуги были вежливы с ней. Экономка даже пообещала научить ее правильно говорить. И ее поселили в чудесной комнате. Да если бы она еще пару дней назад узнала, что с ней будет, она ни за что не поверила бы в такую удачу!

А еще сегодня принесли ее новую одежду. Простую, добротную и удобную для работы: белую блузку с длинным рукавом и мелкими рюшами на манжетах, с воротником-стойкой, но не слишком высоким. И гладкую, без складок и оборок, черную юбку. Поверх нее полагалось надевать белый передник, обшитый узкими оборочками, — настоящий передник горничной, с двумя глубокими карманами. В каждый из них поместилась бы даже метелка из перьев.

Переодевшись, Дэнни долго вертелась перед зеркалом, любуясь собой. Заложив локоны за уши, чтобы придать прическе хоть какую-нибудь строгость, она поразилась тому, как мило

выглядит. И не просто мило: она похожа на тех красавиц, которые увезли Мэлори! Неужели он заметил это с самого начала?

Новый лакей явился вскоре после полудня, и одновременно начали подвозить мебель. Фамилия новичка была Карлтон. Совсем молодой, несколькими годами старше Дэнни, он мог показаться невзрачным, если бы не большие темно-карие глаза. Лакей был добродушным и словоохотливым. Пока его знакомили со слугами, Дэнни пристально наблюдала за ним — должно быть, слишком пристально, потому что несколько раз вогнала его в краску. К этому человеку ее ничуть не тянуло, но она сразу сообразила, что именно из таких юношей получают почтенные и преданные мужья, поэтому решила при случае познакомиться с ним поближе.

Сон все не шел. Наконец она поднялась и решила обойти верхний этаж, проверить, все ли в порядке. Единственным исключением оказались два обитателя верхних комнат: молодые богачи до сих пор не вернулись — должно быть, отправились на поиски доступных женщин. А что еще делать молодым и состоятельным? Может, потому она и тревожилась, что Мэлори побежит искать другую юбку, если она, Дэнни, его отвергла? Так этому можно только радоваться. Значит, ее он оставит в покое... Нет, эта мысль не доставила Дэнни никакого удовольствия.

Мрачнее тучи, она вернулась вниз. Сворачивая за угол коридора, она услышала, как открылась парадная дверь, и уловила обрывок разговора.

— Ну и чего ты ждешь? Она же просто потаскушка, — говорил Дрю.

— Нет, она не такая, — возразил Джереми. — И мне бы не хотелось говорить о ней.

— Вот, значит, как? А что с этой милой малюткой Эмили Баскомб, которая весь вечер не сводила с тебя глаз и пускала слюнки? Только не говори, что она тебе не нравится!

— А. я проявлял к ней интерес?

— Ни капли, поэтому и спрашиваю. Почему?

— По той же причине, по которой ты пошел на попятный, едва услышав, что она не замужем. Все мы одинаковы, старина. Дебютанток я избегаю — и в первый сезон, и во второй, и в любой другой. Эмили явно сделала на меня ставку, но она рвется замуж, а я жениться не собираюсь. Обычное дело.

— Да, брак или ничего. — Дрю вздохнул. — Досадно... Такая милашка! Похоже, ради тебя она готова на все.

Судя по тону, Джереми пожал плечами:

— Не сомневаюсь. Кое-кто из дебютанток даже не прочь поставить телегу впереди лошади — в надежде таким способом заполучить то, о чем они мечтают. Немало лордов обзавелись кандалами, попав в такую ловушку.

— Что? — последовала длинная пауза. — А-а, их женили! Черт, тяжело! Придется довольствоваться служанками из таверн и горничными...

— А тебе никто не говорил, что во хмелю ты слишком болтлив?

— Я не во хмелю, разве что в небольшом подпитии. Не понимаю, почему англичане не умеют говорить на родном языке? Порой вас без словаря не поймешь.

Смешок.

— Разных диалектов в стране немало, но ты, вероятно, имеешь в виду арго. Кстати, это выражение давно вышло из употребления. Еще год-два — и оно исчезнет из словарей.

— И заменится другой белибердой, — посетовал Дрю.

— А разве в Америке не пользуются жаргоном?

— Его любой поймет, — возразил Дрю и усмехнулся.

— Ты — может быть, но как быть иностранцу вроде меня?

— Не требовать, чтобы я мыслил логично, когда пьян, Джереми, от этого у меня болит голова.

Джереми рассмеялся. Дэнни невольно усмехнулась и поспешила покинуть коридор, пока ее не обнаружили. Зная, что Мэлори дома, она преспокойно уснула.

Глава 18

— Сегодня у нас званый ужин, — объявила миссис Эпплтон Дэнни и Клэр следующим утром. — Миссис Робертсон все расскажет вам и объяснит, что от вас требуется. Меня предупредили только вчера вечером. Нам едва хватит времени, чтобы составить меню и закупить припасы!

— Сегодня? — переспросила Дэнни, наполняя свою тарелку. На этот раз пропускать завтрак она не собиралась. — А разве приглашения на ужин не рассылают заранее?

— Обычно да, — кивнула миссис Эпплтон. — Но не когда намечается ужин в семейном кругу.

— А! — Дэнни потеряла всякий интерес к предстоящему событию. — Ладно, побуду у себя.

— Вряд ли. Вы с Клэр будете прислуживать за столом. И Карлтон тоже.

До сих пор Дэнни четко выговаривала каждое слово, но тут опять заговорила по-уличному, коверкая слова:

— Прислуживать? Как это?

— Подавать еду и напитки.

— Это не моя работа, — резонно возразила Дэнни.

— Когда прислуги не хватает — и твоя тоже, — объяснила кухарка, к недовольству Дэнни. — Ожидается человек пятнадцать — двадцать, так что нам понадобится каждая пара рук.

— И это называется «ужин в семейном кругу»?

— Да. Мэлори — большое семейство. Хорошо еще, сейчас не все в Лондоне. А маркиз Хейверстон, глава семьи, редко бывает в столице — так мне говорили. И двух дочерей графа в городе нет: они живут в поместьях с мужьями. Одна замужем за герцогом.

Герцог — это же почти король, подумала Дэнни. Чертов Мэлори состоит в родстве с королями! Об этой ветви семьи миссис Эпплтон упомянула с особой гордостью.

— Кажется, я больна... — попробовала притвориться Дэнни.

— Как бы не так! — фыркнула кухарка. — Вот мы и проверим, на что ты способна, дорогая. Тебе все объяснят, и ты прекрасно справишься.

Сама Дэнни в этом сомневалась, но промолчала. Завтрак не пошел ей на пользу: от волнения аппетит пропал, поэтому свою порцию она не доела и сразу направилась наверх, приниматься за уборку. Если весь день прятаться от экономки, может быть, она забудет дать ей указания, и сегодня Дэнни не придется прислуживать членам королевской семьи.

Во взвинченном состоянии она ухитрилась убрать весь этаж уже к полудню — не считая комнаты Джереми. Он все еще был дома, поэтому Дэнни старалась даже не приближаться к двери.

После полудня миссис Робертсон разыскала Дэнни и велела ей спуститься в большую столовую. Все указания Дэнни запомнила без труда — их было не так уж много: кому подавать блюдо первому, как разливать вино, не испачкав этикетку, как вовремя наполнять бокалы. Пропуская по стаканчику перед обедом, мужчины могли обойтись без помощи прислуги. От Дэнни требовалось только принести дамам поднос с чайной посудой. И ждать в гостиной — на случай других распоряжений. При этом следовало никому не мешать и не привлекать внимания.

— И приведи себя в порядок, — добавила миссис Робертсон, отпуская Дэнни.

Дэнни вспыхнула. Не далее как сегодня утром Клэр ехидно высмеяла ее за измятую юбку. Видно, придется отвыкать от давней привычки спать в одежде.

— Дэнни, будь любезна зайти ко мне.

Она мысленно вздохнула. Избежать встречи с Мэлори не удалось. Выходить из спальни он не собирался, но, судя по всему, уже давно не спал. Он выглянул, в коридор, позвал Дэнни и оставил дверь открытой.

Дэнни осторожно заглянула в комнату. Мэлори валялся на постели, закинув руки за голову с самым непринужденным видом. И конечно, он опять был не одет — если не считать белой рубашки, расстегнутой на груди, и желтовато-коричневых бриджей. Ни чулок, ни обуви.

Дэнни тоже случалось весь день нежиться в постели, пока она не получила настоящую работу. Чертовы богачи. Ну и как прикажете убирать у него в спальне, если его отсюда ничем не выманишь?

Она намеренно подогревала свою злость — потому что при виде лежащего Мэлори у нее заколотилось сердце. Он был так красив, что у нее даже зачесались пальцы от острого желания прикоснуться к нему.

— Вам что, сегодня нечем заняться? — спросила она резче, чем следовало.

Повернувшись на голос, он от удивления широко раскрыл синие глаза. И присел на край кровати.

— Бог мой, да ведь ты красавица! — воскликнул он. Услышав такие слова от Карлтона, Дэнни осталась бы довольна, но комплимент Мэлори не впечатлил ее: чего он добивается, она уже знала. К тому же сегодня она была не в настроении выслушивать похвалы, потому фыркнула:

— Врете! Сегодня мне уже дважды сказали, что у меня безнадежно измята юбка.

— Мятая одежда — это сущие пустяки, дорогая. Она не портит твою изумительную фигуру, редкий цвет волос, фиолетовую прозрачность глаз. Но поскольку все это я уже видел, мне следовало бы заявить: «Господи, да у тебя красивая грудь!»

Лицо Дэнни жарко запыхало. Но на этот раз обвинить Мэлори во лжи она не могла: вчера она целых полчаса смотрелась в зеркало, восхищаясь тем, как ее грудь приподнимает блузку.

Она нахмурилась, от волнения опять начиная глотать слоги:

— Разве это прилично — говорить про мою грудь? Мэлори усмехнулся как ни в чем не бывало и заверил:

— Только в смешанном обществе. Она поджала губы.

— Значит, все слуги слышат от вас такое?

— Нет, только те, с кем я надеюсь познакомиться поближе. Кстати, у меня очень удобная кровать. Не желаешь опробовать ее — к примеру, прямо сейчас?

Напрасно она начала задавать вопросы, от которых у Мэлори совсем развязался язык.

— К этой постели я в жизнь не подойду — разве что буду заправлять ее, когда вы уйдете.

— Я ранен в самое сердце, — вздохнул Мэлори.

— Вы лентяй. Ступайте куда-нибудь, мне надо здесь прибраться.

— Я занят. Набираюсь сил после вчерашних развлечений и готовлюсь к сегодняшним. И потом, тебе незачем ждать, когда я уйду. Можешь убирать при мне. — Он повернулся на бок, подпер ладонью голову и усмехнулся. — Представь, что меня здесь нет.

Как будто это так просто! Но Дэнни решила попытаться не смотреть на него. Проклятие, это не помогло — она каждую минуту помнила, что он наблюдает за ней. А когда он отводил взгляд, Дэнни сама украдкой посматривала на него, и...

— Лучше уж я подожду.

— Не дожدهшься, — радостно известил ее Мэлори. — Я пробуду здесь до ужина.

Скрипнув зубами, Дэнни вынула из кармана метелку из перьев и направилась к маленькому письменному столу, с которого следовало смахнуть пыль. И ахнула, увидев, что поверх бумаг лежит ее шляпа. Еще вчера ее здесь не было.

— Моя шляпа! Откуда она у вас? Мэлори небрежно пожал плечами:

— Сохранил на память о прелюбопытной встрече.

— Я соскучилась по ней.

— Жаль. Но теперь она моя.

Дэнни с любопытством уставилась на него.

— Зачем она вам? Вы все равно ее не станете носить.

— Да, носить не буду. Но и никому не отдам. Так что если она пропадет, я буду знать, где ее искать, ясно?

— Я же говорила: я больше не ворую.

— Похвально. Значит, моей шляпе ничто не угрожает. — Дэнни сверкнула глазами, а Джереми только хмыкнул. — Выше нос, дорогая. К юбке такая шляпа! не пойдет. Шляпка с бантиком — вот что тебе теперь понадобится.

Дэнни фыркнула:

— Треклятые юбки я еще готова носить, но дурацкие шляпы — это не по мне.

Джереми удрученно прищелкнул языком.

— Ты опять ведешь себя как мужчина.

— И что из этого?

Она ринулась в атаку на письменный стол и обнаружила, что пыль на нем еще не успела скопиться. И все-таки она тщательно обмела его, стараясь не касаться своей... то есть его шляпы. Ей казалось, что Джереми втихомолку посмеивается над ней и ее глупой привязанностью к старой, никому не нужной вещи. Ну и пусть, какое ей дело?

Оглядывая комнату, Дэнни порадовалась тому, что вчера старательно навела здесь порядок: благодаря этому сегодня ей понадобилось только собрать разбросанную там и сям одежду хозяина. С охапкой одежды и белья она направилась к двери, не глядя в сторону кровати.

— Черт побери, Дэнни, неужели ты уже лишаешь меня своего восхитительного общества?

В его голосе прозвучало неподдельное разочарование. Хитрит, наверное. И все-таки Дэнни остановилась в дверях и объяснила:

— У вас сегодня гости. А дел еще полным-полно. Джереми вздохнул:

— Ах да, сегодня я впервые принимаю гостей в новом доме. — И он язвительно добавил: — Опять передразниваешь высшие классы?

Дэнни не сразу поняла, что он имеет в виду ее правильную речь.

— Нет, меня учит миссис Робертсон.

— О Господи! И ты так быстро усваиваешь уроки? Невероятно.

Он снова издевался над ней, поэтому Дэнни не стала объяснять, что к ней постепенно возвращаются память и давно усвоенные манеры. Волнуясь или сердясь на хозяина, она по-прежнему часто ошибалась и потому сменила тему:

— Странно, что вы даете званый ужин так скоро. Я еще не успела стереть с новой мебели пыль и городскую сажу.

— Уверяю, этот ужин не я затеял. Дэнни подняла бровь.

— Сама догадаюсь. Ваша кухня?

— Совершенно верно.

Джереми так заметно помрачнел, что у Дэнни поднялось настроение. Она даже позволила себе широко ухмыльнуться:

— Выше нос, приятель. Мне говорили, что соберутся только ваши родные. А им не обязательно пускать пыль в глаза.

— Наоборот. Если бы я позвал в гости просто знакомых, то ничуть не тревожился бы. Но родных надо убедить, что у меня все прекрасно, иначе они бросят мне на помощь объединенные силы.

— Вы же взрослый человек. Почему они не дают вам покоя?

— Да потому, что любят меня.

Глава 19

«Да потому, что любят меня». Эхо этих слов звучало в ушах Дэнни. Должно быть, приятно иметь таких родных. А у нее никогда не было настоящей семьи. В шайку Даггера чаще всего попадали малыши от пяти до десяти лет, не связанные кровными узами, а к четырнадцати — семнадцати годам они обычно начинали самостоятельную жизнь. Редко кто из них навещал прежнюю «семью». Уходя, уходили навсегда.

Дэнни нравилось возиться с малышами, у нее было несколько любимцев, и все-таки никого из них она не считала братом или сестрой. Только с Люси она была по-настоящему близка. Люси заменяла ей сестру. Но когда Люси стала проституткой, времени на Дэнни у нее почти не осталось.

Уже давно Дэнни твердо решила, что когда-нибудь у нее будет собственная семья. Поначалу мысль была неясной, Дэнни не принимала ее всерьез да и понимала, что вечный маскарад помешает ей. Ну как искать мужа, если сама выглядишь как чей-то муж? Но теперь она опять стала собой, значит, ничто не помешает ей выйти замуж сразу же, как только найдется подходящий человек. Вот тогда-то у нее и появится настоящая семья.

Семейство Мэлори собиралось постепенно, гости начали съезжаться еще за несколько часов до ужина. Одними из первых прибыли Регина Иден и ее муж Николас — наверное, потому, что жили совсем рядом.

Регина оторопела, увидев Дэнни в темно-синей юбке, белой блузке и голубом переднике. Справившись с потрясением, Регина произнесла:

— Невероятно! Должно быть, у меня портится зрение. Себе подобных я обычно узнаю сразу и в любой одежде.

— Это из-за моих волос, мэм. Мужская стрижка, как видите.

— Пожалуй. — Регина вздохнула. — Мне просто стыдно за такую чудовищную ошибку.

— Хорошенькая девчушка, — услышала Дэнни замечание Николаса Идена, когда он уводил жену в другой угол большой гостиной, здороваться с Дрю.

— Мог бы и промолчать, — упрекнула Регина, хотя и в шутку. — А Джереми наверняка это заметил.

После этого прибыло еще несколько представителей клана Мэлори. Двери открывал Карлтон. Дэнни пришлось принести в гостиную чай — сначала один поднос, потом второй. В гостиной она улавливала обрывки разговоров и имена, замечала, с каким любопытством посматривают на нее гости.

Две дамы, которые вчера возили Джереми и Реджи по магазинам, оказались его кузиной и тетей. Темноволосая кузина Келси была замужем за Дерекком — рослым, белокурым красавцем, типичным Мэлори. Вскоре выяснилось, что отец Дерекка, Джейсон, — тот самый маркиз, который редко бывает в столице.

Полыхающие медью волосы принадлежали Рослинн, жене дяди Джереми, Энтони. Увидев его, Дэнни растерялась: сходство Энтони и Джереми ошеломляло, разве что первый был чуть старше. Вероятно, странно еще в молодости знать, как ты будешь выглядеть, когда постареешь. Впрочем, и Энтони поражал красотой, поэтому Джереми мог не беспокоиться. Он действительно знал, что еще много лет будет привлекать заинтересованные взгляды.

Приехал еще один дядя — тот самый граф, о котором упоминала миссис Эпплтон. Эдвард Мэлори был самым веселым из всех блондинов в семье. Десятью годами старше брата Энтони, Эдвард уже успел обзавестись большой семьей. С собой он привез жену Шарлотту и двух взрослых сыновей — Трэвиса и Маршалла. Все три дочери супругов были уже замужем, сегодня к ужину их не ждали. Две дочери жили в поместьях вдали от столицы, а младшая, Эми, отправилась в Америку с мужем Уорреном — одним из братьев Дрю Андерсона. На родину молодая чета обещала вернуться летом, но когда именно, никто не знал.

Поскольку предстоял ужин в узком семейном кругу, к гостям позволили присоединиться и Джудит — младшей дочери Энтони и Рослинн. Неудивительно, что у таких красивых родителей подрастала прелестная дочь. Джудит унаследовала золотисто-рыжие волосы матери и прекрасные синие глаза — такие же, как у ее отца, Регины и Джереми. Девочка была не по годам развита, а ее замечания отличала забавная и трогательная откровенность.

Незадолго до ужина Джудит подошла к Дэнни, несколько минут смотрела на нее в упор, а потом объявила:

— А ты очень красивая.

— Ты тоже.

— Знаю. — И девочка вдруг недовольно вздохнула. — Говорят, когда я вырасту, папа со мной еще наплачется.

— Почему?

— Из-за женихов.

— А их будет много? — любопытствовала Дэнни.

— Да, сотни! Дядя Джеймс говорит, папе с ними не справиться. И его задразнят... — она придвинулась ближе и шепнула: — задницей!

Дэнни подавила смешок.

— А ты сама что думаешь?

— Наверное, дядя Джеймс прав.

Дэнни невольно рассмеялась и тут же пожалела об этом: взгляды всех присутствующих обратились на нее. Но это было еще терпимо, хотя и неудобно, если бы на нее вместе со всеми не смотрел и Джереми.

Он как раз обходил гостиную, перебрасывался шутками с родными, встречал их и старался не обращать внимания на Дэнни, занявшую пост у самой двери. Но теперь, услышав ее смех, он буквально пожирал ее взглядом. Все вдруг заговорили о ней: Дэнни знала это, чувствовала, даже улавливала обрывки разговоров, хотя и не могла понять, зачем она им сдалась. Для себя она уяснила, что быть в центре внимания очень неловко.

В другом углу комнаты Энтони прошептал Джереми:

— Посели ее отдельно. Если слуги узнают, что ты спишь с ней, пойдут сплетни. Да, Джейсон двадцать пять лет держал в любовницах собственную экономку, но у него был потайной ход в комнату Молли. А в этом Доме ничего подобного нет.

— Я с ней не сплю.

— Наглая ложь. — Энтони хмыкнул. — Таких лакомых кусочков раньше ты не пропускал.

— Я и теперь не собирался, — буркнул Джереми. — Но пока не время.

Энтони приподнял вороную бровь.

— Теряешь форму, дружище? Джереми нахмурился:

— Похоже на то. Приходится постоянно напоминать себе, что таких, как она, больше нигде не найти.

— Да, редкостная красавица. Но ты имел в виду что-то другое?

— И ее красоту тоже. Оказалось, что в ней нет ровным счетом ничего заурядного. Прошлое, привычки — все в ней неожиданное и странное.

— Джереми, этого просто не может быть, — возразил Энтони.

— Еще как может! Вчера она говорила, как уличный оборванец, Сегодня обратилась ко мне, как учитель английского! Она мыслит по-мужски. А еще несколько дней назад она носила панталоны — в таком наряде она проходила целых пятнадцать лет. Но едва примерив юбку, она захотела замуж, — сварливым тоном закончил Джереми.

— За тебя? — закашлялся Энтони.

— Нет, она знает, что я убежденный холостяк, потому и не желает иметь со мной ничего общего. Ей нужен порядочный муж.

Энтони рассмеялся:

— Услышав про панталоны, я уже был готов тебе поверить. О порядочном муже мечтают все женщины.

Джереми поднял бровь.

— Даже те, кого никак не назовешь порядочными?

— Ясно. Значит, она хочет возвыситься? Ну, если у тебя нет ни единого шанса покорить ее, значит, от нее лучше избавиться — от греха подальше.

Наконец Джереми усмехнулся:

— Мэлори не сдаются без борьбы.

В другом углу гостиной Эдвард спрашивал жену:

— Скажи, эта горничная тебе никого не напоминает?

— Трудно сказать... — отозвалась Шарлотта. Эдвард задумчиво нахмурился:

— Не могу сказать где, но кажется, я уже встречался с ней.

— Наверное, видел мимоходом — может, на улице или где-нибудь в магазине. Такие хорошенькие лица запоминаются надолго.

— Ты права. — Он вздохнул. — Теперь буду мучиться, пока, не вспомню.

Сидящий у камина Трэвис со вздохом сказал брату:

— Джереми наверняка уже застолбил этот участок. Маршалл хмыкнул:

— Еще бы! Но я бы не позволил ей служить горничной.

— А может, ей это нравится.

— Скорее она еще не успела понять: стоит ей шевельнуть пальцем — и наш кузен будет безумно счастлив. Везет этому прохвосту! Хотел бы я знать, где он находит такую прелесть? В любом обществе первые красавицы изо всех сил добиваются его внимания. Вот и Эмили Баскомб положила на него глаз, а мне дача отставку, — признался Маршалл. — А я уже начинал обхаживать ее, даже небезуспешно, пока не появился наш дорогой кузен.

— Понимаю, — кивнул Трэвис. — Скорее бы Джереми женился! Чертовски трудно поладить с дамами, когда он рядом. Хорошо еще, Дерек уже женат, от него мне тоже доставалось.

— К тому времени, как Джереми женится, мы будем уже дряхлыми стариками. Эх, вот бы мне такое лицо и плечи! Женщины сами бросались бы мне на шею!

В центре комнаты, устроившись на новом диване, Регина говорила Келси:

— Не понимаю, о чем только думал Джереми, когда брал ее в дом. Дядя Джеймс обещал поговорить с ним о правилах приличия.

— Дорогая, это же холостяцкий дом.

— Знаю, и слуги вряд ли возмутятся, узнав, что он поселил здесь любовницу. Но сплетен все равно не избежать, если он не примет меры. Ведь она у него в услужении, значит, живет в одном крыле со слугами. С Джереми ничего не случится, а репутация бедной девушки будет погублена.

Келси похлопала Регину по руке.

— А по-моему, на этот раз не следует вмешиваться. У него еще никогда не было собственных слуг. Пусть привыкает, как его отец и дядя. Эти известные всему Лондону повесы живо научились управлять прислугой.

Если бы Дэнни знала, что все собравшиеся Мэлори считают ее любовницей Джереми, она не смутилась бы, а разозлилась и закатила скандал, а в итоге получила бы расчет, несмотря на все попытки шантажа. Но она и не подозревала, к каким выводам насчет нее пришли гости. И хотя она догадывалась, что гости говорят о ней, и сгорала от смущения, приход Перси спас ее.

Едва войдя в гостиную, он заметил ее, застыл, нахмурился и вдруг воскликнул:

— А, понял! Близнецы. Я знаком с твоим братом. Славный малый. Оказал мне услугу, за которую я буду вечно ему признателен.

Дэнни не знала, что ответить. Поправить его? А если в ответ он выпалит, что еще несколько дней назад она носила панталоны?

От необходимости отвечать ее избавил Джереми. Он-то прекрасно знал, что Перси способен выболтать что угодно, даже в присутствии всех родных.

— Ты опоздал, дружище. Едва ли успеешь выпить перед ужином. Пойдем наверстаем упущенное.

— Нет, пить я не стану, — отказался Перси. — Мне не терпится узнать, повезло ли тебе с кухаркой. Кстати, где ты разыскал сестру нашего воришки? Только не говори, что ты снова ездил в тот воровской притон — таверну, где мы побывали той ночью!

Джереми уже успел увести Перси в укромный уголок, поэтому его почти никто не услышал. Но сам Джереми не выдержал и со стоном возвел глаза к потолку.

Дэнни решила, что пора ускользнуть из гостиной и проверить, готов ли ужин.

Глава 20

Удача снова улыбалась Тайрусу Дайеру. Несколько дней он строил планы и размышлял и наконец решил убить девчонку — но с таким расчетом, чтобы на этот раз получить обещанную плату. Жадничать он не собирался. Удача важнее денег. Но раз уж он все равно убьет ее, почему бы не попросить за это денег, рассудил он.

И он отправился на поиски лорда, который желал ее смерти. Тайрус помнил, где живет этот человек. Правда, помнил нетвердо, потому что бывал у него лишь дважды. Но дом он узнал сразу. И лорд оказался дома.

Тут Тайрусу особенно повезло: болтливый слуга, впустивший его, объяснил, что его хозяин

живет за городом, а в Лондоне бывает редко — может, раза два в году. Как раз недавно он ненадолго приехал по делу. Услышав это, Тайрус не поверил своим ушам. Мало того, на следующее утро лорд должен был вернуться в поместье. Помедлив еще один день, Тайрус остался бы ни с чем.

Конечно, богач мог и не принять посетителя, услышав его фамилию. Они расстались со скандалом, а все из-за промаха Тайруса. Лорд даже пытался его прикончить. Но Тайрус уже убедил себя, что за пятнадцать лет гнев его сообщника угас.

Впрочем, его все равно заставили ждать почти три часа. Умышленно — в этом Тайрус не сомневался. Если лорд надеялся, что посетитель уйдет, то напрасно. Тайрус терпеливо ждал: ему предстояло попросить крупную сумму и закончить работу, которую ему поручили много лет назад. Ради этого стоило потерпеть.

Только ближе к полуночи слуга наконец проводил Тайруса к хозяину дома. Лорд ждал в кабинете в глубине дома, сидя за письменным, столом. По обе стороны от него замерли телохранители с лицами уличных головорезов. У Тайруса взмокли ладони.

А если все его надежды напрасны? И лучше бы ему было не застать лорда дома? Неужели этих бандитов лорд вызвал, чтобы приказать им прикончить посетителя?

Но прежде чем лорд успел отдать телохранителям приказ, Тайрус выпалил:

— Я бы сюда не пришел, но у меня для вас важные вести!

— Садитесь, мистер Дайер.

Тайрус испустил вздох облегчения и ухмыльнулся, садясь напротив стола. Два головореза не спускали с него глаз и не шевелились.

— Так вы меня помните?

— К сожалению, да, по крайней мере ваше имя. Признаться, я вас не узнал. Вы сильно изменились.

Тайрус раздраженно скривил губы. Конечно, богатей заметил, что стало с его волосами. В сорок два года на лице у него еще не было ни морщинки, а вот волосы пару лет назад сплошь поседел. Лорд же ничуть не постарел. Наверное, сейчас ему было под пятьдесят, но выглядел он гораздо моложе.

— В семье нелады, — солгал Тайрус. — А вы как поживаете, милорд?

— Превосходно — и не по вашей милости.

Тайрус так и не понял, что хотел сказать этим собеседник. Если богач уже передумал избавляться от девчонки, значит, платить он не станет. Но с другой стороны, если дела у него идут в гору, он сможет заплатить даже больше, чем намеревался потребовать Тайрус, лишь бы тот выполнил работу.

— Время позднее, — устало напомнил лорд. — Перейдем к делу, мистер Дайер.

Тайрус кивнул:

— Я нашел девчонку — ту самую, что сбежала. Она еще жива.

— Да, я знаю.

Тайрус радостно встрепенулся:

— Знаете?

— Недавно возле моего банка вспыхнул уличный скандал. Я как раз проезжал мимо и остановился посмотреть. И не поверил глазам: скандал разгорелся из-за той самой девчонки.

— Понимаю. Я тоже поначалу не верил.

— А я почти забыл о ней. Надо было еще много лет назад объявить ее мертвой, но меня... убедили не делать этого.

— Вы ее выследили?

— Я велел ехать за ней, но через пару кварталов потерял ее из виду.

— А мне повезло. Я знаю, где она живет.

До сих пор лорд всем своим видом давал понять, что разговор его ничуть не интересует. Но теперь он вдруг подался вперед, пробуждая в душе Тайруса надежду.

— Где?

Тайрус усмехнулся:

— С чего вы взяли, что я выдам такие ценные сведения даром?

Лорд снова откинулся на спинку кресла, сделал неуловимый жест, и его телохранители двинулись в обход стола. Тайрус чуть не опрокинул стул, метнувшись к двери кабинета, едва не упал, но быстро восстановил равновесие и выхватил пистолет. Оба головореза сразу остановились, очутившись под прицелом. Оказалось, что им тоже не чужды чувства: лица обоих стали злыми.

Тайрус взвинченным тоном объявил:

— Если хотите, я могу ее пришить, но вы заплатите мне вдвое больше, чем обещали: одну половину сейчас, а вторую — когда я скажу, где спрятан труп. На этот раз на слово я вам не поверю, милорд.

Богач усмехнулся:

— Вперед вы не получите ни пенни. Вы уже доказали, что ни на что не способны, мистер Дайер. Постарайтесь на этот раз, и я вам заплачу сполна.

Тайрус охотно согласился и на это. Да, удача определенно вернулась к нему.

Глава 21

Миссис Эпплтон нарадоваться не могла: ее первый званый ужин имел такой успех, что она отпраздновала его бокалом вина — не забыв налить по бокалу Дэнни и Клэр. Клэр от вина отказалась: она еще не кончила мыть посуду. А Дэнни оставалось только еще раз заглянуть в гостиную и столовую, убедиться, что в них царит порядок, потому она залпом осушила свой

бокал.

Кухарка укоризненно покачала головой, глядя на нее.

— А я надеялась, что больше никогда не увижу такой мерзости! Так ты пьянчужка? Или просто не знаешь, что хорошее вино полагается смаковать?

Дэнни покраснела лишь слегка. И пожалела, что так быстро выпила вино, почти не почувствовав вкуса. Дешевое вино она пробовала, но оно не шло ни в какое сравнение с этим нектаром.

— А можно мне еще немножко? С первого раза я его и не распробовала.

Миссис Эпплтон рассмеялась:

— Да, пожалуй, ты заслужила. Ты хорошо поработала сегодня, детка, просто отлично. Ничего не пролила и не уронила. Хорошая горничная никогда не привлекает к себе внимания. Конечно, с твоей внешностью взглядов не избежать, но, если ты постарайся, будешь лучшей горничной в нашем квартале.

— А что не так с моей внешностью? Одежду мне выбрала сама миссис Робертсон.

— Господи, детка, неужели ты не понимаешь, как ты миловидна? На тебя всюду будут оборачиваться. Иначе и быть не может. Но это дело поправимое — главное, усердно трудись, и твой изъян станет не так заметен. Ну беги. Ты заслужила отдых, а время уже позднее.

С усмешкой на лице Дэнни покинула кухню. Кому еще, кроме домашней прислуги, могло прийти в голову назвать миловидное личико изъяном?

Последний гость покинул особняк час назад, поэтому Дэнни никто не помешал собрать всю посуду и отнести ее из столовой в кухню. И сейчас она не ожидала никого увидеть в гостиной, но наткнулась на Джереми. Он сидел за столом с полупустым бокалом в руке. Вид у него был понурый. Он подавленно хмурился и даже не заметил, как в комнату вошла Дэнни.

Дэнни раздирали два желания: спросить у Мэлори, что случилось, и незаметно ускользнуть в свою комнату. Сделав выбор в пользу последнего, она повернулась к двери.

— Не желаешь присоединиться?

— Нет.

— Как грубо, — сокрушенно отозвался он. — Незачем грубить мужчине, когда он хандрит. Он поверит любому оправданию.

Дэнни попыталась сосредоточиться, чтобы ответить хозяину как полагается, но от выпитого вина путались мысли.

— Значит, надо было соврать вам? Джереми на минуту задумался, потом сказал:

— Нет, лучше не надо. И потом, оправдания — не обязательно наглая ложь, скорее ложь во спасение.

— А вы не пьяны, Мэлори?

Он растерянно заморгал, потом с трудом поднялся и замер в вызывающей и воинственной позе.

— Еще чего! Я никогда не пьянею. Дэнни фыркнула:

— Так все говорят. Ну так что вам сказать? Ужин имел успех. Радоваться надо, а не киснуть и напиваться.

— Я бы радовался, если бы не знал, что трое моих родственничков, а может, и четверо, и я даже знаю, кто именно, явятся прямиком к моему отцу и прожужжат ему все уши, твердя, как я опозорился на первом же приеме в собственном доме.

— Вы закатили пирушку что надо и говорите, что опозорились? Ну, тогда вы точно пьяны в стельку.

Джереми допил вино, с приступком поставил бокал на стол и признался:

— Дело не в ужине, дорогая. А в Перси и его длинном языке. Если бы ты знала моего отца, ты бы тоже не хотела сердить его.

— У вас прекрасная семья. Даже я это вижу. И отец наверняка не хуже.

Джереми рассмеялся, но так и не ответил. Дэнни покачала головой:

— Ступайте-ка в постель и проспите, приятель. Он нахмурился:

— Да я бы с радостью, только постель никак не найду.

— Чего?

— Клянусь, я пытался. Но набредал на чужие постели. Я же помню, как выглядит моя. Не нашел, вернулся сюда и удовлетворился креслом.

Дэнни закатила глаза, решительно подошла к нему, взвалила на плечо его руку и потащила его из комнаты к лестнице. Неожиданно Джереми начал упираться. Подняв голову, Дэнни увидела, что он хмурится.

— Нет, мне самому не справиться, — признался он. — Без помощника.

— А я, по-вашему, что делаю?

— Если отпустишь, могу и упасть. И если сломаю шею, отец наверняка сжалится.

Дэнни стало смешно. Во хмелю Джереми Мэлори оказался забавным. И безобидным. Во всяком случае, не приводил ее в трепет страстными взглядами. Беспокойство, которое не покидало Дэнни в присутствии Джереми, на этот раз улетучилось бесследно. Даже прикасаться к нему было не страшно.

— Может, уложить вас на диване?

— Когда наверху будет пустовать отличная постель? — возмутился он. — Нет, лучше разреши положиться на тебя.

Фиалковые глаза подозрительно прищурились.

— Положиться?

— Опереться на твое плечо. А ты что подумала?

Дэнни слегка покраснела, обхватила его за талию и опять взвалила руку к себе на плечи.

— Так лучше?

— Намного.

Путешествие вверх по лестнице прошло благополучно. Джереми тяжело опирался на плечи Дэнни, но, несмотря на стройность, она была сильной и выдержала. И в коридоре он ее не отпустил — попросил довести до комнаты. Дэнни рассудила, что проще будет согласиться, чем вступать в долгие пререкания. Но и в комнате он не позволил ей уйти: теперь он сам не мог улечься.

Подозрения Дэнни усилились, особенно когда он неуклюже доковылял до кровати и плюхнулся на нее. И подмял под себя Дэнни. Оказалось, неподвижный Джереми дьявольски тяжел. Дэнни заерзала, попыталась сбросить его, но это был напрасный труд.

— Не вздумайте заснуть, приятель, — буркнула она. — Сначала отпустите меня, а потом...

— Лежи смирно, — со стоном предупредил он. — Кажется, меня сейчас вырвет.

Дэнни замерла. На миг она и забыла, что Джереми пьян. Теперь она опасалась самого худшего — целых пять секунд. Пока он не повернул голову так, что будто ненароком коснулся ее губ.

Дэнни отвернулась. Ей не хотелось верить, что Джереми способен хитростью заманить ее в постель, но он не оставлял ей выбора. А он уже ткнулся губами в ее шею, вызывая дрожь во всем теле, и Дэнни услышала:

— Ты же знаешь, как я тебя хочу. Скрывать это бессмысленно. Нас ждет незабываемое наслаждение, детка. Перестань отбиваться.

Чтобы не поддаться искушению — в отчаянии, ибо от каждого слова Джереми слабела ее воля, — Дэнни повернулась к нему, собираясь дать совет, как ему поступить со своим вожделием. И опять попала в ловушку. Она сопротивлялась, по крайней мере старалась, но вдруг забыла все причины, по которым целоваться с Джереми не следовало. Она уже давно размышляла, какими могли быть эти поцелуи. Люси рассказывала, что поцелуи бывают слюнявыми, взасос, пьяными и настоящими. Последние — большая редкость, они способны вызвать плотское влечение.

Именно это сейчас с ней и происходило. И Дэнни знала почему. Ведь она целовалась с Мэлори, а к нему ее влекло, как никогда и ни к кому. Хоть он и выпил, на его поцелуях это никак не отражалось — совсем напротив. Дэнни даже задумалась, не станет ли первый ее поцелуй лучшим из всех, по сравнению с которым померкнут все остальные.

Прекратить это следовало немедленно, пока она не распробовала Джереми. Он грозил навсегда избаловать ее: Дэнни знала, что он лучший из лучших, а кому под силу соперничать с не имеющим себе равных? Но меньше всего ей в эту минуту хотелось отбиваться и протестовать. Ей просто не хватало силы воли — ею овладевали так уверенно и незаметно, что у нее вскоре возникло желание сжать Джереми в объятиях и больше никогда не отпускать.

Если он так целуется, когда пьян, то каких же высот достигает его мастерство, когда он трезв?

— Господи, какая ты сладкая!

И Дэнни думала о том же. Его губы были бархатистыми и нежными. А может, они просто удачно сочетались с ее губами, как будто были созданы друг для друга. От Джереми совсем не пахло спиртным. Вкус его губ был удивительным, неопишуемым. Поцелуй пробудил в Дэнни другие, восхитительные ощущения, новые для нее и оттого особенно приятные.

Его нога попала между ее ног. Он не лежал неподвижно, а постоянно пошевеливал ногой, прижимал ее к низу живота Дэнни. И обнимал ее так, словно желал придвинуть как можно ближе к себе, — одной рукой за спину, другой подхватывая снизу ягодицы и при этом касаясь чем-то твердым ее бедра. Именно оттуда волнами расходились жар и дрожь, угрожающие взрывом...

— Дьявол тебя заberi, Джереми! — недовольно воскликнул Дрю, стоя в дверях. — Хоть бы удосужился закрыть дверь!

Дрю сам захлопнул дверь спальни. Воспользовавшись случаем, Дэнни вскочила с кровати — не просто вырвалась, а сложила пальцы в тугой кулачок и врезала Джереми по уху. Он застонал и разжал объятия.

Не мешкая, она ринулась к двери, на ходу прошипев:

— В следующий раз, когда напьетесь, помощи от меня не ждите, приятель. Спите себе хоть на полу — мне до вас нет дела.

Глава 22

На следующее утро Дэнни взялась за уборку нижних комнат — потому, что на верхнем этаже было уже чисто, оставалось дожидаться, когда двое лежебок покинут спальни. Направляясь в гостиную, она услышала стук в парадную дверь. Карлтон не мог открыть гостям: Дэнни знала, что миссис Робертсон куда-то уснула его с поручениями. И все-таки приблизиться к двери Дэнни не решалась. В нынешнем настроении она едва ли могла сойти за учтивого дворецкого.

За то, что произошло вчера ночью, на Джереми она ничуть не злилась. Пьяный есть пьяный, и ничего ему не втолкуешь. Но саму себя Дэнни была готова стереть в порошок. Оправдать свои поступки ей было нечем. Отделаться от Джереми она могла бы запросто, но почему-то не сделала этого — значит, не хотела. Это и бесило ее. Ей не помогла даже житейская мудрость, усвоенная в трущобах: к чему приводят поцелуи, она прекрасно знала. Но махнула рукой на все, кроме удовольствия, которое доставил ей поцелуй Мэлори.

Наверное, Клэр тоже не слышала стук в дверь. А он становился все громче, свидетельствуя о нетерпении гостя.

С досадливым вздохом Дэнни рывком распахнула дверь и выпалила:

— Спят они, приходите позже!

— Что, простите? — сардонически переспросил посетитель, явно намекая, что ничего подобного он не сделает.

У Дэнни взмокли ладони. Такого внушительного мужчины она еще никогда не встречала.

Он был рослым, крепко сбитым, с сильными руками и чрезвычайно широкой мускулистой грудью, но ростом немногим выше самой Дэнни — пожалуй, всего шесть футов. Судя по лицу, он приближался к пятидесятилетию. А вот определить, аристократ он или нет, Дэнни не удалось. Его лицо было породистым, изысканным, а одежда — почти небрежной: белая рубашка с расстегнутым воротом, без галстука, черный сюртук, кожаные штаны и черные сапоги для верховой езды. И белокурые волосы, слишком длинные для джентльмена большого света, строго следующего моде. Настолько длинные, что падали на плечи густыми волнами, придавая ему вид пирата. Зато Дэнни сразу поняла, что этого человека лучше не злить. Он излучал опасность, потому она и занервничала. Сталкиваться с такими людьми ей еще не доводилось, но она не сомневалась, что в ярости он будет безжалостен/

Ее так и подмывало захлопнуть дверь перед его носом и запереть ее. Но неизвестный уже протиснулся мимо нее в холл, где и застыл, скрестив руки на груди.

Пропуская его, Дэнни сжалась и втянула живот.

— Они правда еще спят. Вам который нужен?

— Джереми.

— Ну, этот встанет не скоро. Вчера допился до положения риз и теперь отсыпается.

Золотистая бровь взлетела до самых волос.

— Что за чепуха! Джереми напился? Быть того не может. Он с младых ногтей приучен к крепким напиткам. Этот малый способен пить не пьянея, уверяю тебя. Так что разбуди его, хватит ему мять подушки.

Дэнни метнулась к лестнице, забыв поднять юбку, споткнулась о подол, подобрала юбку слишком высоко и перешла на бег. Она не собиралась будить Джереми только для того, чтобы доложить о госте. Ее не покидали мысли об услышанном от незнакомца.

Мэлори никогда не пьянеет? Значит, прошлой ночью он ломал комедию, чтобы заманить ее наверх, в свою постель? — Ублюдок! Да как он посмел!

Она разозлилась настолько, что стучать в дверь и не подумала. Влетев в спальню, она обнаружила Джереми в постели: он уже не спал и широко ухмылялся с самодовольным видом. Завидев Дэнни, он сел, его лицо стало настороженным.

Подбоченившись, она остановилась прямо перед ним и выпалила ему в лицо:

— Сукин сын! Только попробуй еще раз хитростью влезть мне под юбку — получишь такую трепку, что вовек не забудешь! И даже если меня потом выгонят — плевать!

— Какой хитростью?

— А кто вчера ночью притворялся пьяным? Скажешь, не ты? Ты же никогда не пьянеешь!

Он усмехнулся:

— Это я так сказал? Верно, теперь припоминаю.

— А еще жаловался, что сам не найдешь постель, Вспомнил?

Он хмыкнул:

— Дэнни, детка, ты не оставила мне выбора. В отчаянии я решил не брезговать никакими средствами. Пара нехитрых уловок — и я узнал, что на вкус ты бесподобна.

— Правда? — рявкнула она и вмазала ему по щеке кулаком.

Дэнни ожидала, что он увернется. Раньше он делал это легко. Но удар попал в цель, от него заныли костяшки пальцев. Тем не менее Дэнни осталась довольна собой.

— Ну как, нравится? — злорадно осведомилась она. — И на этот раз вы еще легко отделались, приятель. Чтоб больше не было никаких поцелуев!

Она широким шагом вышла из спальни и с размаху уткнулась в каменную стену — так ей показалось. Страшноватый гость, которого она оставила в холле, успел подняться наверх, очевидно, потеряв терпение.

— Ступай, плутовка, — велел он ей. — Можешь не сомневаться, я продолжу начатое тобой.

Эти слова прозвучали чересчур зловеще, и Дэнни поняла, что одним синяком под глазом Мэлори вряд ли отделается. Так ему и надо, мерзавцу.

Глава 23

Джереми со стоном повалился на кровать, узнав гостя по голосу. А он так надеялся, что до возвращения отца у него еще есть в запасе пара дней. Но Джордж, несомненно, притащила его в столицу, едва услышав, что корабль брата уже в порту. И, судя по первым словам Джеймса, обеспокоенные родственники уже поставили его в известность, что Джереми ведет себя недостойно. Или Джеймсу передали замечание Перси, или намекнули, что Джереми спит с горничной. Наверное, и то и другое. Джереми не понимал одного: кто и как успел так быстро встретиться с его отцом?

— Прячешь подбитый глаз, юноша? Джереми повернулся к отцу, указывая на щеку.

— Смотри сам. Ее кулак угодил вот сюда, глазу тоже слегка досталось. Думаешь, будет синяк?

— Я думаю, — отозвался отец, — что ты рехнулся, если связался с потаскушкой, которая вместо пощечин раздает удары кулаками.

Джереми усмехнулся:

— Ничего подобного. Ты же видел ее. И прекрасно понимаешь, почему меня тянет к ней, несмотря на тяжелые кулаки.

— Это само собой, — согласился Джеймс, подошел к кровати, взял Джереми за подбородок и повернул его голову в одну и в другую сторону, разглядывая быстро опухающую щеку. — Синяка, похоже, не будет, но отека хватит, чтобы отпугнуть дочь Альберта Баскомба, и она двинется на поиски другой добычи.

Джереми заморгал:

— Черт возьми, ты и это знаешь?

Джеймс удобно устроился на одном из двух жестких стульев.

— Хочешь, расскажу, как прошло у меня утро, сынок? По настоянию Джордж мы были дома уже к девяти и застали там Эдди, который от нетерпения чуть не прожег дыру в ковре. Через полчаса он сбежал, не выдержав разговора.

— Кто бы сомневался, — усмехнулся Джереми. Его отец был белой вороной в стае Мэлори: всегда поступал по-своему и нарушал условности так, как ему заблагорассудится, чем и навлекал на себя недовольство родни. Братья отреклись от него на целых десять лет, пока он разбойничал в северных морях. Но потом его вновь приняли в лоно семьи, а он продолжал жить как вздумается.

Джеймсу просто нравилось быть не таким, как все. Даже имена он переименовывал на свой лад. Почти все в семье звали Регину Реджи, а Джеймс превратил ее в Реган, к вящему недовольству братьев. Даже собственную дочь Джеклин он звал Джеком, чему отчаянно сопротивлялись ее дяди.

— Затем явился Тони и напроорочил, что твоя команда скоро уйдет с корабля, потому что ты спишь с одной из служанок, — продолжал Джеймс.

— А я думал, хотя бы он меня поймет, — признался Джереми.

— Его все это изрядно насмешило. Из моего брата получился заботливый отец — он даже думает по-отцовски.

— Значит, он уже забыл, каково это — быть молодым и не связанным семейными узами?

— Вот именно.

— Но ты-то не...

— К этому мы еще вернемся, юноша; — перебил Джеймс. — Милая кошечка Реган подросла как раз вовремя, поддержала Тони и добавила к твоему послужному списку леди Баскомб.

— Как, черт возьми, Реджи про нее узнала? Я говорил об этом только с Дрю и Перси... Впрочем, все ясно. Опять длинный язык Перси!

— На самом деле эта девчонка Баскомб распускает слухи, что выйдет за тебя еще до конца года. А Реган как-то подслушала ее разговор с подружкой: леди готова на все, лишь бы заполучить тебя.

— На все? — Джереми нахмурился. — Что это значит, черт побери?

— Именно то, что ты подумал. В любой корзине найдется пара подгнивших яблок. Лежат себе, гниют и портят всю корзину. Ты ухаживал за ней?

— Она дебютантка, выезжает первый сезон. От таких я бегу, как от чумы.

— Так я и думал. Советую тебе держаться от нее подальше, как можно дальше, хотя и этот способ ненадежен. Лживые слухи в мгновение ока способны испортить репутацию мужчины.

— Я могу какое-то время не бывать в свете, пока леди не подыщет себе другую добычу. Юные охотницы за мужьями славятся нетерпеливостью: они убеждены, что замуж надо выходить в первый же сезон, а значит, времени на уловки и хитрости у них немного. Теперь, когда Джордж в городе, она примется таскать братца по всем модным приемам и балам, куда

слетаются дебютантки...

— Типун тебе на язык! Значит, и мне придется таскаться с ними...

Джереми хмыкнул. Если его отец и ненавидел что-то, так это лондонские светские сезоны.

— К счастью, у нас с Дрю по части развлечений вкусы совпадают: он предпочитает бывать там, где легко найти подружку на ночь. От Джордж он как-нибудь отговорится.

— Она уже несколько раз добивалась своего. Знал бы ты, как она упряма! Хорошо, что у меня есть убедительный повод не сопровождать жену и зятя. Итак... — последовала пауза, во время которой Джереми мысленно застонал, прекрасно понимая, что будет дальше, — какого дьявола ты полез в трущобы?

— Я там не был, — поспешил заверить Джереми. — Только заглянул, и то по серьезной причине. — И он быстро объяснил суть затруднений Перси и способ их разрешения.

Дослушав; Джеймс усмехнулся:

— Так вы их украли? Я бы до такого не додумался.

— Верно, ты вызвал бы Хеддингса на кулачный бой. Джеймс пожал плечами:

— А что тут такого? Знаешь, мне было бы неприятно знать, что к этому слизняку попала одна из безделушек Дианы. Будто он обокрал меня, дьявол его раздери.

— Так вот, мы его обчистили — точнее, это сделал наш сообщник. Мне удалось вернуть несколько вещей, которые мы опознали, законным владельцам, а остальное доставить в ближайший магистрат. Надеюсь, судья разберется, что кому принадлежит.

— А может, следовало бы привлечь Хеддингса к суду? — спросил Джеймс.

— Тогда пришлось бы признаться, что мы нашли драгоценности у него в доме и украли их.

Джеймс кашлянул.

— Да, верно... В суде потребовали бы объяснений, откуда у вас все эти побрякушки. Будем надеяться, Хеддингс поймет свою ошибку и больше никого не обворует, зная, что его поймали с поличным.

— Да нет, какое там! Наверняка решит, что его обокрал обычный вор. А простолюдин не узнал бы эти драгоценности и даже не понял бы, что крадет уже краденное.

Джеймс вздохнул:

— А я бы просто прикончил мерзавца на месте, чтобы впредь не брал чужого.

Джереми кашлянул.

— Лучше не вмешивайся. С этого типа я больше не спущу глаз. Выясню, где он бывает, и начну следить за ним. Не знаю, как он действует, но обязательно поймаю его за руку. Так что не утруждай себя.

Джеймс помолчал. Следующая реплика показала, что он вспомнил о другом.

— Кстати, как это ты ухитрился нанять сестру вора, если в трущобах больше не бывал?

Впервые в жизни Джереми пожалел, что не может солгать отцу, но никогда так не поступал и впредь не собирался.

— Моя новая горничная и есть наш сообщник. Мне не пришлось искать ее — она сама пришла, потому что ее выгнали из банды по моей вине.

Джеймс вскинул бровь.

— Полагаю, твой приятель Перси этого не знает?

— Даже не догадывается. Она была одета по-мужски — в таком виде она проходила почти всю жизнь. Перси и не заподозрил, что она женщина, поэтому вчера вечером, столкнувшись с ней, решил, что нам помогал ограбить Хеддингса ее брат-близнец.

— Ясно... Дьявол, нет! Ты нанял в горничные какую-то воровку?

От резкого тона Джереми поморщился:

— Она не какая-то, а удивительная. Ты видел ее лицо? С такими породистыми чертами она могла бы быть принцессой! Говорит она, как уличный оборванец, но так и должно быть, ведь она выросла в трущобах. Она сирота. Понятия не имеет, откуда взялась, и даже не знает своей фамилии. Но она хочет вести честную жизнь. И справится, потому что она умница. За последние несколько дней, что она здесь провела, она заговорила значительно чище и правильнее. А ко мне она пришла только потому, что по моей вине лишилась дома.

— Это правда?

— Видимо, да. В ту ночь я просто увез ее силой. У них, в банде карманников, свои правила, а она одним махом нарушила их, помогая нам.

— Значит, ты дал ей работу потому, что ты у нее в долгу? — уточнил Джеймс.

— Конечно, нет, — возразил Джереми и вдруг покраснел: — Я взял ее в дом потому, что у меня не оставалось выхода. Она пригрозила все рассказать Хеддингсу.

Джеймс нахмурился:

— Постой, давай разберемся... Вместо того чтобы тянуть из тебя деньги за молчание, она потребовала у тебя работу? Но ты же назвал ее умницей...

— Так и есть. Приличная работа — часть ее плана честной жизни.

— С деньгами вести честную жизнь было бы проще, — сухо возразил Джеймс.

— Знаю. Ума не приложу, почему она отказалась от них. Может, просто блефовала.

— Скорее всего. Если она и вправду умна, то не могла не понять, что признанием Хеддингсу подставит под удар и себя.

— Именно. Но с обязанностями горничной она справляется отлично. Этого я никак не ожидал. И потом, я все еще надеюсь уложить ее в постель.

- Тогда какого дьявола никак не уложишь и не выставишь ее из дома?
- Потому, что одного раза мне вряд ли хватит, а ей такие забавы на одну ночь не по вкусу.
- Боже милостивый, только не говори, что воровка и шантажистка мечтает о браке!
- Нет, просто не желает иметь со мной ничего общего.

Джеймс закатил глаза.

— Звучит невероятно. Даже если ты сам веришь в то, что говоришь, не жди, что тебе поверят другие.

— Это правда. Но в чем дело, я пока не знаю.

— А если просто попросить ее?

— И раскрыть свои карты? Джеймс фыркнул:

— Судя по тому, как она с тобой обращается, ты уже швырнул на стол всю колоду. Попроси уступить тебе, выясни, какова она в постели, и выгони ее из дома. И если она напоследок не обчистит тебя до последней нитки...

— Больше она никого не грабит.

— Нуда, конечно, — иронически отозвался Джеймс.

— Честное слово! Она твердит, что воровская жизнь ей была ненавистна, наверное, поэтому она и не потребовала у меня денег. Для нее это все равно что кража.

— И все-таки посели ее отдельно, если хочешь поразвлечься, но только не держи в своем доме. А если уж хочешь, чтобы она жила здесь, веди себя пристойно. Прислуга будет недовольна, узнав, что ты спишь с одной из горничных.

— Ты сам так думаешь, или это тебе нашептали сегодня утром?

Джеймс хмыкнул:

— Мэлори не наушничают, юноша. Но ты прав: мне нет дела до того, что творится у тебя в доме, лишь бы тебя это устраивало. Не нравится мне только, когда меня пилят старшие братья, Джейсон в особенности. Так что убеди семью, что ты не намерен нарушать условности и способен прекрасно управлять домом, иначе они бросятся жаловаться Джейсону. А я его упреки уже слышать не могу.

Джереми вздохнул:

— Реджи не дает мне покоя, навещает чуть ли не каждый час. Хотел бы я знать, как отказать ей. Как думаешь, смог бы дворецкий не впускать ее в дом?

Джеймс засмеялся:

— Даже не надейся, да это и ни к чему. Девчонка умеет интриговать и сватать, но всегда из лучших побуждений и редко ошибается. Жаль, что она вышла за этого пройдоху Идена.

Джереми подавил смешок. Николас Иден нравился его отцу до тех пор, пока Джереми выходил победителем из словесных перепалок. Раньше эти двое встречались в морях. Джереми был свидетелем морского боя между ними, после которого Джеймс покончил с пиратством. Ник уплыл целый и невредимый, показывая противнику длинный нос, а этого Джеймс Мэлори никак не мог ему простить.

Свести счеты Джеймсу удалось незадолго до свадьбы Ника и Реджи — ценой чуть не пропущенного свадебного пиршества. В свою очередь, Ник упрятал Джеймса в тюрьму — и очень своевременно: благодаря ему Джеймс подстроил «смерть» прославленного пирата, капитана Хоука, — под этой фамилией его знали на море — и сбежал, вернувшись в Англию навсегда.

— Кстати, о дворецких, — спохватился Джеймс, уже собираясь уходить. — Не хочешь на время позаимствовать кого-нибудь из моих?

— Дьявол! — Джереми довольно усмехнулся. — Я так и знал, что услышу это.

— На время, юноша, только пока ты не подыщешь своего. Могу предложить Арти. А поскольку у меня служит еще и Анри, им вдвоем на посту дворецкого почти нечего делать.

— И кто же из них будет служить у меня? Джеймс засмеялся:

— Оба, разумеется! По очереди. Эти два старых морских волка так давно работают вместе, что расставаться *и не собираются*.

Глава 24

Джереми нашел Дэнни в гостиной, где она смахивала пыль со столов, погрузившись в глубокую задумчивость. Шагов Джереми она не услышала. Может быть, думала о нем? Джереми гадал, злитесь ли она до сих пор. И грозит ли ему синяк под вторым глазом, если он сейчас повернет ее к себе и поцелует.

Чтобы привлечь ее внимание, он кашлянул. Круто обернувшись, Дэнни вздрогнула от неожиданности.

Ее вопрос сказал Джереми все:

— Вы еще живы? Джереми ответил не сразу.

— А ты ждала, что от синяка под глазом я скоропостижно скончаюсь? Разве так бывает?

— Я не про синяк, — пробормотала она, — да его и не видно совсем.

— Пока не видно, — бодро поправил Джереми, вызвав у Дэнни мрачную усмешку. И рассмеялся. — Ладно, сдаюсь. Выкладывай, плутовка. Почему ты ждала моей смерти?

— Из-за того гостя, — боязливо прошептала Дэнни. — Пока он не ушел, я пряталась в кухне. Он меня до смерти перепугал. Думала, он перережет вам глотку и глазом не моргнет. С виду — настоящий злодей, таких я никогда не встречала. И вы ему перешли дорогу...

Джереми захохотал. Дэнни нахмурилась еще сильнее.

— С чего это вы развеселились? — возмущенно спросила она.

— Ты говоришь о моем отце, дорогая.

— Ну да, рассказывайте! — скривила губы она. — Так я вам и поверила! Он же ничуть не похож на вас.

— Да, и все-таки он мой отец. Джеймс Мэлори, виконт Райдинг, четвертый из братьев Мэлори, бывший повеса, бывший пир... ну, это не важно. А теперь он верный муж, отец четырех детей, опять ждущий прибавления семейства.

На этот раз Дэнни поверила ему, даже посочувствовала:

— Эх вы, бедняга! Такого страшного отца я бы никому не пожелала.

Он хмыкнул:

— Да нет, на самом деле он не такой уж суровый. Дэнни пренебрежительно фыркнула:

— Он не стер вас в порошок только потому, что это еще успеется, а по мне, так очень жаль.

Ее гнев быстро возвращался. Джереми кашлянул.

— Дэнни, давай поговорим.

— Лучше не будем.

— Ты до сих пор не поняла, что перечить хозяину нельзя?

— Черта с два! Особенно если хозяин — похотливый жеребец, который так и норовит залезть мне под юбку!

— Дьявол, тебе пора отвыкать от этой прямоты. Я не шучу.

— Это еще почему?

— Потому...

Он осекся, сообразив, что Дэнни права. Лишать ее этой особенной, присущей только ей способности выразиться без обиняков Джереми не хотел. Мало того, сейчас он вызывал ее на откровенность и вовсе не желал, чтобы она по примеру большинства женщин уворачивалась от ответов на заданные в упор вопросы. А вопросов еще предстояло немало.

— Значит, у вас и братья с сестрами есть?

Джереми радостно восторженно. Ждать следующего вопроса она не стала, а ее любопытство свидетельствовало об интересе к нему.

— Два брата-близнеца и сестра, — объяснил он. — Все младше меня.

— А на ужине их почему не было? И вашего отца тоже?

— Они гостили у моего дяди Джейсона в поместье. Он глава семьи, в столице бывает редко. Поэтому нам приходится всей семьей ездить к нему в Хейверстон. К тому же детям такого возраста не полагается сидеть за одним столом со взрослыми.

— Даже на семейных сборищах? — уточнила Дэнни. Джереми усмехнулся:

— Однажды мы рискнули — в семье сейчас много ребятни. Когда все дети собрались вместе, за столом началось настоящее побоище.

Дэнни хихикнула:

— И у нас так бывало.

— Вот как? Значит, в вашей банде было много детей?

— Одни только дети-сироты вроде меня. Даггер находил нам жилье и пищу и учил нас жить.

— Ты хочешь сказать — воровать?

— И этому тоже.

— Если я правильно понял, он и есть ваш главарь? Тот, который выгнал тебя?

Дэнни коротко кивнула и отвернулась, яростно набросившись на пыль. Очевидно, эти разговоры до сих пор причиняли ей душевную боль. Слишком рано Джереми заговорил с ней о прежней жизни, рана еще не затянулась. Он удивился уже тому, что Дэнни вдруг разговорилась о себе.

— Присядь, Дэнни, — дружески предложил он. — Я не прочь расспросить тебя. Разговор будет долгим, так что устраивайся поудобнее.

И он указал на диван. Едва взглянув на него, Дэнни покачала головой:

— А разве это прилично? Если хотите, садитесь сами. А я постою.

— Но я хотел задать тебе... деликатный вопрос. По-этому лучше все-таки сядь.

— Чтобы вы сели рядом и опять начали распускать руки? Нет, я вас уже раскусила, приятель. Обо мне забудьте.

— Увы, не могу, детка.

На лице Джереми отразилось непреодолимое влечение. Дэнни вздрогнула и поспешно отвела глаза. Даже начала обмахиваться метелкой, очевидно, не понимая, что делает. А когда поняла, раздраженно застонала.

Перед Джереми встала трудная задача. Как быть — воспользоваться неожиданным преимуществом и попытаться соблазнить Дэнни или поговорить с ней по душам? Вопреки своим желаниям он выбрал последнее. Немедленного удовлетворения плотских желаний ему было бы слишком мало. А еще он опасался, что, даже поддавшись, Дэнни позднее отомстит ему — разозлится, бросит работу и сбежит.

Выждав минуту, он негромко произнес:

— Я сяду, а ты устраивайся где хочешь.

Джереми усмехнулся: прогресс, несомненный прогресс. Дэнни подумала и направилась к дивану, но присела на самый краешек, подальше от собеседника. Он вздохнул и пересел на

второй диван, напротив.

— И долго вы собираетесь болтать? — настороженно спросила она. — Меня ждет работа.

— Надеюсь, разговор не затянется. О работе можешь не беспокоиться. Я тебя отвлек, я и возьму на себя вину.

— Ну, что вы хотите знать?

— Во-первых, твой возраст.

— Я же говорила.

— Пятнадцать лет?

— Десять. Просто я вымахала высокая.

Он расхохотался, не дождался поддержки от Дэнни, поспешно оборвал себя и продолжил расспросы:

— Сколько же лет тебе было, когда ты осиротела? Два или три?

— Нет, года четыре или пять, а может, и шесть.

— Значит, теперь тебе под двадцать? Или двадцать один?

Она кивнула — но коротко и недовольно. По-прежнему держась скованно, она не понимала, к чему он клонит и чем закончатся эти расспросы. А Джереми надеялся, что Дэнни разговорится и забудет, что охотнее оказалась бы подальше от него.

Он попробовал зайти с другой стороны:

— Воровать тебя научил Даггер?

— Нет, меня научивала Люси. Это она меня нашла. Неправильно образованный глагол напомнил Джереми, что он обещал помочь Дэнни с речью.

— Не «научивала», а «учила».

— Чего?

— Так говорить нельзя. Правильнее было бы... Она возмущенно перебила:

— Я знаю, что говорю не так хорошо, как полагается горничной из богатого дома. Миссис Робертсон помогает мне, но от нее толку мало, если заболтается.

— Я сам буду учить тебя.

Почему-то Дэнни насторожилась еще больше.

— Чему?

Он поспешил развеять ее подозрения усмешкой.

— Чему захочешь, детка, но я имел в виду твою речь. Ты еще можешь научиться говорить

правильно — как когда-то научился я. Ты мне не веришь? Понимаю...

— А вы как говорили? — пренебрежительно спросила она. — Вроде меня?

— Не совсем так, — он улыбнулся, — но похоже. Дэнни фыркнула. На такую уловку она не купилась.

— Вас что, стащили ребенком? Вы росли в банде?

— В портовой таверне, Дэнни, а если ты еще раз фыркнешь, я зажму тебе нос. Там служила моя мать, после смерти я жил там один. Ведь я незаконнорожденный, — без тени грусти добавил он.

— Шутите, что ль?

— Отнюдь. Постарайся четко выговаривать каждое слово, дорогая.

Она вспыхнула, но лишь слегка.

— А отец вас когда нашел?

— Когда мне минуло шестнадцать — точнее, я сам нашел его. Он и не знал, что я есть на свете.

— Как же тогда вы его узнали?

— Мама так любила его, что рассказывала о нем каждый день и подробно описывала его — вот я и узнал его при встрече. Конечно, он был ошарашен.

— И он вам поверил?

Джереми хмыкнул:

— Поначалу сомневался, притом не на шутку, но потом поверил. Просто не мог не поверить — еще бы, ведь я был точной копией его брата Тони. А когда я рассказал про маму, он сразу вспомнил ее.

— Говорите, богачом вы стали только в шестнадцать лет? — недоверчиво уточнила Дэнни.

— Вот именно.

— А кажется, будто таким родились. Он рассмеялся:

— Манеры у меня приобретенные, дорогая. Как видишь, я прав.

— Значит, я могу научиться говорить не хуже вас?

— Ну конечно.

— А я раньше говорила, — призналась она.

— А?

Дэнни засмеялась, и от этого мелодичного смеха у Джереми захватило дух. Но она продолжала без паузы:

— Говорила, как вы.

— Правда?

— Несколько раз память возвращалась сама, но чаще мне надо подумать, а когда я злюсь или волнуюсь, я начисто забываю все. Ведь я давно не говорила как полагается.

— Да, ты же у нас древняя старушка.

Она усмехнулась и промолчала, а между тем Джереми жгло любопытство.

— Стало быть, ты родилась не в трущобах? Дэнни пожала плечами:

— Не знаю, где я родилась. В детстве я потеряла память. Меня нашла Люси и отвела туда, где жила сама. В то время ей было лет двенадцать. Помню, она еще сказала, что слишком уж чисто я говорю, и пообещала научить своему выговору — как и вы, — И Дэнни снова усмехнулась.

— Где же она тебя нашла?

— В каком-то переулке.

— Ты помнишь, как туда попала?

— Само собой. Меня привела мисс Джейн. Она умерла, и в тот же день меня нашла Люси.

— Кто это — мисс Джейн? Твоя мать?

— Нет, она сказала, что она няня. После крови она была со мной. Наверное, она меня и унесла.

Джереми резко выпрямился.

— Господи, после какой еще крови? Дэнни нахмурилась:

— Я до сих пор не вспомнила, а раньше вообще не знала. Это потому, что меня здорово хряснули по голове. Люси говорила, что даже остался шрам. Сама я его не видела — он на затылке.

— И своих родителей ты совсем не помнишь?

— Совсем. Только вижу сны. О прекрасной даме. Она такая милая, так красиво одета — просто ангел. Я рассказывала про этот сон Люси, а она сказала, что эта дама и есть ангел. Я должна была умирать, а он меня спас.

— «Умереть», — почти машинально поправил Джереми. — Он был похож на тебя, этот ангел?

Дэнни заморгала:

— А вы откуда знаете? Про это я Люси не говорила. Но дама была точь-в-точь как я — и лицо, и волосы, только прическа шикарная. И совсем не старая.

— Скорее всего это твоя мать, Дэнни. Она фыркнула:

— Ну как же, держи карман! Для матери она была слишком чисто одета. Нет, я догадалась: такой я хочу стать.

Джереми подумал и согласился:

— Может быть. — Он улыбнулся и продолжал: — Знаешь, а ведь это достижимая цель. Хотел бы я знать, какой ты будешь в шелках, с элегантной прической... впрочем, не важно. Тогда мне пришлось бы целовать пол у твоих ног и обещать тебе целый мир.

Она рассмеялась, а у него опять перехватило дыхание. Фиалковые глаза Дэнни весело искрились, все лицо ожило, засияло, стало ослепительно прекрасным, хотя Джереми считал, что и серьезная она редкостно красива.

— Что это тебя так развеселило? — с притворной строгостью спросил он.

— Ох, какой же вы глупый, приятель, прямо дуралей! Целовать мне ноги — еще чего выдумали! А мне придется снимать носки?

Джереми растерянно заморгал и перевел взгляд на ее ступни.

— Ты все в тех же носках? Неужели миссис Робертсон забыла подыскать тебе обувь? Тебе необходимы удобные домашние туфли, дорогая. Ты же весь день на ногах. Правда, я предпочел бы, чтобы ты целые дни проводила в постели. Не желаешь сменить работу?

— Ни за какие коврижки, — снова фыркнула она. Он поднял бровь.

— Разве тебе не интересно узнать, что это за работа?

— Я же пятнадцать лет пробыла мальчишкой — значит, про вас, мужчин, знаю все. — Она напряженно поднялась и добавила, направляясь к двери: — Заруби себе это на носу, приятель, и больше не вздумай оскорблять меня.

— Подожди, я же не...

Джереми умолк: Дэнни уже вышла. Черт побери, как он мог так оплошать? Ведь всего минуту назад она смеялась.

Он вздохнул, и вдруг его губы медленно растянулись в улыбке. Разговор мог закончиться и на более напряженной ноте. Если вдуматься, прогресс налицо. Дэнни немного успокоилась, ему даже удалось рассмешить ее. Значит, будем шутить, поддразнивать, хохотать. А потом Джереми планировал перейти к мимолетным поцелуям... нет, лучше дождаться, когда спадет опухоль на щеке. Зато теперь ему известно, что Дэнни предпочитает тумаки пощечинам.

Глава 25

— Люси! — ахнула Дэнни, которой передали, что ее ждут. Она обняла Люси, крепко прижала ее к себе, но потом бросила взгляд на лицо подруги и испуганно спросила: — Что случилось?

— Давай пройдемся, а? Здесь я не в своей тарелке. Дэнни поняла ее. Люси не была проституткой понатуре, только одевалась броско, как и полагалось при ее ремесле, поэтому в чинном квартале ей было неуютно. Странно, что она вообще добралась сюда и ее никто не остановил.

— Идем в парк, — предложила Дэнни, взяв Люси под руку и переводя ее через улицу. — Как ты сюда добралась?

Люси усмехнулась:

— В кебе. Кучер остался так доволен, что охотно подвез меня. Знаешь, — продолжала она, посылая воздушный поцелуй вознице кеба, стоящего поодаль, — он обещал еще и отвезти меня обратно.

— А я тебя и не ждала. Ведь мы расстались всего неделю назад.

Дэнни удалось сэкономить пару монет, которые миссис Робертсон выдала ей, приказав расплатиться с трубочистом, и она решила послать Люси весточку. Письмо написала под ее диктовку миссис Эпплтон, а какой-то паренек вызвался доставить его за грош — летом работы перепало гораздо меньше, чем зимой, выбирать не приходилось.

— Как я тебе рада! — призналась Дэнни, усевшись на скамейку, откуда была видна улица.

— А я боялась, что ты не скоро найдешь работу, ты уходила сама не своя. Но похоже, тебе подфартило. Ну-ка дай я на тебя посмотрю! В этом шикарном наряде тебя и не узнать! Когда кеб остановился возле этого дворца, я глазам не поверила. Как тебе здесь — нравится? Ну еще бы!

— Непривычно, но все очень милые и помогают мне. Даже учат меня правильно говорить.

— А то я не заметила! Ты теперь говоришь четко, аж уши режет.

Дэнни усмехнулась:

— Ничего, потерпишь. Помнишь, как ты меня щипала, когда я забывалась?

— Да я потихоньку, только чтоб тебя не раскусили. Но я-то думала, что ты с нами пробудешь недолго: родичи найдут тебя и заберут.

— Правда?

Дэнни надеялась на то же самое. Много лет подряд перед сном она плакала и мысленно звала родных, которых даже не помнила. Но когда она повзрослела, то рассудила здраво и пришла к выводу, что у нее в целом свете нет никого, кроме Люси. Будь у нее хоть один, даже самый дальний родственник, мисс Джейн обратилась бы за помощью к нему.

Вспомнив, как ее выгнали из шайки, подруги погрустнели.

— Знаешь, Дэнни, что ни делается — все к лучшему. Вот и тебе повезло в жизни.

— Только я скучаю по тебе.

— Так приезжай в гости. Заодно утрешь Даггеру нос, покажешь, какая ты теперь важная птица. Кстати, ему недавно сломали нос.

Дэнни заморгала:

— И поделом ему. Может, когда-нибудь я его и пожалею, но не сейчас. А ты ведь приехала в такую даль не только чтобы повидаться, да?

— Угадала. — Люси заметно встревожилась. — Меня не было дома, когда это случилось, поэтому я не видела, как он выглядел — тот малый, что избил Даггера, выпрашивая, где ты.

—Я?!

— Ага, а Даггеру, конечно, было нечего сказать. Твой мальчишка с письмом отыскал меня на улице. Даггер даже не знает, что ты мне написала.

— Говоришь, тот человек искал меня? Люси кивнула:

— Ни имени не назвал, не сказал, зачем ты ему. Но Даггера перепугал до смерти, а ты же знаешь, его голыми руками не возьмешь. Да и мне стало жутко: уж если он на Даггере живого места не оставил, значит, с тобой ему справиться — раз плюнуть. Теперь Даггер все знает.

—Что?

— Что ты женщина. Тот человек называл тебя «беловолосой девчонкой».

Дэнни вздрогнула:

— Даггер разозлился?

— Подыскивает нам новую крышу, подальше от прежнего дома, и лечит нос, синяки и шишки. Уж не знаю, на что он злится — на того типа или на тебя за обман.

— Думаешь, я ограбила того человека?

— А что еще мне думать? Но ты же всегда была осторожна.

— Да, но... — Дэнни осеклась: до нее вдруг дошло, откуда взялся загадочный преследователь.

— Ну чего?

— В доме того лорда, к которому я влезла ночью, слуга хорошо рассмотрел меня. Сбежать-то я сбежала, но на следующий день лорд наверняка заметил пропажу и понял, что к чему. Знаешь, а ведь тот лорд сам оказался вором — значит, мог послать за мной какого-нибудь уличного головореза.

— Страшно... — поежилась Люси.

— Еще как...

Глава 26

Расставшись с Люси, Дэнни как следует поразмыслила и уверилась в том, что ее преследуют по приказу лорда Хеддингса. Правда, неизвестный искал девчонку, а слуга Хеддингса той ночью видел Дэнни в мужской одежде. Значит, его хозяин стал бы разыскивать беловолосого парня.

Дэнни хорошо помнила ощущение, что ее преследуют, которое не отпускало ее в то утро по пути домой. Должно быть, преследователи отстали, порасспрашивали о ней и наконец выяснили, где она живет. В тот день она долго блуждала по городу, в том числе и по богатым кварталам. А может, это какой-нибудь незнакомый ей лорд, которого недавно ограбили. Увидев, как она проходит мимо, он мог решить, что она и виновата во всем, и послать кого-нибудь за ней, чтобы отомстить. К тому времени Дэнни уже потеряла шляпу, а без шляпы было гораздо легче узнать в ней женщину. Могло быть и совсем иначе: ограбленный лорд проводил ее до дома, запомнил адрес, но не пожелал мстить ей лично и нанял какого-нибудь отпетого убийцу, чтобы проучить воровку.

Такие объяснения имели смысл и не слишком беспокоили Дэнни. Кем бы ни был преследователь, теперь ему никогда ее не найти. Значит, можно снова заняться уборкой и ни о чем больше не думать.

Неожиданный, хотя и радостный визит Люси немного выбил Дэнни из колеи. День уже близился к вечеру, когда она приступила к уборке комнат нижнего этажа. Думая, что гостиная пуста, она заглянула туда и увидела Джереми с кухней Региной Идеи. И не успела улизнуть — ее заметили.

— Заходи, Дэнни. Можешь убирать при нас, — предложил Джереми.

— Я подожду.

— В такой поздний час? Не глупи. Скорее заканчивай работу и ступай отдыхать.

Дэнни была не прочь отдохнуть; кроме гостиной, все комнаты она уже убрала. К тому же здесь не требовалось долгой возни — в комнате никто не бывал с тех пор, как вчера Дэнни сидела на этом же диване.

После вчерашнего разговора она увиделась с Джереми впервые. Поздно вечером он ушел из дома, вернулся ночью, снова исчез рано утром и появился лишь недавно. Без него в доме было как-то пусто. Дэнни не понимала почему, но ее ощущения заметно менялись. Может, потому, что ей всегда было не по себе, когда она знала, что Джереми где-то в доме. Нет, совсем наоборот: в его отсутствие она не находила себе места.

Она по-прежнему ругала себя за то, что потеряла бдительность. Больше она ни за что не поверит Джереми, даже если он приползет домой на бровях. А потом, когда она снова поддалась на его уловку, ничего не случилось — они просто поговорили. И Дэнни узнала о нем немало интересного.

Оказалось, он незаконный ребенок. Ну надо же! Кто бы мог подумать, что человек, которому принадлежит такой роскошный дом, богач и аристократ, член огромного клана, вырос в нищете! А сейчас родные считают его своим.

Родился и вырос в таверне. Эта мысль вертелась в голове Дэнни постоянно. Значит, Джереми почти такой же, как она. Вероятно, по положению его мать мало чем отличалась от ее родителей. Но зачем он рассказал Дэнни все это? Такое прошлое надо держать в тайне.

— Она по-прежнему возится у тебя в пыли? — спросила Регина у Джереми, увидев, как Дэнни смахивает пыль с полки над нетопленным камином. — Неужели это ей нравится?

— Только не надо... — начал Джереми? но кухня тут же перебила его:

— Господи, Джереми, а я-то думала, ты лучше всех знаешь, как следует обращаться с любовницей!

Дэнни оглянулась через плечо как раз вовремя, чтобы увидеть, как Джереми толкнул кухню в бок, гневно вспыхнув. Леди огорченно прищелкнула языком и сменила тему — вернулась к разговору, прерванному появлением Дэнни.

— Нет, Джереми, не явиться на этот бал никак нельзя. Это прекрасная возможность расставить все точки над *i*. Вчера вечером Эмили пустила новый слух — о том, что ты тайно встречаешься с ней. Надеюсь, ты понимаешь, что это значит?

— Что она неисправимая лгунья.

— Нет, это знаем только мы, и больше никто. Ты вдумайся: она уже прибегла к крайним мерам, хотя сезон едва начался!

— Проклятие, да я на эту девчонку даже не смотрел! — вскипел Джереми. — Не понимаю, почему она выбрала меня, я ни разу не уделял ей больше двух минут подряд, а уж тем более не спешил продолжить знакомство.

— Ты с ней все-таки встречался?

— Об этом не стоит и говорить. Сначала ее просто представили мне, даже не помню кто, но я уже собирался уходить, поэтому перебросился с Эмили всего парой слов. Примерно через неделю она сама подошла к нам с Дрю, и опять я на нее едва взглянул. Тебе чертовски хорошо известно: ей нужны от меня хоть какие-то знаки внимания, прежде чем бросаться в бой, чтобы окольцевать меня.

— Прекрасно!.. Нет, Джереми, все отрицая, мы не спасемся. Кому, как не тебе, знать, что незамужняя молодая женщина в этом городе схватилась бы за любую возможность подцепить тебя на крючок. Только Эмили Баскомб действует, а остальные ждут, когда ты сам обратишь на них внимание.

Дэнни украдкой бросила на Джереми взгляд и заметила, что он краснеет. Разговор заинтриговал ее, ей давно было пора смахнуть пыль со стола, но она боялась пошевелиться и напомнить собеседникам о споем присутствии.

— Если уж ты все знаешь, киска, объясни, к чему такая спешка? — продолжал Джереми. — Мы с леди впервые увиделись на прошлой неделе. Может, ей во что бы то ни стало необходимо замуж? Потому, что она в интересном положении?

Регина нахмурилась и покачала головой:

— Нет, вряд ли. Думаю, ты просто поправился ей и она решила, что больше ей никто не нужен. Она избалованна, потому и нетерпелива. Кое-что об этой особе мне уже известно: я поговорила о ней с давним знакомым, который хорошо знает Баскомбов. Он упомянул, что Эмили — единственная дочь, поэтому отец непозволительно балует ее.

— А если пострадает ее собственная репутация? Этого Эмили не боится?

— Наоборот, добивается, — возразила Регина. — Она хочет, чтобы об этом узнал ее отец и взял дело в свои руки. Ну, теперь ты понимаешь, почему обязательно должен появиться завтра на балу?

— Нет. Только этого она и ждет, чтобы...

— Нет-нет, ты поедешь туда не один. Вчера я случайно встретила подругу одной нашей кузины.

— Которой?

Регина нетерпеливо отмахнулась.

— Дианы, но это не важно. А важно то, что младшая сестра ее подруги тоже дебютантка.

— Я с ней знаком?

— Нет, едва ли.

— И что же ты задумала?

— Уверена, она согласится приехать на бал вместе с тобой, если мы разработаем для нее план. А если ты весь вечер ни на шаг не отойдешь от нее, всем станет ясно, кто завладел твоим сердцем. Особенно если ты будешь полностью игнорировать Эмили.

— На первый взгляд все просто. А мы не пробудим в душе моей спутницы напрасную надежду?

— Нет... пожалуй, все-таки да. Как у любой девушки, стоит тебе взглянуть на нее. Но мы объясним, что она просто помогает тебе предотвратить стремительно назревающий скандал. К тому же твое внимание пойдет ей только на пользу — поднимет ее в глазах света. Кавалеры потянутся к ней вереницей. Все захотят узнать, что ты нашел в ней такого особенного.

Джереми усмехнулся:

— Ты меня переоцениваешь, киска.

— Вздор! Мы оба понимаем, что любое твое появление в свете — сенсация. Почти все считают, что ты превзошел даже отца и дядю. А этих двух повес Лондон забудет не скоро. Но до сих пор тебе удавалось избегать скандалов, поэтому никто не знает, чего от тебя можно ждать.

— Стараюсь, — коротко отозвался Джереми.

— Да, верно. — Регина похлопала его по руке. — Пример Дерека научил тебя скрытности. И конечно, хорошо то, что ты выбираешь женщин, репутация которых уже не пострадает. Только не вздумай напоминать о том, как поплатился за это мой бедный Ник.

Джереми расхохотался:

— Я и не собирался, детка. Но если вдуматься, его неудача с леди Эддингтон стала твоим везением. Иначе ты бы не встретила с ним и уж тем более не вышла за него замуж. Леди Э. проболталась подругам, что Ник готовится похитить ее, а он похитил тебя! Регина поморщилась:

— Мог бы и не напоминать... Так вот, как я уже говорила, завтра ты появишься на балу в компании молодой дебютантки и весь вечер будешь ее тенью: чтобы пошли сплетни, что ты за ней ухаживаешь, а про слухи Эмили все забыли. Эмили придется сдаться, и...

— Если она поверит, — перебил Джереми. — А эта сестра подруги Дианы хорошенькая? Красивее Эмили?

Регина нахмурилась:

— Вообще-то нет. Боже мой! Весь мой блестящий план развалился. Ты совершенно прав, он не подействует. Эмили поймет, что это уловка, и удвоит усилия.

— План отличный, надо только найти мне спутницу, которая затмила бы Эмили. А это, признаться, нелегкая задача. Леди Баскомб удивительная красавица.

Регина вздохнула:

— Черт бы тебя побрал, Джереми, если так, почему же ты не ухаживаешь за ней? И она,

должно быть, теряется в догадках и думает, что ты просто с ней играешь. Вскоре она решит, что делает тебе одолжение, распуская лживые слухи!

— Ответ прост, киска, Задумайся на минутку, и ты все поймешь.

Подняв бровь, Регина сухо осведомилась:

— Ты твердо решил остаться холостяком?

— Именно. Потому и держусь подальше от дебютанток и других юных мисс на ярмарке невест. На мой век в мире хватит женщин, ради которых не придется жертвовать свободой.

— Умоляю, избавь меня от подробностей! — Регина закатила глаза. — И забудь о моем блестящем плане. Нам просто не найти второй леди, равной Эмили Баскомб по положению и внешности. Ее наверняка признают королевой сезона.

Джереми успокаивающе коснулся руки кузины.

— Ты придумаешь что-нибудь еще, киска. Как всегда. Регина вздохнула:

— Наше время истекает. Она уже объявила, что тайно встречается с тобой. Вскоре эти сплетни дойдут до ее отца, он потребует объяснений у твоего отца, а что будет дальше, ты сам знаешь.

Джереми возразил:

— Мой отец рассмеется ему в лицо и посоветует купить мужа в другом месте, потому что я не продаюсь.

— Тогда лорд Баскомб бросится жаловаться дяде Джейсону, а тебе известно, что дядя смеяться не станет.

Джереми поежился:

— Да, положение у нас отчаянное. Послушай, план был и вправду хорош. Надо только найти другую девушку, которая согласилась бы сыграть роль моей возлюбленной и не уступала бы красотой Эмили.

Регина снова покачала головой:

— Видишь ли, в этом году среди дебютанток почти нет хороших. А если и есть, то они уже помолвлены. Не могу вспомнить в Лондоне ни одной незамужней девушки, которая бы... впрочем, постой...

— Говори же!

— Я ошиблась. Есть такая, и я как раз смотрю на нее.

Дэнни обернулась, чтобы увидеть, о ком говорит Регина, и обнаружила, что парочка на диване смотрит прямо на нее. Она вспыхнула. За разговором она следила внимательно и поняла, что имеет в виду Регина Иден. Дэнни только что сделали очень лестный комплимент, и она по-детски наслаждалась им.

Джереми проследил за взглядом кузины, нахмурился и отрезал:

— Нет!

— Но она бесподобна! — принялась уверять Регина. — Эмили Баскомб она затмит с легкостью!

— Нет.

— Почему? Да-да, знаю: придется заставить ее молчать.

— Не в этом...

— Ну конечно, в этом все дело! — перебила Регина. — Своим говором она сразу провалит весь план. Ты сможешь держать рот на замке, Дэнни? — Дэнни не ответила, и Регина торжествующе провозгласила: — Как видишь, это ей под силу!

— Реджи, я ценю твои старания, но ты совсем помешалась на своей идее. Да, она умеет правильно говорить, когда не нервничает...

— Умеет? — изумленно переспросила Регина.

— Но я не поручусь, что у нее не вырвется крепкое словцо. И потом, у нее нет бального платья, а найти его до завтрашнего вечера мы ни за что не успеем.

— Я одолжу одно из моих. Джереми поднял бровь.

— Ты выросла на целых семь дюймов?

— Надставим подол. Джереми, не сомневайся, все пройдет прекрасно, особенно если она будет подражать нам.

— Не выйдет. Она не умеет танцевать. Она...

— Откуда вы знаете, что не умею? — вмешалась Дэнни. — Может, я бывала на бал-маскарадах в Ковент-Гардене! Может, я танцую лучше всех на свете!

— За партнера, — нетерпеливо перебил Джереми. — А за партнершу ты когда-нибудь пробовала?

Дэнни снова вспыхнула. Она не танцевала ни разу в жизни, но постеснялась признаться в этом. И, кроме того, мысль побывать на балу показалась ей занятой. Бал в высшем свете! О таком она и не мечтала. Прекрасный шанс встретить человека, который влюбится в нее и захочет на ней жениться! Конечно, не лорда. Так высоко ей не взлететь. Но ведь на таких балах бывают не только лорды. Приглашают и других состоятельных и респектабельных мужчин, не имеющих титулов, но зато не стесненных в выборе жены.

А на бал-маскарад она и вправду ходила — точнее, смотрела на танцующих издалека, жалея, что не может присоединиться к ним. Все гости веселились напропалую. Балы в садах Ковент-Гардена были открыты для всех, не только для богачей. Надев маску, каждый мог всю ночь притворяться знатным лордом.

— Ей не обязательно танцевать, — парировала Регина последний довод Джереми. — Подвернула ногу и так далее.

— Значит, она еле ходит и почти не говорит. В таком состоянии надо лежать в постели, а не бегать по балам!

Регина возразила:

— Голос она потеряла во время увлекательной охоты на лис в поместье на этой неделе. С тех пор голос вернулся, но порой срывается. И ногу подвернула там же. Она бы отклонила приглашение, но не хотела разочаровать тебя — ведь ты так ждал этого вечера. А поскольку она приехала в столицу только на воскресенье...

— Я понял, Реджи. И за кого же ты хочешь ее выдать?

— Пожалуй, за дальнюю родственницу Келси. У Келси полным-полно титулованной родни, хотя она редко вспоминает о ней с тех пор, как вышла за нашего кузена Дерека. Но я уверена, она согласится подтвердить, что Дэнни состоит с ней в родстве.

— Родственница герцога... по-моему, это уж слишком... — задумался Джереми.

— Нет-нет, не будем заходить так далеко. Скажем, что ее родители уехали в Америку, а она выросла... знаю — в Корнуолле! На случай если на ее выговор обратят внимание. Нам поверят, непременно поверят. Никто, ми одна живая душа не усомнится, что ты ухаживал за этой прелестницей последние несколько месяцев, потому и не мог тайно встречаться с Эмили Баскомб. Наверное, у нее были рандеву с другим счастливецем.

Джереми покачал головой, изумленный напором кухни.

— Как тебе это удастся, Реджи? Ты меня поражаешь, право слово.

— Вздор! — усмехнулась Регина. — Я увезу ее к себе домой и помогу собраться на бал. Завтра вечером заезжай за нами ровно в девять. Оpozдаем ненамного, в рамках приличий.

— Оpozдаем?

— Разумеется, я поеду с вами. У нее должна быть компаньонка.

— С каких это пор ты стала моим ангелом-хранителем, киска?

— Эми перед отъездом просила меня присмотреть за тобой.

Джереми закатил глаза. Эми приходилась им не только кухней, но и лучшей подругой, а о Джереми она беспокоилась почти по-матерински.

— Мне бы не хотелось расстраивать твои планы, но, может, все-таки спросим Дэн ни, согласна ли она спасти меня от коготков Эмили?

— О Господи! — вздохнула Регина. — Ну конечно, согласна! — И она обратилась к Дэнни: — Дорогая, ты мам поможешь? Джереми попал в переплет, и если он не выкрутится, не миновать ему алтаря.

Дэнни усмехнулась:

— Маскарады для меня не в новинку.

Регина заморгала, не сразу сообразив, о чем она.

— Ах да, ну конечно! В таком случае едем. Нам предстоит еще уйма дел.

Регина Идеи была неподражаема: настоящий вихрь, смерч, водоворот деятельности, распоряжений и безостановочной болтовни. Она увезла Дэнни от Джереми к себе и провела прямо в свою спальню, не дав полюбоваться великолепным особняком. Сразу же вызвав горничную Тесс, Регина объяснила, что от нее требуется. Втроем они принялись рыться в гардеробной Регины среди бесчисленных платьев, каких Дэнни никогда не видывала. Наконец Регина остановила выбор на одном из них и сразу велела второй горничной отпустить подол. Разглядеть свой будущий туалет Дэнни не успела.

Затем занялись обувью, но туфельки, подходившие к платью, оказались Дэнни не по ноге, как их ми пытались растянуть, а заказывать новую пару было некогда. Регина послала лакея к родственницам, и еще до ужина Дэнни принесли белые атласные башмачки. Они были лишь чуть-чуть маловаты, в них Дэнни не приходилось поджимать пальцы так, как в обуви Регины.

Спускаться к ужину они не стали. Регина велела принести подносы к ней в комнату, и пока Дэнни ела, Тесс пыталась соорудить модную прическу из ее волос. Л это было нелегко. Вернее, чрезвычайно трудно. Короткие кудряшки оказались непослушными. Их пришлось подстричь еще короче — чтобы выровнять «лесенки», оставленные неумелыми руками Люси.

Наконец Регина достала из комода диадему, и Тесс воскликнула:

— Вот это будет в самый раз! Я разделю ей волосы на пробор и украшу диадемой. По крайней мере не будут торчать в разные стороны.

— Бесподобно! Я знала, что могу на тебя рассчитывать, Тесс. Ох, не могу дождаться завтрашнего дня!

Дэнни так и не увидела свою новую прическу: диадему с ее головы сняли, а ее саму проводили в спальню для гостей, куда поместила ее Регина. Завтра предстояло еще немало хлопот, и все улеглись спать пораньше.

Спальня для гостей! Дэнни не верила своим глазам: сама леди Регина не останавливалась ни перед чем, лишь бы спасти кузена от свадьбы с прекрасной наследницей. Если кто-нибудь не подцепит его на крючок, при таких кузинах Джереми и вправду доживет холостяком до старости. И очень жаль, с неожиданной болью в сердце подумала Дэнни. Если он так старательно избегает брака, значит, ей он совсем не подходит.

Но перспектива завтрашнего преображения перед балом приятно волновала Дэнни. Она едет на бал с Джереми! Он даже будет притворяться, будто ухаживает за ней! И она сможет на краткое время вообразить, что в этот чудесный вечер все происходит по-настоящему...

На следующее утро Дэнни разбудили раньше, чем она ожидала. Казалось, только она сомкнула глаза, как горничная постучалась в дверь и внесла в спальню поднос с завтраком. Не успела Дэнни съесть и половины, как вбежала Регина со взволнованным возгласом:

— Как, ты еще не встала? Поторопись! Конечно, танцевать тебе не придется, но на всякий случай научим тебя самым простым па.

— Вы научите меня танцевать?

— Не я, дорогая, а Джереми. Я уже послала за ним. Не удержавшись, Дэнни фыркнула:

— Так рано вам его из постели не вытащить.

— Знаю, он соня, — вздохнула Реджи. — Но его разбудят: я велела передать слугам, что случилось нечто неприятное.

— Что?!

— Все в порядке, но так его быстрее разбудят. А теперь я расскажу тебе, что нам предстоит. Бал дает леди Эйтчисон, он откроет светский сезон и будет самым шумным событием: ее балы всегда необыкновенны, хотя она устраивает их только раз в четыре года.

— Значит, народу соберется много?

— Да, будет страшная толкотня, съедутся все сливки лондонского общества. Все юные дебютантки, молодые кавалеры, мечтающие о женитьбе, их мамы, папы и компаньонки, а также несколько светских щеголей, повес и негодяев вроде нашего Джереми, от которых тебе следует держаться подальше.

— Он не негодяй, — возразила Дэнни, хотя сама не раз мысленно бранила хозяина.

— Напротив, негодяй и повеса, хотя и неотразимый. Да ты вспомни, как он обошелся с тобой! Сделал тебя своей любовницей и при этом заставил убирать в доме!

— Я ему не любовница и никогда ею не буду! Услышав этот яростный возглас, Регина растерянно заморгала.

— Правда?.. Господи, прошу меня простить! Я думала... вернее, вся семья решила... но ведь это же очевидно, что его тянет к тебе, а перед Джереми не устоит ни одна женщина...

Тут Дэнни покраснела, вспомнив, как чуть не поддалась этому коварному искусителю и с тех пор постоянно напоминала себе, что добиться близости с Джереми Мэлори не входит в ее планы. Но Регина не заметила ее румянца и вернулась к разговору:

— Идем, я уже велела освободить гостиную, чтобы нам хватило места.

Дэнни пришлось учиться не только танцевать. Внизу, в гостиной, Регина попросила ее:

— Покажи, как ты ходишь. Нет-нет, ты же не в брюках! Не шагай так широко... Вот так, уже лучше... нет, не раскачивайся всем телом, только переставляй ноги! Как будто ты скользишь по всей комнате, но при этом не двигаешься с места.

Дэнни послушно засемила по гостиной.

— Замечательно! — обрадовалась Регина.

— А вы тоже так ходите? — усмехнулась Дэнни. Регина не сдержала улыбку.

— Пытаюсь. Иногда получается. Но сказать по правде, я выросла сорванцом. После смерти матери меня растил кузен Дерек. Я пользовалась той же свободой, что и мальчишки, ну, ты понимаешь, о чем я. Наверное, потому ты и стала одеваться по-мужски?

— Нет, там, откуда я пришла, девчонки начинают с малых лет торговать своим телом. А я не хотела так работать, вот и выдавала себя за мальчишку.

— О Господи! — Регина густо покраснела. — И никто не знал?..

— Кроме моей подруги Люси.

— Реджи, где ты? — слышался из холла голос Джереми.

— Здесь!

Он ворвался в гостиную, взлохмаченный и сердитый, и напустился на кухню:

— Тебе известно, который теперь час?

— Да, половина утра уже пропала даром. Ты будешь учить Дэнни танцевать.

— Я? — Джереми скрестил руки на груди и прислонился к дверному косяку. — Ты же сказала, что она подвернула ногу.

— Верно, но ей уже почти не больно. Ведь она ходит, не хромя. Это просто мера предосторожности. А если сам король Георг пригласит ее на танец?

Джереми закатил глаза.

— Ну, Реджи, это уж слишком!

— Я просто хотела объяснить, почему она должна уметь танцевать. Это же нетрудно. Зато мы спасем тебя от кандалов супружества.

Джереми перевел взгляд на Дэнни и широко раскрыл глаза.

— Тебя подстригли? Очень мило.

Дэнни зарумянилась и еще больше похорошела.

— Сегодня к вечеру меня причешут.

— Если ты станешь еще красивее, мне не устоять, — пошутил он и обратился к кухне: — Черт побери, Реджи, надеюсь, ты не оставишь нас вдвоем?

— Ни на минуту. И никаких вольностей я не потерплю, так что веди себя пристойно!

Он вздохнул:

— А как же музыка?

— Я буду напевать, и только попробуй засмеяться! Живо получишь от меня по заслугам!

Джереми подошел к Дэнни и подал ей руку.

— Ты готова к уроку, детка?

Эти слова прозвучали так многозначительно, что она сочла необходимым уточнить:

— Только к уроку танцев.

— Досадно, — шепнул он, привлекая ее к себе и начиная кружиться в вальсе по комнате.

От руки Джереми, лежащей на спине Дэнни, по ее телу расходилось приятное тепло. Комната была более чем просторной. Удалившись от Регины в противоположный угол, Джереми начал нашептывать партнерше комплименты:

— К тебе приятно прикасаться. Как думаешь, она заметит, если я спущу ладонь... пониже?

— Я точно замечу, — предупредила Дэнни. Он хмыкнул:

— А если тебе понравится?

— Не надейтесь. Вы не посмеете! Мы же просто танцуем.

— А я могу танцевать и заниматься любовью одновременно, — заявил Джереми. — Честное слово!

Дэнни ахнула и еле выговорила:

— Врете! Сию же минуту прекратите!

Но он, конечно, не послушался. Придвинувшись ближе, он зашептал:

— Хочешь, объясню, как это делается? Тебе надо только обхватить мою талию ногами. Конечно, мы оба должны быть раздеты.

Дэнни споткнулась и удивилась, что этого не случилось раньше, — она забыла обо всем, кроме Джереми и собственных соблазнительных фантазий. Джереми поддержал ее, помог восстановить равновесие, но напрасно: с такта Дэнни безнадежно сбилась.

Регина замолчала. Дэнни оглянулась и заметила, что к хозяйке дома подошел слуга. Должно быть, Джереми тоже увидел, что его кузина отвлеклась, потому что вдруг прильнул губами к шее Дэнни, обжег ее поцелуем и передвинулся выше, к уху, в которое забрался кончиком языка. Ощущение было неопишным. У Дэнни подогнулись колени, но ей и не требовалось держаться на ногах: Джереми обнимал ее так крепко, что поднял над полом! А она ничего не смогла поделать с собой и прижалась к нему. Чувства, которые он пробуждал в ней, требовали иной близости...

Громкое покашливание Регины вернуло их к действительности, но не сразу. Поставленная на пол, Дэнни растерянно озиралась. Заметив усмешку Джереми, она вдруг разозлилась. Негодяй! Он точно знал, что творится в ее душе, и наслаждался победой!

Но Джереми сжалился над ней и объяснил, как следует подстраиваться к партнеру. Вскоре Дэнни кое-что усвоила и смогла впервые пройтись в вальсе.

Она думала, что после ленча урок продолжится, но ее отправили в постель. Регина приказала ей хорошенько выспаться, а не просто отдохнуть: бал может затянуться до утра. Дэнни думала, что от волнения не сомкнет глаз, да еще в такое непривычное время суток, но усталость сразила ее. Она торопливо разделась, легла в постель и уже через несколько минут спала.

Глава 28

Дэнни спала так крепко, что пробуждение принесло ей горькое разочарование: кажется, ей снилось, что она поедет на бал... Но тут в дверь постучали. Дэнни открыла глаза и вспомнила, что она в доме Регины Иден и сегодня впервые в жизни побывает на балу.

После сна ей приготовили ванну. Потом сразу усадили к зеркалу, и Тесс занялась ее прической. Регине помогала одеваться другая горничная, но Дэнни не смотрела в ее сторону и не слышала ее распоряжений: ее заворожило чудо, которое творилось у нее на глазах.

Пригладив непокорные кудри Дэнни, Тесс водрузила на них усыпанную драгоценными камнями диадему с крупным аметистом в середине. Волосы ниспадали из-под диадемы мелкими локончиками, обрамляя лицо, а сзади были уложены так, что напоминали прическу, которая вошла в моду в Англии еще несколько лет назад. Вдвоем горничные надели на Дэнни через голову нижние юбки, а потом — самое чудесное бальное платье на свете.

Казалось, волшебник сотворил его из бледно-лавандового шелка. Ближе к подолу платье украшали два волана из тюля и кружев. Ко второму горничная пришила полосу белого шелка, а поверх него пустила фиолетовое кружево. Тем же фиолетовым кружевом были отделаны короткие рукава-фонарики и глубокий вырез-декольте, а также верх длинных белых перчаток, которые Дэнни тоже предстояло надеть. Глядя на себя в зеркало, она думала, что это бальное платье сшили именно для нее.

Вчера при примерке оказалось, что линия талии на платье находится слишком высоко. Но мастерица-горничная сделала вставки из белого шелка и фиолетового кружева, такого же, как на подоле, и талия оказалась на положенном месте.

Наряд был таким роскошным, что Дэнни сразу вспомнился ее сон о прекрасной леди, похожей на ангела. Вот он и стал явью. За одну ночь она превратилась в пленительную незнакомку. Дэнни не могла отвести от себя глаз. Регине пришлось буквально оттаскивать ее от зеркала, когда наступило время отправляться на бал.

— Закрой рот, Джереми, — распорядилась Регина, когда они спустились к ждущему в холле спутнику.

Но он смотрел на Дэнни во все глаза. Она медленно залилась краской. Кажется, он даже не слышал упрека кузины. Где-то глубоко в душе Дэнни проснулась гордость.

Сам Джереми выглядел внушительно и элегантно в черном вечернем костюме. Под облегающим сюртуком на шее был небрежно повязан гофрированный белый галстук, придающий ему вид щеголя. Смоляные волосы он зачесал назад, но они то и дело падали на лоб, прикрывая виски, и на шею. Выражение лица Джереми вызвало у Дэнни трепет.

Несомненно, ее вид ошеломил его. И Дэнни его понимала — она помнила, как тарачилась на себя в зеркало.

Регине пришлось несколько раз ткнуть Джереми в бок локтем. Тогда он наконец пришел в себя, преградил дамам путь и непреклонным тоном заявил:

— В таком виде из дома она не выйдет.

— А чем плох ее вид? Я же предупреждала...

— Она чертовски красива, и ты сама это видишь, Реджи.

Кузина усмехнулась:

— Глупый мальчишка! Так и было задумано.

— Ну уж нет! Я не ожидал, что она окажется... такой. Она произведет фурор, какого столица еще не видывала. Нет, Дэнни останется дома — это мое последнее слово.

Регина укоризненно покачала головой:

— Хочешь — оставайся сам. А она поедет на бал. Чтобы добиться своего, ты нам не нужен. Я и без тебя пушу слухи, показав ее всему свету. Но без нее сделать это не получится.

— Ты меня слышала, Реджи?

— Нет, лучше ты послушай: теперь твое согласие нам не требуется. Я спасу тебя, даже если ты этого не хочешь. Пойдем в карету, Дэнни.

Конечно, Джереми последовал за ними. И продолжал спор с кузиной всю дорогу до дома Эйтчисонов, до которого было недалеко. Бал давали в одном из особняков возле дома отца Джереми.

Рассердившись на кузена, Регина перестала слушать его. Дэнни последовала ее примеру. И вправду, зачем он поднял шум? Потому, что она показалась ему слишком миловидной? И он опасался любопытства гостей? Но, насколько понимала Дэнни, именно это ему и нужно, чтобы опровергнуть лживые сплетни, распускаемые Эмили Баскомб.

Очувтившись вместе с Джереми в карете, Дэнни вспомнила ночь их знакомства. Наверное, Джереми по ее лицу догадался, о чем она думает, потому что прошептал:

— Предыдущая поездка была совсем другой, верно? Кстати, ты умеешь прекрасно выскакивать из карет на ходу. Если хочешь повторить — не стесняйся.

Услышав это предложение, Дэнни негромко фыркнула. Значит, Джереми в скверном расположении духа. Чем это может ей грозить — неизвестно.

Но, вспомнив о ночи, когда они познакомились, Дэнни вдруг заволновалась и приглушенно спросила:

— Как думаете, он там будет?

Не спрашивая, кого она имеет в виду, Джереми пожал плечами:

— Какая разница? Тебя видел его слуга, а не он.

Регина остановила Джереми: карета уже приближалась к особняку Эйтчисонов. Уперев указательный палец ему в грудь, она предупредила:

— Попробуй только на балу быть мрачнее тучи! Имен в виду, пожалеешь — больше я тебе не скажу ни слова.

— Обещаешь? — усмехнулся Джереми.

Пропустив этот вопрос мимо ушей, Реджи продолжала:

— Раз уж ты с нами, играй свою роль как следует — веди себя как влюбленный, иначе весь этот фарс не имеет смысла. Ну, возьми себя в руки, Джереми. Представление начинается.

Дэнни захлестнули волнение и предвкушение. Помогая одеваться, Регина долго и подробно

перечисляла, что она должна и чего не должна делать на балу. Но сейчас замысловатые правила этикета вылетели у нее из головы. А потом ее ошеломили длинная вереница карет, подъезжающих к парадному подъезду, яркие краски, огни, пышные бальные платья, блеск паркета в огромном зале. Ничего подобного она никогда не видела.

Должно быть, у нее непроизвольно открылся рот, потому что Джереми зашипел ей на ухо:

— Перестань делать вид, будто впервые на балу! Сегодня ты леди, привычная к светским развлечениям.

— Да я-то... — начала она, глотая слоги, спохватилась, закашлялась и продолжила, как истинная аристократка: — ...редко бывала в обществе — еще совсем недавно я училась в пансионе.

— Это Реджи тебя научила так отвечать?

Дэнни покраснела.

— Да, и многому другому.

— Но зачем? — чуть не застонал Джереми. — Мы же договорились, что ты будешь молчать.

Она пожала плечами:

— Но ведь может оказаться, что мне понадобится что-нибудь сказать.

— И ты такого наговоришь!.. Нет, дурацкая идея. Похоже, я спятил, иначе это не назовешь. Это все ты виновата!

Дэнни вздрогнула, не понимая, с какой стати и в чем ее обвиняют.

— Как это, приятель?

— Меня так тянет к тебе, что я просто не могу думать ни о чем другом.

У Дэнни опять приоткрылся рот, щеки запламенели. Колени задрожали, где-то внизу живота возник тянущий холодок, и ей представилось, как они кружатся по залу совсем обнаженные...

Зачем он говорит ей все это? Почему от его слов на нее нападает слабость? Особенно теперь, когда она в центре всеобщего внимания?

Реджи придвинулась ближе и шепнула:

— Не придирайся к ней, Джереми. Это ее звездный час. Смотри, что она с ними сделала!

Дэнни огляделась. И вправду, музыка еще играла, но все танцующие замерли, отовсюду на нее смотрели. Она покраснела еще гуще. Джереми снова застонал.

— Я же предупреждал: она произведет фурор, — втолковывал он кузине.

— И я рада, что ты не ошибся. Если ты еще не заметил, Эмили здесь и сейчас мечет молнии в нашу Дэнни.

— В нашу Дэнни? С каких это пор она наша?

— А ты как думал? Нашел ее ты, но помогла ей засиять во всей красе я, дорогой. Хватит смотреть на нее так, будто ты сердисься. Ты же влюблен, помнишь? Играй свою роль. Или показать тебе, как это делается?

Джереме закатил глаза, но невольно улыбнулся. И предупредил Дэнни:

— Нас заметили — сейчас хлынут лавиной. Если можешь промолчать — молчи. «Да», «нет», «приятно познакомиться», «всего хорошего» — и все! Так будет лучше. И почаще кивай головой, словно поддерживаешь разговор.

Насчет лавины Джереми не шутил. Двое гостей вскоре не справились с любопытством и подошли здороваться, а за ними своей очереди ждали еще человек двадцать. Регина Идеи вновь доказала, что прекрасно знает людей. Она сама отвечала на все вопросы, сама предупредила гостей о сорванном голосе и подвернутой ноге, как и собиралась, Дэнни оставалось только улыбаться и протягивать руку для поцелуев. Несколько самых настойчивых новых знакомых сумели вытянуть из нее пару слов, надеясь похвастаться в разговоре с друзьями: «А со мной она даже поговорила!»

Запоминать фамилии и имена Дэнни не пыталась — встретиться с этими людьми вновь она не рассчитывала. Она ловко играла роль юной леди, только что вышедшей из пансиона и случайно познакомившейся с Джереми Мэлори, который уже всерьез задумывался, стоит ли и впредь оставаться холостяком. Дэнни перевоплотилась в Даниэllu Лэнгтон, дальнюю родственницу Келси.

Разумеется, кое-кто из гостей тут же вспомнил, как Келси оправлялась после трагедии. Говорили, что ее мать застрелила ее отца из-за карточных долгов, а потом покончила с собой. Но вскоре выяснилось, что оба погибли случайно, потому произошедшее стали деликатно называть трагедией.

Вслух об этом никто не вспоминал, но свет решил, что Дэнни Лэнгтон приходится Келси родственницей по линии ее родителей, предположил, что Дэнни уже помолвлена с Джереми и принадлежит к его семье. Несколько пожилых джентльменов были готовы поручиться, что встречались с ней раньше, но Регина без труда объяснила этот феномен:

— Если о чем-то часто слышишь, начинаешь этому верить и думать, будто всегда это знал.

Джереми успокоился и перестал хмуриться, особенно когда убедился, что на все вопросы Регины готов ответ. Какой-то милovidный юноша подошел к прекрасной незнакомке снова, должно быть, прослушав пассаж о подвернутой ноге. Дэнни точно знала, что ей представляли его, но фамилию не помнила.

Он сверкнул ослепительной улыбкой.

— Леди Даниэлла, имейте в виду: я застрелюсь, если вы не оставите мне первый танец.

Отвечать Дэнни не пришлось: Джереми не дал ей ни малейшего шанса.

— Ничего подобного вы не сделаете, Фаулер, об этом я позаботился заранее. Леди не будет танцевать ни с кем, кроме меня. Всего хорошего.

Джереми так грозно хмурился, что Фаулер не посмел возразить и поспешно удалился.

После того как толпа разошлась и Дэнни опять осталась наедине с Джереми, воздух в зале

загудел от пересудов. Но Дэнни прекрасно справилась с ролью и теперь ликовала.

— Хочешь попробовать потанцевать? — спросил он через несколько минут, убедившись, что их никто не слышит.

— И испортить удачную комедию?

— Ради чего тогда я кружил тебя по гостиной Реджи битый час? Если и споткнешься, не беда: все помнят, что у тебя болит нога. Что в этом сложного? Просто позволь повести тебя.

Попробовать Дэнни очень хотелось. Она уже поняла, что танцевать приятно. Поэтому она кивнула, и Джереми повел ее на середину зала. Вскоре Дэнни забыла, где она находится и кто на нее смотрит.

Его пальцы были крепкими, ладони горячими, кожа чуть шершавой. Дэнни задумалась о том, какая кожа у Джереми на всем теле. Желание выяснить это было почти нестерпимым. Перед глазами вдруг возникла уже знакомая картина: они кружатся по залу, она крепко обнимает его ногами, оба совершенно голые, ее наполняет и музыка, и Джереми... о Господи!

— Что такое? — встрепенулся Джереми, услышав, как она тихо ахнула.

— Пустяки, — солгала Дэнни, решительно отогнала непристойные видения и спросила: — А тот парень — он что, всерьез решил стреляться?

— Нет, разумеется. Уверен, то же самое он говорит всем юным леди. Даже такая грубая лесть бывает очень полезна. Но я предпочитаю говорить правду, и если ты в ближайшем времени не станешь моей, я точно застрелюсь.

Дэнни растерянно заморгала, а потом расхохоталась.

— И это, по-вашему, правда?

— Ну, не совсем, но в общих чертах. Я уже в отчаянии, дорогая.

У нее перехватило дыхание. В его глазах отражалось не только отчаяние, но и обжигающая страсть, готовая выплеснуться наружу. Дэнни потупилась, опасаясь немедленно поддаться искушению.

Чтобы сменить тему, она спросила:

— Кто научил вас танцевать?

— Первый помощник моего отца. Дэнни насмешливо приподняла бровь.

— Первым помощником вашего отца была женщина?

— Нет, Конрад Шарп по прозвищу Конни — шестифутовый, огненно-рыжий шотландец. Если бы ты видела, как он целый час притворялся женщиной, чтобы научить меня вести в танце, ты бы лопнула со смеху!

— Воображаю! — засмеялась Дэнни.

— Но я-то знаю: учить меня ему было не так приятно, как мне — тебя.

Дэнни вспыхнула:

— Джереми, ведите себя прилично!

— Ни за что! — шепнул он ей на ухо.

И он принялся сыпать шутками и усердно смешить Дэнни. Он оказался отменным танцором и был сегодня неотразим — нет, он всегда выглядел превосходно, но сегодня, в черном облегающем фраке — особенно. Танцуя с ним, Дэнни чувствовала себя любимой, ей казалось, будто ее место — здесь, в этом зале. Давно она так не веселилась. Отрицать это Дэнни даже не собиралась. Если Джереми сегодня только изображал пылкую влюбленность, то Дэнни начинала догадываться, что ей самой незачем притворяться.

Глава 29

Джереми и вправду успокоился, с каждой минутой все лучше играя свою роль, но происходящее ему совсем не нравилось. Единственным светлым пятном вечера казалась искренняя радость Дэнни. За это Джереми не сердился на нее. Просто не желал ни с кем ее делить.

Дэнни он воспринимал как свою собственность, и стойло другому мужчине приблизиться к ней, в Джереми закипало почти первобытное стремление защищать то, что ему принадлежит. Но это же нелепо. Она всего-навсего его горничная. Он хотел бы видеть ее в роли любовницы, но Дэнни отказывалась наотрез.

Регина послала кузена за шампанским для нее и Дэнни — не просто попросила, а отдала приказ. А ему не хотелось оставлять Дэнни одну ни на минуту. К несчастью, его взгляд случайно упал на Эмили, не сводящую с него печальных глаз. Господи, неужели теперь она вздумала разыграть брошенную возлюбленную? И по-прежнему настаивать, что они встречались тайно?

— Сдается мне, тебе самое место в сумасшедшем доме, — послышался за спиной Джереми хорошо знакомый ему голос.

Джереми поморщился. Отец. А он и не видел, как приехал Джеймс, вообще ничего не замечал, кроме Дэнни.

— Знаю.

— О чем ты только думал, дьявол тебя раздери, когда решил притащить ее сюда?

— Это не моя затея. Ты считаешь, мне хотелось делить ее со всем светом и видеть, как на нее пялятся похотливые юнцы? Ну уж нет!

— Тогда кто же это сделал? Кажется, я догадываюсь.

— Совершенно верно. Реджи, конечно.

— Моя дорогая племянница славится умением вмешиваться во все и вся, но на этот раз она явно лишилась рассудка.

— Только потому, что найти другую женщину не удалось. Реджи решила, что единственный способ заткнуть Эмили рот — показать ей, что я влюблен не в нее, а поскольку мы не нашли

никого, кто мог бы затмить Эмили...

— Я все понял, но мне кажется, что перед такими трудностями наша настойчивая юная леди не пасует.

— На это Реджи и не рассчитывала, а другого способа заставить Эмили выбрать новую добычу не смогла придумать. Весь этот фарс — пища для сплетников, поскольку Эмили уже распускает слухи, что я сплю с ней.

— Дьявольщина!

— Вот именно. Но теперь нам есть что возразить. Зачем мне скромная маргаритка, когда я ухаживаю за редкостной белой розой?

— Ухаживаешь? — изумился Джеймс.

— Для пущей убедительности, — заверил его Джереми. — Повторять этот спектакль нам не придется. Дэнни так потрясла свет, что разговоров о ней хватит сплетникам еще на месяц. А ты что здесь делаешь? Ты же говорил, что у тебя уже готовы отговорки — на случай если тебя повезут на бал?

— А потом передумал. Захотелось взглянуть па лживую девчонку, которая заманивает тебя к алтарю. Кстати, где она?

Джереми повернулся в ту сторону, где недавно видел Эмили. Но ее на прежнем месте не оказалось. Регину на минутку отвлекла мачеха Джереми, Джордж, и Дэнни осталась в одиночестве. Этим не преминула воспользоваться та, ради кого и была затеяна вся комедия.

— Господи, Эмили идет в атаку на Дэнни! Джеймс вскинул бровь, глядя в том же направлении.

— Значит, предстоит интересное зрелище. Никогда не видел, как женщины устраивают кулачный бой, а сейчас это вполне вероятно, если вспомнить, откуда твоя Дэнни.

Дэнни теребила розу, когда какая-то леди ущипнула ее за руку, привлекая внимание. Незнакомка была прекрасна. Белокурые волосы, уложенные в изысканную прическу, роскошное белое бальное платье, любимого цвета юных дебютанток, отделанное голубым — под цвет лазурных глаз. Сейчас эти глаза дерзко и пренебрежительно сузились. Они изливали такую ненависть, что Дэнни на миг оторопела.

— Не знаю, кто вы такая, но если вы надеетесь украсть его у меня, вы жестоко ошибаетесь, — заявила ей знакомка.

Дэнни вдруг поняла, кто перед ней. Регина украдкой показывала ей эту леди — на всякий случай. Но как Эмили приблизилась к ней, Дэнни даже не заметила.

Бесцеремонный щипок так разозлил Дэнни, что сдерживаться она не сочла нужным.

— А, так вы, должно быть, и есть лживая Эмили!

— Что, простите?

— Выставляете себя на посмешище, леди. Над вами смеются — он, его семья, а завтра будет хохотать весь город. Своей ложью вы добьетесь только одного: похороните собственную репутацию.

Эмили ахнула, густой румянец проступил на ее нежных щеках.

— Нет, вы, кажется, не поняли. Он все равно женится на мне. Об этом позаботится мой отец.

Дэнни вскинула бровь.

— Он поверит лжи?

— Вижу, вас ввели в заблуждение. Я не лгу. Это он лжет, отрицая, что ухаживал за мной.

— Так вот как вы называете несколько случайно брошенных слов! — с невинным видом воскликнула Дэнни.

— Так вот что он говорит! — недоверчиво повторила Эмили, словно не веря своим ушам. И добавила со вздохом: — Мне следовало бы знать, что он не умеет держать слово. Ведь его отец — самый отчаянный повеса, какого когда-либо видел этот город, дядя Энтони — второй после него, а Джереми, очевидно, решил последовать по стопам родных.

На это Дэнни не ответила. Она не удивилась бы, окажись слова Эмили правдой. То, что Джереми не имеет ни малейшего намерения жениться, она уже знала. Но от удовольствий он отказываться не собирался. Дэнни вспомнила, как он пытался соблазнить и ее. Но поверить в то, что Джереми не умеет держать слово, было трудно, скорее всего никаких обещаний он и не давал. Обольстил леди, чтобы поразвлечься, вот и все.

А от Эмили такой искренности Дэнни никак не ожидала. Ее слова звучали убедительно. Либо она на редкость искусная притворщица, либо говорит правду.

Дэнни, решила выяснить это.

— Если он и вправду такой негодяй, зачем он вам нужен?

— У меня уже нет выбора, — объяснила Эмили и добавила шепотом: — Кажется, я в положении...

— Как вы узнали, да еще так быстро? Вы же познакомились с ним на прошлой неделе.

— Я же говорю — мне кажется... — с досадой прошипела Эмили. — Знать наверняка я буду через неделю-другую. Надеюсь, я ошиблась, но, к сожалению, это маловероятно. Теперь вы понимаете, почему зря тратите время? Вскоре вас постигнет горькое разочарование.

Дэнни покачала головой:

— Да нет, это вы заблуждаетесь. Давно пора смириться с потерей. А если вы втянете в это дело отца, опозоритесь навсегда. И ради чего? Он все равно не женится на вас.

— Господи, ну как можно быть такой бестолковой! Вы не понимаете, что происходит. Когда речь идет о наследнике состояния, личные счеты не играют роли. Поверьте, у Джереми не останется никакого выбора, как и у меня. Все решат за нас.

Не успев познакомиться с этой леди, Дэнни уже возненавидела ее.

— Проваливайте-ка вы отсюда, леди. У меня от вас разболелась голова.

— Я здесь ни при чем! — возмущенно воскликнула Эмили.

Дэнни согласно кивнула:

— Первая правда из ваших уст.

Эмили открыла рот, чтобы парировать удар, передумала и торопливо отошла. И Дэнни поняла почему, когда за спиной послышался голос Джереми:

— Ну как ты?

Дэнни кисло улыбнулась:

— Трудная это работенка, приятель, — чисто выговаривать каждое слово, когда так много болтаешь. От нее у меня адская мигрень.

— Это тебе поможет. — Он протянул ей бокал с шампанским. — Прости, что мы оставили тебя с ней одну. Я думал, ей не хватит духу к тебе подойти. Она язвила?

— Объяснялась очень убедительно.

— Значит, увидев нас с тобой на балу, она не передумала?

— Ни на минуту. Ручаюсь, теперь ей вожжа попала под хвост. Она уже высчитывает сроки.

— Дьявол!

— Не дрожите, приятель, — подбодрила его Дэнни. — Всегда можно уехать в Африку.

Джереми расхохотался, потом посерьезнел и сказал:

— Я бы предпочел остаться здесь. Кстати, план Реджи все-таки увенчался успехом. Теперь сплетники болтают о нас с тобой. Может, дадим им пищу и еще немного потанцуем? Раз уж мы здесь, нельзя упускать такую возможность.

Дэнни усмехнулась:

— Приятель, ваши мысли написаны на лбу. Вы только и ждете повода распустить руки.

— Даже не думал, — запротестовал Джереми, но его улыбка свидетельствовала о том, что Дэнни не ошиблась. Однако танцевали они недолго. Сделав несколько кругов, Джереми повел партнершу в глубь зала, где растения в кадках создавали подобие оранжереи.

Он пытался вести себя пристойно, но с трудом сдерживал пыл. Листва скрывала их от половины зала, но вторая половина видела, что Джереми нарушает все правила приличия.

— Это нам на руку, — сказал он и поцеловал Дэнни.

Она была застигнута врасплох. Мужчина с женщиной целуются прилюдно только на свадьбе, когда их объявят мужем и женой, да и то делают это не слишком страстно. Пренебрегать правилами приличия мог только такой негодяй, как Джереми! Впрочем, судя по его замечанию, он выполнял план. Дэнни могла бы возразить, но не успела, к тому же, проведя рядом с Джереми весь вечер, она разволновалась, а его глаза обещали незабываемое удовольствие.

Всего одну секундочку, только одну, сказала себе Дэнни. Но прекращать поцелуй ей не

хотелось. Жар распространялся по ее телу, нарастал, и, будь на ней очки, стекла давным-давно запотели бы. Трепет где-то в глубине, вблизи слияния бедер, усиливался.

Дэнни уже боялась сорвать с него рубашку и прижаться губами к теплой мускулистой груди, а потом расстегнуть панталоны и найти под ними разгоряченную плоть, но какая-то частица рассудка не давала ей так поступить. Если она не остановит Джереми сейчас, то не остановит никогда.

— Прекратите! — потребовала она.

— А надо ли?

Как просто прозвучали его слова! Дэнни дрожала от страсти, а он оставался невозмутимым. Но в его глазах Дэнни разглядела обещание того, что может быть между ними и непременно будет, если она согласится.

Глава 30

Эта ночь стала лучшей в жизни Дэнни. Она и не мечтала побывать на балу, да еще самом роскошном и многолюдном. По пути домой радость и шампанское переполняли ее. Пожалуй, она выпила слишком много. После двух бокалов у нее закружилась голова, но она опустошила еще два. Шампанское совсем не походило на вино — пить его было так легко, от пузырьков становилось веселее на душе.

Но ничего, скоро она ляжет в постель и хорошенько выспится. Дэнни точно знала: несмотря на легкое опьянение, в присутствии остальных гостей она не допустила ни единой ошибки. Иначе Джереми сказал бы ей об этом. После выпада Эмили Баскомб он не отходил от Дэнни всю ночь. Лишь однажды он позволил Дэнни потанцевать с одним джентльменом, хотя она и пыталась отказаться. Остальных мужчин он отгонял, а этого не смог.

Но танцевать с Джеймсом Мэлори ей не понравилось. Он вселял в нее страх, хотя и пытался разговориться и даже изредка шутил. Но рассмешить Дэнни так и не смог.

Дэнни мысленно посочувствовала его жене Джорджине, с которой успела познакомиться на балу. Все близкие называли ее Джорджем. Для американки она была удивительно мила и очень красива.

Джереми помог Дэнни выйти из кареты и повел к дому, обняв за талию. Дэнни этого даже не заметила. Она все еще купалась в теплых волнах удовольствия, в ушах звучали музыка и голоса. Смутно Дэнни заметила, что поднимается по лестнице. Правильно, там она работает. Нет, с чего вдруг...

В коридоре она застыла на месте.

— Кажется, я не туда свернула...

— Ошибаешься, — возразил он, — самой тебе это платье не снять. Оно зашнуровано на спине.

Ах да! Дэнни вспомнила, как Регина объясняла, что снять платье ей поможет кто-нибудь из слуг. Но конечно, в такой час все в доме спали.

— Вы мне не поможете, приятель?

— Конечно, как только зажгу лампу, чтобы видеть, что делаю. Кстати, и тебе не мешает такая.

— Что?

— Лампа, дорогая. На всем нижнем этаже нет ни огонька, кроме как в холле.

Дэнни кивнула. Джереми повел ее в свою комнату. Она дождалась, когда он зажжет лампу, и повернулась к нему спиной. Пока Джереми ловко распутывал шнуровку, Дэнни мечтательно вздыхала и порой вздрагивала от прикосновения сильных пальцев.

— Значит, сегодня на балу тебе понравилось?

— Кажется, даже слишком, — усмехнулась она. — Особенно танцевать.

— И мне — с тобой. Она хихикнула:

— Хватит соблазнять меня, приятель. Все равно не поможет.

— Это не пустой комплимент, Дэнни. Не помню, когда еще мне случалось танцевать с таким же удовольствием, как сегодня.

Дэнни захотелось ему поверить. Слышать такие лестные слова было более чем приятно.

Оглянувшись через плечо, она искренне произнесла:

— Спасибо, что научили меня.

— Не за что. А уроки на сегодня еще не закончены.

Шнуровка была уже распущена. Джереми помогал Дэнни снять платье, а до нее не доходило, что сделать это следовало у нее в комнате, а не у него. Ей просто не удалось сосредоточиться сразу на двух — нет, на трех вещах. К тому же от каждого мимолетного прикосновения пальцев Джереми у Дэнни путались мысли.

Она старалась не оглядываться на него, чтобы не утонуть в бездонных синих глазах. А эти глаза горели страстью, обжигающим огнем, который Дэнни чувствовала на расстоянии. Или это в ней самой так быстро разгоралось пламя?

Джереми повернул ее к себе и приподнял ладонью подбородок. Томительная минута завершилась бесподобно нежным поцелуем. Всего одним. Никакого вреда. А как приятно!

Дэнни не заметила, что свободную руку он положил ей на спину и придвинул ее к себе так, что она едва дышала. И это ощущение было ни с чем не сравнимо. А нежный поцелуй оказался обманчивым. Джереми не хотел испугать ее натиском страсти, потому и действовал осторожно.

Поцелуй повторился. Постепенно его прикосновения становились все более чувственными, язык проскальзывал в рот, находил ее язык, завладевал им, посасывал, вызывая у Дэнни стоны. Ей пришлось вцепиться в плечи Джереми — ноги отказывались ее держать. Его ладони непрерывно двигались, подхватывая снизу кудри у нее на затылке, придерживая голову, сжимая упругие полушария. Внезапно он подхватил ее обеими руками снизу и приподнял над полом.

Господи, это уж слишком! Жар нарастал чересчур стремительно. А Дэнни изнемогла от борьбы с ним. Все, что делал с ней Джереми, было так чудесно, что она не понимала, почему должна отказываться от такого удовольствия.

Не прерывая поцелуя, он донес ее до постели. У Дэнни закружилась голова, но вскоре она перестала замечать, что уже не стоит, а лежит. Зато увидела ладонь Джереми на своей груди: пальцы слегка сжимали ее, дразнили затвердевшие от возбуждения соски. Дэнни никогда не обращала внимания на свою грудь, даже жалела, что она такая упругая, — будь она дряблой, сплющить ее корсетом было бы гораздо легче. Но она и не думала, что грудь может, подрагивать от прикосновений и вызывать удивительные ощущения. А поцелуи продолжались. От них перед глазами Дэнни плыл туман.

Дэнни уже приближалась к точке, откуда нет возврата, но это ее не волновало. Нижняя кофточка и юбка упали на пол. Дэнни почему-то запомнилось, как они соскользнули с ее тела, когда Джереми снова поцеловал ее, — наверное, он развязал шнурки, пока снимал с нее платье. И еще один момент прошел для нее незамеченным — когда Джереми успел снять сюртук и рубашку. Дэнни понятия не имела, как и когда это произошло, но вдруг, когда он прижал ее к себе, ощутила обжигающее прикосновение его обнаженной кожи.

Теперь он снимал с нее штаны — медленно, не спеша. Боялся, что она его остановит? Об этом Дэнни и не помышляла — так ей нравилось дотрагиваться до его нагого тела. Наконец длинным плавным движением он спустил штаны по ее ногам — по бедру, колену, икре, щиколотке, и штаны повисли у него на руке.

Куда девать собственные руки, Дэнни не знала, поэтому начала приглаживать ему волосы, надеясь, что поцелуи не прекратятся. Беда была в том, что до сих пор она не понимала, чего именно хочет, а теперь поняла.

А Джереми все знал с самого начала. И решил, что больше незачем мучить ее неизвестностью.

Положив ее руки к себе на шею, он попросил:

— Обними меня покрепче, детка.

Так она и сделала, а он накрыл ее своим телом, и оказалось, что именно об этом она и мечтала. А потом ее пронзила жгучая боль.

Дэнни вскрикнула, схватила его за волосы и заставила поднять голову.

— Какого черта ты это делаешь?

Джереми уставился на нее, как на помешанную, но потом мягко улыбнулся:

— Дэнни, детка... — Он попытался что-то объяснить, но снова прильнул к ее губам с неугасающей страстью.

И он надеялся заткнуть ей рот? Она отвлеклась лишь на минуту.

— Больно бывает только в первый раз, — наконец заговорил он. — Да и то вначале. Но больше я никогда не причиню тебе боли. Честное слово. — Потом он посерьезнел и спросил: — Но как получилось, что ты до сих пор девственница?

— А как же иначе? Ведь все эти годы я была мальчишкой.

— Но я думал... не важно. — Его лицо светилось нежностью. — Я рад тому, что ты была невинна.

— Я и сейчас девственница, — поправила она.

— Была, — подчеркнуто произнес он, многозначительно улыбаясь.

И тут Дэнни взорвалась:

— Проклятый ублюдок, ты превратил меня в шлюху!

— Господи, с чего ты взяла? Женщина, которая предается любви с одним мужчиной, — не шлюха. Более надежного способа избежать древнейшей профессии не существует — разве что оставаться девственницей, а об этом говорить уже поздно.

— Тогда кто же я?

— Милая, ты самое прелестное создание на свете. — Он наклонился и лизнул ее сосок. — Несравненное. — Он лизнул второй. — Беспокоиться надо лишь об одном: как часто мы будем предаваться этим утехам.

Он усмехнулся, и у Дэнни опять перехватило дыхание от страстного желания прижать его к груди. Нет, он не понял, что натворил. Для него этот «первый раз» был сущим пустяком. Обычным делом. А для Дэнни изменился весь мир.

— Ты ничего не понял, приятель, так я и думала. Отпусти меня.

Он не шевельнулся, только провел пальцем по ее щеке.

— Тебе понравится все, чем мы будем заниматься вдвоем. Зачем лишать себя такого блаженства? Можешь мне поверить, дальше будет только лучше.

— Не сомневаюсь, — вздохнула она. — И я поддалась бы, если бы вовремя не спохватилась.

— Ты шутишь? Обратного пути уже нет, Дэнни. Позволь доказать, что ради этого стоило потерпеть. А вдруг ты ошибаешься? Не знаю, о чем ты думаешь, но каждому свойственно ошибаться. Пройдет время, и ты будешь упрекать себя.

Он вошел в нее, подтверждая свои слова. Жар вернулся мгновенно и охватил ее всю, до кончиков пальцев на ногах. Боль улетучилась без следа, осталось только ни с чем не сравнимое удовольствие. Он задвигался в ней, наверное, чтобы лучше объяснить, что к чему. Сначала Дэнни пыталась остановить его, но потом задвигалась вместе с ним и вдруг ощутила приближение чего-то нового. Оно налетело внезапно, расцвело, распустилось, властно захватило ее, взорвалось, распространяя волны, и стало медленно угасать. Джереми был прав.

Отпускать его Дэнни не хотелось. И даже когда он сам пережил взрыв наслаждения, она не разжала объятия. Мягкими движениями он отстранился, лег на бок и притянул ее к себе.

Он поступил мудро: не сказал ни слова, не указал на свою правоту — просто обнимал ее, нежно поглаживая по спине. И удовлетворенно вздыхал. А Дэнни мысленно ужасалась тому, что могла лишиться всего этого. Потом он уснул.

Она тоже была не прочь заснуть. Жаль, что он оказался прав. Но еще обиднее, что и она сказала сущую правду.

Пробуждение было медленным и постепенным — изведать такую роскошь Дэнни случалось редко. Наверное, она опоздала на работу. Интересно, станет ли искать ее Клэр, не застав в комнате? Знают ли остальные слуги, где она провела прошлую ночь? Наверное, нет. Скорее всего считают, что она опять ночует в особняке Иденов, — ведь ее не видели с тех пор, как она уехала с Региной.

О том, что случилось минувшей ночью, она старалась не думать. Но сделать это было нелегко, лежа в постели Джереми. Похоже, он проспит все утро. Как обычно. А выбраться отсюда, не разбудив его, почти невозможно.

Дэнни не шевелилась. Еще никогда в жизни она не чувствовала такой расслабленности и умиротворенности, которые так и хотелось впивать. Но это не лезло ни в какие ворота. Ее мир перевернулся вверх дном. Ей следовало бы обливаться слезами или хотя бы разозлиться. А она улыбалась.

Винить Джереми в случившемся она не могла. Он пытался уложить ее в постель с тех пор, как она появилась в этом доме. Он не лгал и не притворялся. И шампанское было не виновато: от боли она враз протрезвела. Оставалось корить только себя, но за что? За непреодолимое влечение к Джереми?

Да, предаваться с ним любви было замечательно, гораздо лучше, чем ей представлялось. Дэнни даже подозревала, что это занятие станет для нее излюбленным. Да, именно так. Больше всего на свете ей нравится плотская любовь — с ним.

Оплакивать потерю невинности или бесконечно ругать себя за ошибку она не собиралась. Но придется искать другую работу. Здесь оставаться нельзя: стоит Джереми взглянуть на нее, и она наверняка потащит его к ближайшей кровати.

— Не притворяйся спящей: я же знаю, что ты не спишь.

Дэнни открыла глаза и обнаружила, что он лежит на боку, подперев голову рукой, и улыбается ей. Должно быть, он наблюдал за ней с самого пробуждения.

Жаль, что сама она до этого не додумалась. Разглядывать спящего Джереми было бы чудесно. Сдерживать трепет, видеть его наготу, вспоминать события минувшей ночи... Дэнни уже знала, что кожа у него гладкая и упругая. Волосы густые, прикосновения к ним сводят с ума. Одна прядь все время падала ему на лоб, и Дэнни тянуло поправить ее.

— Не рано ли ты проснулся, приятель?

— Да я всю ночь не смыкал глаз, зная, что ты рядом!

Дэнни рассмеялась: его шутки ей тоже нравились. Теперь ей незачем сдерживаться и злиться. Перемена в ее настроении приятно удивила Джереми.

Его улыбка стала шире.

— Неудивительно, что тебя так долго принимали за мальчишку. Ты храпишь!

Она заморгала и фыркнула:

— Фу, гадость!

— Думаешь? Надо было сказать, что я от тебя без ума. Но я не знал, захочешь ты это слышать или нет.

— Вот именно, — поддержала Дэнни и добавила тем же тоном: — А мне надо было устроить тебе трепку.

— Да, это твое право. — Он притворно вздохнул. — Ну, надо так надо — разрешаю.

— Правда? — недоверчиво переспросила Дэнни и села.

Он снова усмехнулся, а у нее возникло ощущение, что он вовсе не шутит. Его взгляд скользнул по обнаженной груди Дэнни. Она не покраснела, но некстати вспомнила, что пора одеваться и уходить.

С этой мыслью она встала. Он не пытался остановить ее — вероятно, залюбовавшись ее телом. Дэнни нашла свое сброшенное белье, надела его, затем чудесное бальное платье. Зашнуровывать платье она не собиралась — не хотелось просить помощи. Чтобы добраться до своей комнаты, она схватила со стула один из сюртуков Джереми.

— Я возьму его ненадолго, — предупредила она, просовывая руки в рукава.

Неожиданно сюртук оказался ей очень велик. Джереми не выглядел таким огромным. Бросив взгляд на его обнаженную грудь, Дэнни поняла, что без одежды она кажется еще шире. Это ее не удивило. Она привыкла прятать собственное тело под одеждой.

Джереми усмехался, явно довольный собой. А почему бы и нет? Он получил то, чего добивался. И в его жизни все осталось по-прежнему. Очевидно, в таких сделках всегда проигрывает женщина. Это же несправедливо, подумала Дэнни.

Поэтому она помрачнела и осведомилась:

— В прошлую ночь вы нарочно напоили меня, чтобы уложить в постель?

— Нет, напилась ты сама... хотя, если вдуматься, я не возражал. Кстати, тебе больше незачем работать. Можешь остаться здесь, выспаться, отдохнуть, как тебе вздумается — в моей компании. А если ты предпочитаешь жить отдельно, это можно устроить. При условии, что я буду тебя часто навещать.

— И платить за жилье?

— Конечно.

— А вам как лучше?

— Мне? Не выпускать тебя из постели.

Похоже, он говорил серьезно. Предлагал ей стать любовницей. Это должно было польстить ей. От такого предложения Люси прыгала бы до потолка и платила любовнику пылким обожанием. Она часто делилась с Дэнни мечтой — служить только одному мужчине. Но Дэнни не понимала ее и считала, что это так же мерзко, как продаваться за гроши на улице.

Ничего этого Джереми она не сказала. Даже не собиралась предупреждать, что уходит. Просто

собрать вещи, схватить своего любимца и бежать отсюда что есть духу. Объясняться незачем: слишком велик шанс, что Джереми ее переубедит. Но уходить Дэнни не хотелось, особенно теперь: она уже понимала, что в любом другом доме будет несчастна.

Она подошла к кровати и ткнула ее коленом.

— Валяться целыми днями? Что в этом хорошего, приятель?

— Увидишь сама, — пообещал он, но вдруг что-то заподозрил. — Слишком уж ты спокойна, а вчера чуть не подняла скандал. Неужели поняла, что спорить бессмысленно?

— Нет, не бессмысленно. Но я поняла, почему вы меня не поймете.

— Может, объяснишься?

— Незачем. Ведь до вас даже не дошло, как вы превратили меня в шлюху.

Он вздохнул:

— Опять это слово... Может, поискать тебе словарь?

— Который я все равно не смогу прочесть? Что и говорить, полезная находка.

Он усмехнулся ее сарказму.

— По-моему, для тебя «шлюха» — то же самое, что и «проститутка». Но к тебе не относится ни то ни другое. Мы предавались любви. И я готов признаться, что так хорошо мне еще ни с кем не было. А шлюхи меняют мужчин как перчатки потому, что им нравится разнообразие.

— Совсем как вам? Он закашлялся.

— Ну, если ты настаиваешь... хотя для мужчин есть другое слово. В любом случае денежный обмен не происходит. Иди сюда. — Он похлопал по кровати рядом с собой. — Давай встретим утро как следует.

Она чуть не рассмеялась. Ей понадобилось собрать в кулак всю волю, чтобы не прыгнуть к нему в постель и только покачать головой.

— Почему? — коротко спросил он.

Почему? Да потому, что это означало бы полную и окончательную капитуляцию. Но Дэнни вовсе не собиралась признаваться в том, что хочет его. Глядя, как он раскинулся на кровати, она сгорала от желания не спорить с ним, а осыпать поцелуями. Слишком уж он нравился ей — вот в чем заключалась беда. Что сделано, то сделано, так почему бы ей не побыть рядом с ним еще немного? Всего несколько недель или месяц, пока он не потеряет к ней интерес...

— Я уйду, — сообщила Дэнни. — У меня есть свои обязанности. Второй раз поддаться искушению — это уж слишком. Я останусь в доме, но при условии, что вы не будете звать меня в постель. И работать я бы хотела, как прежде. Если бы я согласилась остаться с вами, это означало бы, что вы платите за то, что спите со мной. И не пытайтесь отрицать. Давайте договоримся: я не плачу вам, а вы не платите мне. Идет, приятель?

По пути к двери она вдруг поняла, что Джереми не уговаривал ее остаться в доме. Она сама приняла это решение.

Дэнни убирала в гостиной, когда прибыл Джейсон Мэлори, маркиз Хейверстон и глава всего клана Мэлори. Собственно, Дэнни могла с ним и не встретиться: наводить порядок на нижнем этаже должна была нижняя горничная, которую как раз вчера наняли. Но новая девушка крепко обиделась на дворецкого Анри и покинула дом через четыре часа после того, как приступила к работе.

Кроме Анри, в доме был еще один дворецкий. Со своим потешным английским француз Анри был уморителен. Но новая горничная так не считала. Анри уверял, что просто сделал ей комплимент, а она превратно поняла его.

Анри появился в доме первым, а на следующий день к выполнению обязанностей дворецкого приступил и Арти. Они привыкли делить эту работу еще в доме Джеймса Мэлори. Старые морские волки, оба долго скитались по морям под командованием Джеймса. А когда Джеймс бросил пиратствовать, моряки остались с ним на суше. И согласились быть дворецкими, поскольку другой работы хозяин не сумел им подыскать.

Если эти двое чего-нибудь и не умели, так это служить дворецкими. Они считали, что безупречно выполняют свою работу, но Клэр с первого дня начала жаловаться на их грубость, и даже миссис Робертсон что-то бормотала себе под нос насчет оригинальности хозяина и нанятых им слуг.

Об уходе новой горничной Дэнни не жалела. Ей все равно нечем было занять себя на весь день. Несмотря на то что пришлось наводить порядок и в нижних комнатах, она управилась задолго до ужина. Дрю переселился к сестре, поэтому все верхние спальни были пусты, кроме одной, значит, и работы стало меньше.

А Джереми остался. Добейся он своего, она проводила бы дни в его спальне. И если бы она поступила так, как приказывало ей сердце, — тоже. Но не к этому она стремилась, нежиться весь день в постели — это не для нее. Так или иначе, заставая ее на верхнем этаже, он обычно увлекал ее в спальню. Противиться ему Дэнни просто не могла. Его страстный бархатистый голос обволакивал ее, глаза обещали неземное блаженство. Одного взгляда на Джереми ей хватало, чтобы утратить, всю силу воли — ведь он был дьявольски красив. И хотя Дэнни решила больше никогда не предаваться с ним любви, они были близки и накануне, и днем раньше.

Каждую ночь он хотел спать вместе с ней, но Дэнни скрепя сердце упрямо уходила к себе. В своей комнате она часто спасалась от Джереми. Правда, он и там однажды нашел ее и провел ночь в ее постели. И у Дэнни не возникло ни малейшего желания выгнать его. Но она настоятельно попросила больше к ней не приходить. И он, к ее досаде, согласился.

Она уже сомневалась в том, что поступила правильно, оставшись здесь. Из-за этого решения ей пришлось на время забыть о своих планах. Влечение к Джереми не давало ей покоя, мешало думать и действовать. Но Дэнни рассудила, что месяц — не такой уж долгий срок, зато за это время она подкопит денег, чтобы не уходить на поиски новой работы с пустыми карманами.

А когда она уйдет отсюда... Господи, как же тяжело ей придется! Подумать только — уйти, чтобы больше никогда не увидеть Джереми! При этой мысли даже сейчас у нее на глаза наворачивались слезы, а что же будет через месяц? А если за месяц он успеет влюбиться в нее? Что в этом невозможного? Она уже доказала на балу, что может выжить в его мире. Джереми мог бы даже презреть условности и жениться на ней. На это Дэнни и надеялась в

глубине души, оставаясь в доме. А что, если для Джереми она не просто мимолетное увлечение, что, если они созданы друг для друга?

Джейсон Мэлори прибыл не один, а с отцом Джереми. Братья оказались очень похожими, только старший был выше на несколько дюймов — рослые, светловолосые, красивые. Но руки и грудь Джеймса были более мускулистыми, и почему-то он напоминал Дэнни уличных задир.

Джеймса она по-прежнему боялась больше, чем кого бы то ни было, а почему — не могла объяснить. Рядом с ним ей вечно казалось, что он способен убить человека так же легко, как заговорить с ним. Потому Дэнни только бросила на гостей быстрый взгляд и снова повернулась к ним спиной.

К счастью, недавно она узнала о том, что слугам присуще умение становиться невидимыми для господ. Миссис Робертсон попыталась объяснить ей это явление. Аристократы, живущие в домах, где полным-полно слуг, привыкают к ним настолько, что даже не замечают их. Конечно, до тех пор, пока этим аристократам ничего не нужно, а если им что-то понадобилось, они снова начинают видеть слуг.

Дэнни надеялась остаться «невидимой» для братьев Мэлори. Очевидно, так и получилось — она поняла это, услышав, как старший спросил у младшего, входя в гостиную:

— Кстати, кто эта родственница Келси, о которой я слышал с тех пор, как прибыл в столицу? Не припоминаю такой. Джереми и вправду ухаживает за ней?

Дэнни затаила дыхание. Было странно и неловко слышать, как говорят о ней. Но выйти из комнаты незамеченной нечего было и надеяться. И как назло маркиз Хейверстон не желал менять тему. Очевидно, он рассердился на родных за неприличную выходку. Джеймс послушно отвечал:

— Нет, это выдумка Реган — ответ на слухи, которые распускает Баскомб.

— Черт возьми, Джеймс, сколько можно...

— Перестань, старина, — сухо перебил Джеймс. — Я просто привык так называть ее. Так что уж будь добр примириться с тем, что она Регина, Реджи и Реган.

— Ты забыл — еще Идеи.

— Не забыл, а нарочно умолчал. Джейсон вздохнул:

— Сколько можно! Вам с Тони давно пора поладить с Ником. Из него получился образцовый муж.

— Само собой. Иначе мы бы его прикончили.

Дэнни похолодела, но Джейсон пропустил это замечание мимо ушей и продолжил расспросы:

— Значит, никакой родственницы не существует?

— Да, — подтвердил Джеймс. — Только какая-то девчонка, которой эта Баскомб и в подметки не годится. Реган не пришлось долго искать ее.

— Она настолько хороша собой? Я слышал, Эмили Баскомб — изумительная красавица. Поэтому, как мне объяснили, Джереми и не смог упустить такую добычу.

— Мой сын умеет выбирать женщин, вот почему с тех пор как он окончил учебу, вокруг его имени ни разу не вспыхивали скандалы. Я же говорил тебе: он к ней и пальцем не прикоснулся. И Джереми скажет то же самое.

Дэнни почти не дышала, а братья по-прежнему не замечали ее. Хорошо еще, Джеймс воздержался от объяснений, что злополучная девчонка — простая горничная. Не выдержав, Дэнни решила потихоньку подкрасться к двери и улизнуть. Мелкими шажками она стала продвигаться в том направлении, держась спиной к джентльменам.

— Говоришь, ее отец не поленился приехать в Хейверстон с визитом? — спросил Джеймс.

— Да, и между нами произошел весьма щекотливый разговор, тем более что меня никто не соизволил предупредить, какие скандальные слухи ходят об одном из моих близких родственников.

— Эти слухи пустила сама леди, в них нет ни слова правды, — заверил его Джеймс.

— Так или иначе, ты знаешь, сколько бед способна натворить сплетня, будь она даже наглой ложью. Теперь репутация девушки погублена.

Услышав это, Джеймс расхохотался:

— Она сама погубила ее, причем умышленно! С каких это пор мы жалеем тех, кто собственными руками вырыл себе яму? Вся эта история касается только ее отца, но не тебя, не меня и, уж конечно, не Джереми, который не сказал этой девчонке и десятка слов.

— Если ей поверят, нам придется несладко.

— Так почему ты не разрешаешь мне заранее принять меры? — спросил Джеймс.

— Какие? Пристрелить вруню вместе с отцом?

— За кого ты меня принимаешь?

— Прости. Сболтнул, не подумав.

Джеймс кивнул, принимая извинение. Дэнни тем временем еще на несколько дюймов приблизилась к двери. Но тут в комнату ворвался Джереми, за которым ходил Анри. Он-то без труда заметил в комнате Дэнни и даже улыбнулся ей первой — Дэнни надеялась, что его родные этого не заметят.

— Черт, а я думал, что вы по другому поводу, дядя Джейсон! — выпалил Джереми.

Джейсон Мэлори прокашлялся.

— Вчера в Хейверстон приезжал Альберт Баскомб. Джереми застонал и рухнул на ближайший диван.

— Все, что он наговорил вам, — ложь!

— Это я уже слышал от твоего отца. Джеймс вмешался:

— Негодная девчонка выложила свой последний козырь и обрисовала тебя в самых черных красках. Вы, юноша, якобы обольстили ее, обещали жениться, а потом, добившись своего,

сразу бросили, и теперь она ждет от вас ребенка.

— На это она уже намекала. Если она и беременна, то не от меня. К ней я не то что не прикасался — даже не думал прикоснуться. Но если она убедила отца, это уже не важно.

— Вижу, ты понимаешь всю серьезность положения, — подытожил Джейсон. — Мало того, с Альбертом Баскомбом я когда-то учился в школе. Его недолюбливали. Слишком много о себе мнит — ты ведь понимаешь, что это значит. Но он сделал блестящую партию. Обольстил живущую по соседству красавицу прежде, чем она начала выезжать в свет и нашла себе пару в Лондоне. У них только один ребенок.

— Донельзя избалованный. Это мне уже известно. Реджи разузнала все, что только смогла.

— Ты не учел одного: благодаря жене у Баскомба имеются связи в самых высоких кругах.

— Вы хотите сказать, что мне придется жениться на этой чертовке? — возмутился Джереми.

— В качестве временной меры. Как только выяснится, что она не беременна, мы, конечно, добьемся признания брака недействительным. А до тех пор не вздумай к ней прикасаться.

Прекрасно сознавая, какой оборот принял разговор, Дэнни уставилась на Джереми в упор. Он выглядел таким подавленным, словно уже примирился со своей участью. И Дэнни была готова примириться, хотя и не знала с чем. Женатый Джереми окажется вне ее досягаемости, претендовать на его внимание она уже не сможет. Каким бы ни был его брак, фиктивным или настоящим, все-таки это брак. К тому же Дэнни совсем не хотелось иметь дело с женой Джереми.

А Джеймс Мэлори и не думал унывать — наоборот, оживился.

— Почему же ты раньше не сказал, что задумал, Джейсон? Тебе чертовски хорошо известно: я не позволю бросить моего сына на растерзание волкам. Напрасно Баскомб обратился к тебе. Ты Джереми не отец.

— Вероятно, он вспомнил о нашем былом знакомстве. И кроме того, твоя репутация ему известна. Откровенно говоря, обратиться к тебе он просто побоялся.

Джеймс хмыкнул. Джереми вздохнул и сказал:

— Беда в том, что лорд Баскомб действительно считает меня виновником. И все потому, что он верит дочери. Это понятно: разве у него есть причины не верить ей?

В наступившей тишине Дэнни вдруг выпалила:

— Значит, надо сделать так, чтобы эти причины появились!

— Но как? — спросил Джереми, и не подумав возразить против вмешательства Дэнни в разговор. — Меня уже осудили. Все пропало.

— Если леди построила свой план на лжи, почему бы и вам не последовать ее примеру? — резонно спросила Дэнни.

Словно сообразив, к чему она клонит, Джеймс серьезно полюбопытствовал:

— Разве нам это поможет? Ведь до сих пор все верили Эмили, а не Джереми.

Дэнни занервничала, вынужденная отвечать самому Джеймсу, а тот все еще хмурился. Но ради Джереми она объяснила:

— Протестовать и все отрицать от Джереми не потребуется. Все равно толку не будет. Что значит правда против ее лжи? А если выдвинуть против одной ее лжи две других или на всякий случай целых три?

— Что за чертовщину она несет? — возмутился Джейсон, ни к кому не обращаясь.

Дэнни смело ответила старшему Мэлори:

— Вся загвоздка в ребенке, верно? Эмили говорит, что ребенок от Джереми. Вы знаете, что это не так. А я подозреваю, что ребенка и в помине нет. Но это выяснится лишь через четыре-пять месяцев, а она не станет ждать свадьбы так долго. Она добьется своего, а потом скажет, что у нее случился выкидыш — конечно, когда уже будет замужем за Джереми.

— А при чем тут три лжи на всякий случай? — не понял Джейсон.

— Это трое мужчин, которые заявят, что тоже переспали с ней. Она, конечно, будет все отрицать, но что она сможет одна против троих? Вы могли бы найти трех мужчин, согласных солгать ради вас, приятель? — спросила она у Джереми.

— Конечно, но... а ведь это мысль! — Джереми вдруг заулыбался.

Джеймс посмеивался:

— И вправду, Джереми, особенно если эти трое явятся к ее отцу одновременно. Блестящее решение! И как я сам до него не додумался?

— Лучше бы я этого не слышал. — Джейсон строго нахмурился, но потом едва заметно кивнул, одобряя затею племянника и брата, и добавил: — Займись этим делом сам, Джеймс.

— Не волнуйся, я справлюсь, — хмыкнул Джеймс. Джейсон уже собрался уходить, но вдруг подошел к Дэнни и несколько минут вглядывался в ее лицо, прищурившись и нахмутив брови.

Он не мог не заметить метелку в ее руке, но все-таки обратился к ней как к равной:

— Ваше лицо кажется мне знакомым, хотя я и не могу припомнить, где я его видел. Мы с вами не встречались прежде?

— Насколько мне помнится, нет, милорд.

— А вы не служили в доме у Эдварда? Или у Реджи? Может, там я вас и видел?

— Нет, это мое первое место горничной.

— Странно... Теперь буду мучиться, пока не вспомню.

Дэнни смутилась. Неужели она когда-то ограбила этого богача? Очень может быть... Нет, вспомнила она: шаря по карманам, она редко выбирала рослых мужчин, которые свернули бы ей шею, как цыпленку, если бы поймали. К тому же такие лица, как у Джейсона, не забываются.

Видимо, и у Джеймса возникли такие же мысли: как только Джейсон вышел, он высокомерно

осведомился:

— Тебе не доводилось, случайно, обчистить ему карманы?

Дэнни вспыхнула. Джереми поспешил встать на ее защиту:

— Не трогай ее, отец. Она только что спасла меня от брака, совершенного в аду. Сейчас я ею полностью доволен.

Джеймс возвел глаза к потолку.

— Ты доволен» ею с тех пор, как нашел ее. Да, ее вклад в твое спасение достоин похвалы, но сначала надо выяснить, сработает ли наш план. Итак, разыщи трех лгунов и приведи их ко мне. Я объясню им, как следует себя вести, и намекну, что с ними будет, если они выболтают правду. — И он направился к двери. — Только, ради Бога, не присылай ко мне Перси!

После ухода Джеймса Дэнни сразу успокоилась и даже улыбнулась Джереми.

— Ваши родные недолюбливают Перси?

— Наоборот, обожают, но при этом слишком хорошо знают его. Появись он на прошлой неделе на балу, он наверняка выпалил бы на весь зал: «Боже мой, Джереми, зачем ты притащил сюда горничную?»

Дэнни хихикнула:

— Не может быть!

— Еще как может! Уж поверь мне. Но нам повезло: за пару дней до бала он уехал в Корнуолл, покупать лошадей.

— Наша комедия оказалась напрасной, — со вздохом напомнила Дэнни.

Он пожал плечами, подумал и усмехнулся:

— Забудь об этом, детка. Цели мы не достигли, зато повеселились.

Особенно после бала. Но Дэнни не произнесла это вслух: по глазам Джереми она уже поняла, что он замышляет, хотя сейчас ему полагалось бы думать только о том, кто из друзей согласится солгать ради него. Дэнни надеялась, что ее план сработает. Если нет, Джереми не избежать брака. Л ей — поисков новых хозяев.

Глава 33

Дэнни ждала Джереми: ей не терпелось узнать, как прошли поиски. Домой он вернулся отнюдь не обескураженным, хотя до сих пор ему не везло. Большинство его школьных приятелей жили в поместьях и редко навевались в Лондон. Остались только молодые столичные щеголи и повесы, в кругу которых вращался Перси.

— Но я не доверюсь ни одному из них: они не умеют держать язык за зубами.

А если кто-нибудь из сообщников Джереми проболтается и слухи об этом дойдут до лорда Баскомба, все погибло. Поэтому Дэнни предложила:

— Может, стоит поискать не друзей, а тех, кто ложью зарабатывает себе на хлеб?

— Надеюсь, ты имеешь в виду не воров и убийц?

Дэнни поморщилась, не понимая, как это могло прийти ему в голову.

— Конечно, нет! Я говорю про актеров. Это же их работа — правдоподобно играть свои роли. Значит, лгать они умеют — разумеется, если они хорошие актеры.

— Черт побери, а ведь ты права! Съезжу-ка я в район театров. Если дело выгорит, сегодня вечером мы отпразднуем удачу в городе. Я у тебя в долгу, детка, за твои превосходные идеи.

— Не знаю, стоит ли... — с сомнением начала Дэнни, но Джереми уже спешил прочь.

Вечер в городе? Дэнни понятия не имела, что это значит, зато ей в голову пришла удачная отговорка: ей нечего надеть. Бальное платье давно увезли Регине — только для того, чтобы снова привезти Дэнни: платье уже не годилось миниатюрной леди. Однако это наряд для бала, а не для ночных столичных развлечений.

В тот день Дэнни закончила работу рано: волнение и предвкушение подгоняли ее. Когда дел больше не осталось, она предложила Клэр помощь на кухне. Почему-то в последнее время Клэр разговаривала с Дэнни ледяным тоном. Правда, она и раньше не отличалась приветливостью, но теперь иной раз даже не смотрела на Дэнни и цедила слова сквозь зубы. От помощи Клэр отказалась наотрез, зато Дэнни узнала, в чем причина ее неприязни.

Едва миссис Эпплтон покинула кухню, чтобы отдохнуть перед ужином, Клэр прошипела:

— Потаскушка! Я так и знала, что ты прыгнешь к нему в постель. Слишком уж ты смазливая.

Дэнни растерялась, но только на минуту. Она слишком смазливая?

Дэнни критически оглядела Клэр и заявила:

— Ты тоже не дурнушка, Клэр. Не понимаю, чего ты зеваешь.

Как и следовало ожидать, Клэр оскорбилась и отшвырнула нож, которым чистила картошку.

— Не твое дело!

Дэнни пожала плечами, взяв второй нож и принимаясь чистить картофелину.

— Конечно, но тогда и мои дела тебя не касаются. Почему же ты в них лезешь?

— Ты ведешь себя непристойно.

Дэнни рассмеялась:

— Кто это сказал? Подумаешь, немного позабавилась с богачом! По-моему, в этом нет ничего дурного — ведь он у меня один. Сначала я этого не понимала, а потом до меня дошло. И кроме меня, никого это не касается. Он даже не женат. И я не замужем. Кому от этого будет плохо?

— Тебе, — коротко ответила Клэр.

Эти слова мгновенно отрезвили Дэнни. Рано или поздно она надоест Джереми. Дэнни

надеялась, что он ей наскучит примерно в то же время, по вскоре поняла, что привязалась к нему всей душой. А ей предстоит через несколько месяцев расстаться с Джереми и продолжить поиски мужчины, который захочет жениться, причем на ней, а не убежденного холостяка.

Со вздохом она призналась:

— Наверное. Но эт моя забота, а не твоя.

— «Это моя», — четко поправила Клэр.

Дэнни помрачнела. Сегодня в гостинной она сделала столько ошибок, что очередной промах стал последней каплей.

— Неужели у всех в этом доме нет других дел, кроме как поправлять меня?

Клэр снова обиженно засопела.

— Я думала, ты хочешь научиться говорить как полагается.

— Хочу, но это трудно — отчеканивать каждое слово.

— Потому тебе и нужны напоминания, чтобы четкий выговор вошел в привычку.

Против такой логики возразить было нечего. Дэнни даже припомнила, как что-то подобное втолковывала ей Люси, когда много лет назад учила уличному выговору. Теперь Дэнни переходила на него лишь в минуты волнения, но Люси постаралась и надолго выбила у нее из головы «мудреные слова», как она это называла.

— Извини, — продолжала Клэр. — Уклоняться от разговора я не хотела.

Дэнни невольно рассмеялась, вспомнив, что они говорили о ее «непристойном» поведении.

— Тебе бы не мешало хоть разок повести себя так же «непристойно». Характеру это на пользу.

Она шутила, чтобы не выдать тревогу, но Клэр вдруг ошаршила ее коротким ответом:

— Я пробовала.

— И что же?

Последовала бесконечная пауза. Дэнни уже решила, что ответа не дождется. Но Клэр наконец заговорила:

— С бывшим хозяином мы были близки... очень близки. Все закончилось хуже некуда.

Дэнни не знала, что сказать. «Хуже некуда» — что это значит? Разбитое сердце или...

— Он умер? — нерешительно спросила она.

Клэр фыркнула:

— Как бы не так!

Дэнни ничего не понимала.

— Значит, ты его ненавидишь?

— Откровенно говоря, нет. Я даже не удивилась его поступку. Если бы я хотела проявить великодушие, то сказала бы, что ни о чем не жалею.

— Господи, да что он такого сделал?

Потянулась еще одна длинная пауза. Похоже, Клэр решала, стоит ли распространяться о себе. А тема разговора для нее была мучительной — настолько, что на глаза навернулись слезы.

Дэнни уже отчаялась услышать продолжение, когда Клэр объяснила:

— Это случилось всего один раз. По ошибке. Случайно. Мне даже не понравилось... почти. От одного раза детей не бывает, а у меня... так получилось.

Боже мой, у нее был ребенок и он умер! Неудивительно, что она горюет.

— Клэр, напрасно ты винишь себя...

— Я была счастлива, — продолжала Клэр, не слушая ее. — Мне бы плакать, а я обрадовалась. Я работала да спала — вот и вся моя жизнь, со мной никогда не случалось ничего необычного. А с появлением ребенка все изменилось бы, если бы...

Клэр вдруг расплакалась — почти беззвучно, крупные слезы катились по щекам. Дэнни растерянно смотрела на нее, не решаясь обнять и утешить — они не настолько близки — или уйти, чтобы дать Клэр выплакаться. Наконец желание разделить боль девушки возобладало.

Дэнни придвинулась ближе, но опять засомневалась. А если Клэр поймет превратно и оскорбится, даже не подумав, что Дэнни хотела посочувствовать ей? Ведь Клэр ее невлюбила с самого начала...

Дэнни решила продолжить расспросы, надеясь, что Клэр в разговоре изольет душу и ей станет легче. Может, ей не с кем поделиться. Да, скорее всего о ее горе никто не знает.

— Как он умер? — спросила Дэнни.

Клэр заморгала, нахмурилась и недоуменно уставилась на нее.

— Умер? Он не умер. Его у меня украли.

— Что?! — ошеломленно воскликнула Дэнни.

— Сначала его светлость не поверил, что ребенок от него. Он рассердился, накричал на меня, наговорил гадостей, твердил, что от одного раза дети не рождаются. Так и я думала, пока на своем опыте не убедилась, что бывает по-всякому. Но убеждать хозяина я не собиралась. Мне от него ничего не было нужно. Больше всего я боялась потерять работу. Но вся прислуга стала смотреть на меня косо — все знали, что я не замужем.

— И ты ушла?

— Если бы!.. Вместе со мной работала моя тетя. Она давала мне работу, как здесь.

— Здесь?

— А разве ты не знаешь? — удивилась Клэр. — Миссис Эплтон — моя тетья.

Дэнни об этом не подозревала и ни за что не догадалась бы: между Клэр и кухаркой не было ни малейшего сходства. Но история несчастной служанки заинтриговала ее, и она спросила:

— Так что же было дальше?

— Когда родился мальчик, сестры его светлости приехали взглянуть на него. Хозяин рассказал им, что я уверяла, будто ребенок от него. Уж не знаю, зачем он это сделал.

— Может, боялся, что ты пожалуешься им, а они тебе поверят?

— Может быть, но я бы на такое не решилась. Обе леди были строгие, особенно с прислугой, мне и в голову не пришло бы обратиться к ним. Две желчные старые девы — вот кто они были. Когда они являлись с визитами, я старалась спрятаться.

— Говоришь, они приехали взглянуть на твоего сына?

— Да, и в один голос заявили, что малыш — вылитый их братец в детстве. Понимаешь, мой хозяин приходился им младшим братом, был гораздо моложе их, поэтому сестры хорошо запомнили его новорожденным.

— И ребенка приняли в семью?

— Да.

— Разве это плохо?

— Конечно! Сестры хозяина, настояли, чтобы я отдала им ребенка на воспитание. Их брат уже был не первой молодости, а наследником до сих пор не обзавелся. И сестры боялись, что не обзаведется никогда. И вдруг этот наследник появился — родился у меня! Сестры сразу успокоились и перестали пилить моего хозяина.

— И ты отдала им ребенка? Слезы снова полились рекой.

— Меня никто не спрашивал. Меня обвинили во всех смертных грехах и пригрозили отправить в тюрьму, если я не отдам им мальчика и не пообещаю никогда не навещать его.

— Неужели они могли посадить тебя в тюрьму?

— О да, с легкостью! В конце концов, кто поверит ничтожной кухарке, если ее слова опровергают две леди и знатный лорд?

— Но почему тебе запретили видиться с малышом? Ты же его мать!

— Они не хотели, чтобы ребенок знал об этом. Он — наследник состояния. Его воспитывают, как аристократа.

— Без матери? Но как они объясняют в свете, откуда взялся ребенок?

— О, его светлость женат. Я не знала этого и никогда бы не узнала, если бы... Но он прятал жену не только от слуг: хозяин давным-давно жил отдельно от нее. Видно, они не ладили, вот она и пожелала расстаться. Сестры как-то упоминали, что она вернулась к своим родителям.

— А почему просто не развелась с ним?

— У лордов не принято разводиться.

— И сестры решили объявить, что это ее ребенок? И жена лорда согласилась?

— Они умеют добиваться своего. — Клэр придвинулась ближе к Дэнни и зашептала: — Наверное, они пригрозили силой вернуть жену к моему хозяину. И она согласилась на все, лишь бы этого избежать.

— Они сами сказали тебе это? — ужаснулась Дэнни.

— Нет, но обсуждали свой план при мне, как будто меня и нет вовсе, а я слышала каждое слово.

Опять «невидимость»! Удивительно, как часто господа не замечают присутствия слуг.

— А тебя, конечно, сразу после этого выставили за дверь?

У Клэр опять задрожали губы.

— В тот же день, да еще взяли с меня клятву, что я никогда больше не приду в этот дом и не попытаюсь увидеться с сыном. Но ему наверняка хорошо живется — лучшие игрушки, какие только можно купить за деньги, лучшие школы...

— И судя по твоим рассказам, мерзкая семейка. Клэр вздохнула:

— Нет, сестры на него наглядеться не могли.

— Откуда ты знаешь?

— Тетя некоторое время работала в том же доме и видела, как относятся к малышу. Хозяева не знали, что она моя тетя, поэтому ее выгонять не стали. Она говорила, что мальчика обожают, рядом с ним добреют на глазах. Даже его светлость вдруг превратился в заботливого отца.

Дэнни постепенно начинала понимать, что имела в виду Клэр, говоря о великодушии.

— Так ты думаешь, с ними ему будет лучше?

— В этом я уверена. Что могу предложить ему я, кроме позорного клейма?

Дэнни знала, что клеймо незаконнорожденного — далеко не смертный приговор. Живым свидетельством тому был Джереми.

— А любовь?

— Любви ему хватает с избытком. Нет, с этими людьми малышу гораздо лучше. Просто... я так скучаю по нему! За два месяца, пока он пробыл со мной, я успела к нему привязаться, а теперь думаю, что лучше бы его у меня отняли сразу. Проще отдавать детей, которых ни разу не прижала к груди, не покормила, не...

Она снова залилась слезами. Дэнни махнула рукой на условности и обняла Клэр. Клэр ее не оттолкнула.

Дождавшись, когда собеседница немного успокоится, Дэнни спросила:

— А тебе никогда не хотелось заняться другим делом? По-моему, работать на кухне тебе не нравится.

— Да нет, работа мне привычна. Просто я всегда думаю о моем малыше...

— А если бы у тебя появились другие дети? Наверное, тебе стало бы легче.

— Ты хочешь сказать, незаконнорожденные?

— Нет, когда ты выйдешь замуж. Клэр фыркнула:

— Да кому я нужна! Дэнни закатила глаза.

— Будешь и впредь такой ворчливой, конечно, о замужестве и не мечтай. Но ты же хорошенькая, Клэр. Зачем ты это скрываешь? У меня в комнате есть зеркало, в которое я почти не смотрюсь. Может, попробуем придумать тебе новую прическу? Тебе не надоел этот пучок на макушке? А почему ты так сутулишь плечи?

Клэр вспыхнула и прошептала:

— Просто у меня большая грудь, вот я и прячу ее. Дэнни рассмеялась:

— Вижу, не только мне нужно кое-чему научиться! Не бойся, если на тебя начнут обращать внимание, надо только правильно им распорядиться. Если ты мечтаешь о детях, значит, надо найти себе мужа — предложить себя как приманку и поймать его на крючок!

— А почему ты сама до сих пор не замужем?

— Мне надо еще многому научиться, прежде чем искать приличного мужа. Вот я и стараюсь.

— Шалости с Мэлори пользы тебе не принесут, особенно если ты хочешь замуж.

— Верно, но устоять против Мэлори невозможно, ты же понимаешь. Он чертовски красив. Я сопротивлялась, честное слово, а теперь жалею об этом. Каждой девушке нужен такой мужчина, чтобы хоть раз в жизни побывать на вершине блаженства.

— И ты не раскаешься, если придется с ним расстаться?

— Нет, ведь я ничего от него не жду. Если я не наскучу Мэлори, через несколько месяцев я расстанусь с ним сама. Конечно, жаль, но если я буду помнить, что рано или поздно моему счастью придет конец, он не застанет меня врасплох.

— Смелая ты все-таки девушка, Дэнни. Мало кто из женщин способен на такие поступки.

Дэнни рассмеялась:

— Откуда же мне знать об этом, Клэр? Женщиной я стала совсем недавно.

— Ты так молода?

— Нет, просто я всю жизнь носила панталоны!

Зная, что на кон поставлена его свобода, Джереми предпочитал не рисковать. В тот же день он выбрал семерых актеров и привез их в отцовский дом. А еще ему просто повезло. По пути к Джеймсу он заметил давнего школьного товарища, проезжающего мимо в открытом ландо, и погнался за ним.

Эндрю, а для друзей просто Энди Уиттлиби, виконт Марлслоу, учился в одной из школ, которые посещал Джереми, жил с ним в одной комнате и нередко участвовал в проказах, которые вечно затевал Джереми, за что его пару раз исключали из школы. Энди еще в школьные годы доказал, что умеет хранить тайны. Именно по этой причине в той самой школе Джереми продержался дольше, чем в предыдущих. Энди часто выгораживал его и даже брал на себя его вину. Он был славным малым, всегда готовым прийти на помощь другу.

Среднего роста, светловолосый и кареглазый, Эндрю был бы воплощением атлета, будь он чуть повыше. Как и Джереми, Эндрю по-прежнему вел холостяцкую жизнь. После окончания учебы он удалился в свое поместье, доставшееся по наследству вместе с титулом, и с тех пор Джереми с ним не виделся. Энди старательно управлял поместьем, любил долгие прогулки и игры на свежем воздухе, потому щеголял прекрасным загаром. После смерти отца ему предстояло унаследовать не только состояние, но и еще один титул, хотя до этого было пока далеко. По всем меркам он мог считаться завидным женихом. Жаль, что Эмили не приметил его.

Выслушав объяснения Джереми, Эндрю согласился солгать ради него. В нем Джереми не сомневался. Эндрю признался, что пару дней назад познакомился с Эмили и уже подумывал поухаживать за ней, пока не услышал слухи о Джереми.

—...И я понял, что я тебе не соперник, Джереми. Об Эмили я сразу решил забыть. Расстроился, конечно. Слишком уж она хороша.

— Так забирай ее себе, если тебе по душе избалованные интриганки и опытные вуньи, готовые рискнуть репутацией, лишь бы добиться своего! Она решила, что я женюсь на ней, а когда поняла, что я к ней равнодушен, начала распускать слухи, поначалу почти безобидные, но вскоре превратившиеся в фарс. Теперь она заявляет, что ждет от меня ребенка, хотя я с ней почти не разговаривал и уж тем более не прикасался!

Эндрю заулыбался и объяснил, в чем дело:

— Такой раньше была моя мать — ну, не совсем, в общих чертах. Она распускала самые невероятные слухи среди наших соседей, так что они ужасались, приходили в панику, тревожились, а потом дружно хохотали над своей доверчивостью. Но ее сплетки никому не вредили. Просто она обожала фантазировать.

— В этом нет ничего дурного, но... предостережения еще никому не мешали. Значит, Эмили тебе по-прежнему нравится?

— Да, определенно. Я бы женился на ней, если она примет мое предложение, поэтому в роли лжеца буду особенно убедителен. Как думаешь, отец согласится отдать ее за меня, если я буду уверять, что она носит моего ребенка?

— Мысль дельная, тем более что Эмили утверждала, что ребенок от меня. Поговори об этом с моим отцом. Репетицию спектакля будет проводить он.

— О, так я наконец смогу с ним познакомиться? Великолепно! Я всегда об этом мечтал. Человек удивительной репутации, несравненный боец, превосходный дуэлянт, и знаешь, я...

Джереми слушал вполуха, пока они не подъехали к дому Джеймса. О своем отце он знал все, а Эндрю, как выяснилось, не знал и половины.

На этом везение Джереми не закончилось. Дрю добровольно вызвался сыграть роль лжеца и уже сочинил подробную историю. Впрочем, оригинальностью история не отличалась и в точности походила на прочие рассказы Дрю о любовных победах, разве что в ней фигурировало имя Эмили. В итоге Джеймсу осталось только выбрать третьего из привезенных Джереми актеров.

Джереми мечтал лично присутствовать на комедии в доме Баскомба, но едва он заикнулся об этом, Джеймс отрезал:

— Ты туда не поедешь, юноша. Твое присутствие не требуется — наоборот, только помешает: девчонка сразу решит блеснуть актерским мастерством. А наша задача — ошеломить ее настолько, чтобы она запуталась в своей лжи.

Джереми пришлось согласиться, что отец прав, но он понимал, что изведется, ожидая известий. Может быть, Дэнни удастся отвлечь его. Рядом с ней Джереми забывал обо всем.

Перемена в ней до сих пор удивляла его. Заниматься любовью ей нравилось — в этом он не сомневался. Казалось, она и не сопротивлялась вовсе. Джереми беспокоило то, как она относится к их связи: она ничего не просила, ни о чем не заговаривала, просто наслаждалась и дарила наслаждение ему. Словом, вела себя почти по-мужски.

Черт, если вдуматься, именно так сам Джереми вел себя с дамами. Но на этот раз ему почему-то хотелось большего. Ему хотелось, чтобы с Дэнни их связывали более прочные узы. Хотелось чаще видеться с ней, и не только в постели. С каждым днем его все сильнее раздражала необходимость прятаться: чтобы избежать упреков родни и недовольства слуг, он держал их роман в тайне. Будь Дэнни его любовницей, он мог бы проводить у нее целые дни, дарить ей роскошные наряды, водить повсюду, куда джентльменам позволительно приводить любовниц. Но к его разочарованию, Дэнни ничего подобного не просила.

По крайней мере она всегда была в его доме, оставалась доступной хотя бы отчасти. Но когда Джереми вернулся от отца, Дэнни его не встретила. А когда он наконец не выдержал и отправился к ней в комнату, то услышал из-за двери веселый женский смех и голоса. Дьявольщина! А он так рассчитывал сегодня отпраздновать удачу! Конечно, радоваться было еще слишком рано — Джереми пока не знал, чем кончится его авантюра.

Глава 35

Городской особняк Баскомбов был невелик, но лорд Баскомб и его прелестная жена редко бывали в Лондоне, а в те времена многие аристократы считали, что держать прислугу в пустующем доме — только портить слуг. О том, что на содержание просторного дома, которым пользуются лишь изредка, уходит целое состояние, упоминать было не принято. Экономия считалась одним из дополнительных преимуществ отсутствия городской резиденции. Сторонники подобной экономии предпочитали снимать меблированные комнаты, приезжая в столицу, или просто останавливаться в одном из лучших отелей, если намечался краткий визит.

Баскомб часто приезжал в город по делам, поэтому и содержал небольшой особнячок. Он

пригодился, когда дочь Баскомба начала выезжать в свет. Несмотря на скромные размеры, дом был элегантно обставлен старинной мебелью. В конце концов, семейство Баскомбов было богатым, просто не считало нужным швырять деньги на ветер.

На следующее утро Джеймс Мэлори нанес Баскомбу визит. Накануне он предупредил об этом, поэтому его заставили ждать, притом в холле, чему Джеймс украдкой усмехнулся.

Альберт был дома. Дворецкий сообщил Джеймсу, что хозяин знает о предстоящем визите, но сейчас очень занят — не желает ли Джеймс заехать еще раз, попозже? Но Джеймс велел передать хозяину особняка, что он никуда не уедет.

— Невежливо с его стороны, не правда ли? — заметил Эндрю после двадцати минут ожидания.

— Вероятно, дает понять, насколько важна для него цель визита, — предположил Дрю.

— Он, конечно, взволнован, — раздраженно подтвердил Джеймс. — Настолько, что примчался в Хейверстон и доложил обо всем моему брату Джейсону.

— Тогда, наверное, он считает, что дело уже решено и дальнейшие обсуждения бесполезны, — высказался Эндрю. — И это опять-таки грубость с его стороны.

— Видимо, Джейсон обнадежил его, — откликнулся Джеймс. — Но скорее всего Баскомбу это только показалось. Джейсон умеет говорить собеседнику то, что тот хочет услышать, но при этом ничего не обещать.

Дрю хмыкнул:

— Хотел бы я обладать таким талантом!

— Это дипломатия, дорогой мой, всего-навсего дипломатия, — объяснил Джеймс, — которой ты так искусно обольщаешь женщин.

— А, эта дипломатия! — ухмыльнулся Дрю.

Через пять минут терпение Джеймса иссякло, и он позвал спутников:

— Идите за мной, но подождите у двери.

Дворецкий, застывший на страже у двери кабинета хозяина, сначала не хотел впускать Джеймса, но, взглянув на его лицо, поспешно открыл дверь и доложил о нем.

Альберт читал какие-то бумаги, сидя за столом. При виде Джеймса он вздохнул:

— Как все это не вовремя!

— И я того же мнения. Но если вдуматься, для таких встреч любое время будет неподходящим. С другой стороны, для визита к старшему Мэлори у вас нашлось время.

Это был отнюдь не вопрос. Альберт понял намек и отложил бумаги. Этого человека Джеймс видел впервые. Благородное лицо, темно-каштановые волосы с проседью на висках. Странно, что он еще не поседел сплошь — с такой дочерью.

— Я считаю, что нам нечего обсуждать, кроме даты свадьбы, — заявил Альберт. — Вы по этому поводу?

Джеймс не ответил. Он придвинул к письменному столу один из стульев, расположив его так, чтобы было удобнее наблюдать за представлением. Стул был мягким и удобным — и это к лучшему. Джеймс подозревал, что визит затянется надолго.

Не выдержав напряженного молчания, Баскомб взорвался:

— Слушайте, вы!.. Мне известна ваша репутация, оказывать на меня давление я не позволю!

Джеймс поднял бровь.

— Полно, дружище. Какое давление, с чего вы взяли? Людей я либо игнорирую, либо... впрочем, думаю, до этого дело не дойдет.

На щеках Альберта проступила краска.

— Тогда перейдем к делу, Мэлори. Зачем вы пришли?

— Знаете, слухи — странная вещь. Они либо возбуждают любопытство и забавляют, либо приводят в ярость — каждого по-своему.

— Мне известно о слухах весьма щекотливого свойства. Того, кто их распустил, следовало бы пристрелить. Но увы, все эти слухи — правда.

— Позвольте с вами не согласиться. К счастью, далеко не все они — правда.

— Значит, ваш сын намерен отрицать свою вину? Каким же трусливым...

— Воздержитесь от клеветы, Баскомб, — перебил Джеймс. — Я могу воспринять ее как личное оскорбление.

Эти слова он произнес почти равнодушно, даже чуть лениво, но Альберт побледнел, запнулся и выпалил:

— Речь идет о судьбе вашего и моего внука!

— Будь он действительно моим внуком, мы бы не тратили времени на разговоры.

— Истина рано или поздно станет очевидна, — уверенно заявил Баскомб.

— Безусловно, но не та истина, которой вы ждете, и, боюсь, это случится слишком поздно. Поэтому я привез вам для разнообразия еще несколько доказательств.

— Вы мне угрожаете убийством? — насторожился Альберт.

Джеймс расхохотался, и рассмешил его не только нелепый вопрос, но и возмущенный тон собеседника.

— Не знаю, что вам наговорили обо мне, Баскомб, но, похоже, изрядно приврали. Напрасно вы верите сплетникам на слово. Не все слухи правдивы.

— Сомневаюсь, — пробормотал Альберт.

— Как вам угодно. Но как я уже сказал, из-за прокатившихся по городу слухов о том, что Джереми женится на вашей дочери, мой дом на этой неделе осадили разъяренные поклонники

вашей дочери, не подозревающие, что Джереми живет в собственном доме. Почему-то они искали его под моей крышей. Был и еще один поклонник, и он-то гостил у меня, к моему глубокому сожалению. Он приходится родственником моей жене. Отделаться от него не удалось.

За дверью раздалось покашливание, но Альберт сделал вид, будто ничего не слышал.

— И что же? — нахмурившись, спросил он.

— Так вот, вообразите мое удивление, когда все они заявили, что у них больше прав на Эмили, чем у Джереми, поскольку им она досталась первым.

— Досталась? На что это вы намекаете? Джеймс снова вскинул бровь.

— Вы предлагаете мне изъясняться в выражениях, недопустимых в приличном обществе, Баскомб?

Хозяин дома гневно вспыхнул, вскочил, наклонился над столом. Сжатые кулаки побелели.

— Если вы считаете, что такие гнусные намеки не требуют доказательств, лорд Мэлори...

— А где же ваши доказательства?

Альберт снова побагровел, но на этот раз потому, что ему было нечего сказать. Джеймс артистически выдержал паузу, за время которой Альберт с ужасом осознал, что поверил дочери на слово.

Наконец Джеймс заговорил:

— Предлагаю пригласить сюда вашу дочь и послушать, что она скажет в свое оправдание. Вернее, не предлагаю, а настаиваю.

— Настаиваете? Но такие разговоры непозволительно вести девушке в столь нежном возрасте...

— Вздор! Она сделала все возможное, чтобы ее тайна стала известна всему городу. Уж не думаете ли вы, что заставите моего сына жениться на ней без каких-либо объяснений с ее стороны? Я привез мое доказательство — всех троих джентльменов, которые утверждают, будто близко знакомы с вашей дочерью.

— А почему вы не привезли своего сына? Если Эмили придется пройти через такое унижение, я тоже хочу услышать, что скажет по этому поводу ваш сын.

— Он просто объяснит вам, что незнаком с девушкой. Так зачем было везти его сюда ради краткого ответа? Это вы выдвигаете требования, Баскомб, а не я. Не забывайте об этом.

Широкими шагами Альберт промаршировал к двери и велел лакею позвать Эмили. Увидев троих незнакомцев, он отрывисто произнес:

— Входите. Я предпочитаю выслушать вас прежде, чем спустится моя дочь.

Все трое вошли в комнату. Единственный свободный стул занял Дрю. Эндрю неподвижно застыл возле него, актер отошел к окну в поисках выгодного освещения. Как актеру, ему было свойственно заботиться о внешних эффектах.

Эндрю был совершенно спокоен. Джеймс удивился, узнав, что он действительно готов жениться на Эмили. Ему хотелось пожелать Эндрю удачи, но он предвидел, что с лживой женой-интриганкой славному малому не видать счастья как своих ушей.

Актер Уильям Шейке — Джеймс усмехался каждый раз, произнося про себя этот сценический псевдоним, — готовился к выходу на сцену. Происходящее он воспринимал как шанс испробовать свои актерские навыки в непривычной обстановке. Возможно, Баскомб или его дочь видели его на сцене и запомнили. Поэтому он и не собирался скрывать свое имя и ремесло.

Обращаться за помощью к актеру-простолодину было весьма рискованно. Сомнительно, чтобы леди с положением, каким обладала Эмили, увлеклась представителем низшего класса. Впрочем, Эмили Баскомб уже нанесла своей репутации непоправимый ущерб — стоило ли беспокоиться из-за одного лишнего позорного пятна?

Глава 36

— Прежде чем эти два фата объяснятся, лорд Баскомб, — заговорил Эндрю, — позвольте заверить вас, что я без ума от Эмили и с радостью женюсь на ней с вашего одобрения.

— Кто вы, сэр? — спросил Альберт.

Эндрю перечислил свои титулы и связи, чем произвел впечатление на слушателя. Даже Джеймс удивился: о том, что Эндрю — настолько важная птица, он и не подозревал.

— Я знаком с вашим отцом, — сообщил Альберт Эндрю. — Он порядочный человек.

— Позвольте, — вмешался раздраженным тоном Уильям, — все эти титулы не изменят самого главного: ребенок-то мой. Вы, конечно, решите, что я не пара вашей дочери, но уверяю вас, она не жаловалась.

— А вы кто?

— Уильям Шейке к вашим услугам! Я актер, сэр, признанный талант! Несколько недель назад после одного спектакля, когда я был в ударе, меня пригласили на бал — там я и познакомился с Эмили. Не буду скрывать: это была любовь с первого взгляда. Нам удалось найти пустую комнату наверху... впрочем, вдаваться в подробности я не намерен.

Альберт не просто смутился — он пришел в бешенство.

— Моя дочь встречалась с актеришкой? Полнейший абсурд!

Уильям игнорировал эту вспышку, пожал плечами и объяснил:

— Не просто актеришка — кумир, герой дня и так далее. Она сама решила познакомиться со мной поближе, и, должен признаться, я остался доволен. — Он лихо подмигнул. — Я даже женюсь на ней, если ребенок мой. Но если нет, от женитьбы я бы отказался. Конечно, со своей стороны вы должны принять меня в семью. Я знаю несколько лордов, которые не пустили бы меня и в людскую кухню.

— Хорошо, что вы по крайней мере сознаете, что вам здесь не место, — возмущенно произнес Эндрю. — За вас она никогда не выйдет. А если попытается, отец тут же отречется от нее.

— Но ребенок-то мой! — возразил Уильям. — Тут уж ничего не поделаешь.

— Кто из нас зачал его, не имеет значения. Может статься, мы вообще не узнаем кто, — заявил Эндрю.

— Почему это?

— Ребенок может родиться похожим на мать. Но я все-таки готов жениться на ней и воспитывать ребенка, не важно, мой он или чужой.

— Что-то вы слишком благородны даже для благородного лорда, — съязвил Уильям.

— Ничуть, — покачал головой Эндрю. — Просто хочу, чтобы она стала моей женой.

Альберта успокоило заявление Эндрю. Хозяин дома сумел взять себя в руки, понимая, что еще не все потеряно. Но, переведя взгляд на Дрю, который только посмеивался, развалившись на стуле, Альберт снова нахмурился.

— По-вашему, все это забавно, сэр? — обратился к нему Альберт.

— Нет, не все, — отозвался Дрю. — Эти двое готовы вцепиться друг другу в глотку с тех пор, как они узнали, что Эмили была благосклонна к обоим. А мне, признаться, смешно за ними наблюдать.

— А вы кто такой?

— Дрю Андерсон. Видимо, Эмили не знала, что я прихожусь Джереми родственником, когда положила на меня глаз. Мало кому известно, что моя сестра замужем за отцом Джереми. Мы американцы, мои братья и я, капитаны морских кораблей, в Лондон наведываемся нечасто. Я познакомился с Эмили через пару дней после того, как бросил якорь в здешнем порту, поэтому не успел узнать, что они с Джереми... хм...

— Переходите к делу, юноша.

— Непременно. Видите ли, я много путешествовал, но никогда не отказывал хорошенькой девчонке, намерения которой очевидны. Как вы понимаете, я беру от жизни все, что можно взять. Так всегда было и всегда будет.

— Вы тоже считаете, что ребенок ваш? — спросил Альберт.

— Боже упаси! Альберт нахмурился.

— Тогда зачем вы пришли?

— Затем, что я не занимался с Эмили любовью, а мог бы. На одной вечеринке, куда затащила меня сестра, мы отправились гулять по парку и нашли славный уединенный уголок. Еще минута — и пришлось бы признаться, что ребенок может быть и моим. Нам помешали, когда мы... словом, мы привели себя в порядок и вернулись к гостям. Эмили пообещала встретиться со мной попозже и завершить начатое. На назначенное свидание я пришел, а Эмили нет. Прождал битый час, — недовольно добавил Дрю. — Но она этого стоила. А на следующий день я услышал, что она ждет ребенка, от Джереми. Неудобно говорить об этом, Баскомб, но я не сомневаюсь, что она в положении, слишком уж легко она принимает знаки внимания.

К тому времени как Дрю договорил, Альберт уже был багровым от бешенства. Джеймс не мог

его винить. Лично он подошел бы к делу деликатнее, но американцу Дрю была свойственна убийственная прямолинейность.

В эту минуту в кабинет вошла Эмили Баскомб — с улыбкой, ожидая застать там только отца. Девушка и вправду была прелестна. Но слишком избалованна и потому убеждена, что может получить все, что угодно, — и любой ценой.

При виде отцовской ярости ее улыбка погасла. А когда Эмили заметила Джеймса, ее глаза сначала тревожно заблестели, потом стали непроницаемыми. Джеймс вздохнул. Если она так легко скрывает свои чувства, справиться с ней будет нелегко.

— Я не знала, что у нас гости, отец.

— Это не гости. Кто угодно, только не гости.

Эндрю вспыхнул, что не ускользнуло от глаз Эмили. Должно быть, она решила разыграть роль гостеприимной хозяйки, потому что обратилась к нему:

— Лорд Уиттлиби, очень рада видеть вас снова.

— И я рад, дорогая, — с восхищенным взглядом отозвался Эндрю и отвесил изысканный поклон, за что был награжден ослепительной улыбкой.

— Значит, ты с ним знакома? — резким тоном вмешался Альберт.

Эмили нахмурилась:

— Разумеется! Нас представили друг другу неделю назад на суаре, через несколько дней мы встретились вновь. Но я сомневалась, что лорд Эндрю запомнил меня, — кокетливо добавила она.

— О, запомнил, да еще как! — пренебрежительно отозвался ее отец. — И слава Богу, хочет на тебе жениться.

— Я польщена... — начала Эмили, но вдруг до нее дошел отцовский намек. — «Слава Богу»? Что это значит?

Эндрю ответил первым:

— Что бы ни случилось, Эмили, смею вас заверить, что я сочту женитьбу на вас за честь.

— Я вновь польщена, сэр, но...

— Забудь про «но», Эмили, — поспешно перебил ее отец. — Джереми Мэлори ты не нужна, он утверждает, что даже не прикасался к тебе.

Она вздохнула. Слегка переигрывает, отметил Джеймс. Слишком уж заметно приуныла.

— Я же предупреждала: этот неисправимый повеса будет все отрицать. — И она повернулась к Джеймсу, широко раскрыв глаза, будто только что заметила его: — О, прошу прощения, лорд Мэлори! Но всему свету известно, от кого Джереми унаследовал свои замашки.

Джеймс усмехнулся. Она уже оправдывалась! Умная лгунья поняла, что ее план на грани срыва, да и ярость отца была очевидна.

— Да, и я чертовски горжусь мальчишкой. Особенно тем, что он всегда говорит правду.

— Вам — может быть, — язвительно отозвалась она. — Но он солгал о том...

— Довольно, Эмили, — перебил Альберт. — Ты знакома с присутствующими?

Она заметно напряглась. Джеймс догадался, что отцовский гнев ей в новинку и он ее особенно тревожит. Вероятно, Эмили понятия не имела, как успокоить отца, тем более при посторонних.

Оглядевшись, она кивнула:

— Да, почти со всеми.

— И с американцем? — потребовал подтверждения ее отец.

— Да, помню, я с ним встречалась. Трудно забыть такого рослого, и видного мужчину.

— И красавца, — добавил Дрю с ленивой усмешкой и подмигнул ей.

— Фи, сэр, где же ваша скромность? — Эмили мгновенно втянулась в привычный флирт.

— А этого? — продолжал расспросы Альберт, указывая на Уильяма.

— Нет, его я вижу впервые, — бесстрастно заявила она.

Уильям принял гневную позу.

— Нет, вы только послушайте! — возмущенно воскликнул он. — Значит, вы могли расточать мне знаки внимания, но лишь пока об этом не узнал ваш отец? А теперь намерены все отрицать?

— Что отрицать? Я с вами незнакома. Что тут еще отрицать?

— Господи, неужели вы не помните? На том балу вы увлеклись шампанским, но мне и в голову не приходило, что вы потеряли память! Или у вас было так много любовников, что вы сбились со счета?

Эмили негодуяще ахнула, ее лицо запылало. Уильям перестарался. Вульгарность не могла пройти незамеченной, Эмили отреагировала в первую очередь на нее, а не на намек.

В возмущении она повернулась к отцу:

— Значит, вот почему ты сердишься? Какой-то незнакомец пришел сюда, наговорил бог весть что, а ты ему поверил! Да я никогда в жизни не пьянела — ну, если не считать маминогo дня рождения в прошлом году. Но об этом ты уже знаешь, и рядом не было ни единого мужчины!

— Детка, никто и не собирается осуждать вас за пьянство, — вмешался Дрю. — Лично я намерен объяснить, что ребенок не от меня, хотя, признайтесь, до этого дело едва не дошло.

Она снова ахнула и обернулась к Дрю.

— Господи, и вы?.. Значит, это заговор Мэлори? — Она бросилась к отцу, сверкая глазами. — Папа, клянусь, они лгут!

— Все трое? — устало уточнил Альберт, опускаясь в кресло. — В словах одного я бы еще усомнился, двух — тоже, но трех!..

Эмили в отчаянии повернулась к Эндрю, страдальчески подняв брови:

— Неужели и вы тоже?..

Это притворное отчаяние тронуло его. На миг он чуть было не признался, что весь этот визит подстроен. Но Эндрю по-прежнему хотел жениться на Эмили. А поскольку ей известно, что он лжет, ему придется действовать самым убедительным образом, иначе Альберт не выдаст дочь за него. К счастью, Эндрю вовремя вспомнил, что именно таким способом Эмили надеялась поймать на крючок Джереми, а они, все трое, просто отплатили ей той же монетой.

— Я беспокоюсь в первую очередь о ребенке, — заверил Эндрю. — Ведь он может оказаться моим наследником.

— Мы оба знаем, что он не ваш! — выпалила она. — Прекратите нести чушь!

— Ничего подобного мы не знаем. Ваше стремление все отрицать мне понятно. Но не забывайте, что я все еще готов жениться на вас. Я согласен вырастить ребенка, даже если он не мой, и даже закрыть глаза на ваши... — он многозначительно взглянул на присутствующих мужчин, — многочисленные похождения.

Она снова густо покраснела, но не от смущения, а от ярости, и снова подбежала к отцу.

— Ты заставил меня выслушать эти ужасные обвинения, в которых нет ни слова правды! Неужели ты не видишь, что происходит? Это суший фарс, заговор лорда Мэлори! Только затем, чтобы позволить сыну...

— Довольно! — рявкнул Альберт. — Не позорь меня, Эмили, я и без того опозорен.

Для Эмили эти слова стали сокрушительным ударом. Она тяжело задышала и спросила:

— Значит, ты веришь им, а не мне?

Она даже сумела пустить пару слезинок и изобразить безграничное отчаяние. Дрю заволновался: женских слез он не терпел. Эндрю отвернулся, чтобы не поддаться на эту уловку. Уильям закатил глаза, распознав искусную игру.

К счастью, Альберт хорошо знал свою дочь и ее тактику.

— Эмили, мне известно, что ты умеешь лгать. Эту твою дурную привычку давно пора было искоренить. А еще я знаю, как „ловко ты это делаешь. Но мне и в голову не приходило, что ты способна лгать вот так дерзко, не заботясь о последствиях.

Она оторопела. Гнев вернулся мгновенно — очевидно, он никуда и не исчезал, просто на миг был прикрыт мелодрамой. Этот гнев Эмили обратила против Джеймса, решив, что именно он нарушил все ее планы.

— Это вы все подстроили, лорд Мэлори! Но не сумели все предусмотреть, не так ли? — ехидно добавила она. — Не понимаю, как вы рассчитываете выкрутиться, когда я докажу, что все они лгут!

Джеймс сардонически приподнял бровь.

— И как же вы это сделаете, если вы одна, а их трое — нет, четверо, ведь Джереми тоже обвиняет вас во лжи?

— К черту Джереми! Я докажу, что они лгут, с легкостью, потому что я до сих пор...

Осознав, что чуть не проговорила, Эмили умолкла, но Джеймс услужливо подсказал ей последнее слово:

—...девственница?

Он поднялся. Эмили поспешно попятилась, с запозданием понимая, что столкнулась с опасным противником. Но Джеймс потерял к ней всякий интерес. Она сделала все, что от нее требовалось.

— Прощу прощения, лорд Баскомб, но этот визит был необходим, — произнес Джеймс.

Альберт скованно кивнул. Выражение его лица говорило само за себя. Он сгорал от стыда, только теперь сообразив, на что решилась его дочь в попытке подцепить мужа.

— Кстати, — продолжал Джеймс, — если вы еще не поняли, именно она пустила слухи и без устали раздувала их. Убивать ее, как вы планировали, я бы не советовал, но без наказания в этом случае не обойтись. Никому, а тем более девчонке, не позволено из прихоти решать судьбу других людей. Наше с вами дело улажено. Надеюсь, больше мы не увидимся. Прощу вас, джентльмены, — обратился он к спутникам.

Дрю и Уильям покинули кабинет. Эндрю задержался.

— Меня не ждите, милорд. Нам с лордом Баскомбом есть что обсудить. Репутация Эмили нуждается в спасении.

— О своей репутации я позабочусь сама, благодарю! — выпалила Эмили и выбежала из кабинета.

Джеймс поднял бровь, глядя на Эндрю. Тот улыбнулся, но с места не сдвинулся. Должно быть, он безумно влюблен, если готов жениться на вспыльчивой притворщице.

Глава 37

Дэнни смахивала пыль в верхних комнатах, когда услышала снизу вопли и грохот. Сначала она решила, что на улице завязалась драка, — все они сопровождалось шумом, зеваки подбадривали драчунов и визжали.

Но когда Дэнни поняла, что шумят прямо под ней, в доме, она бросилась вниз, выяснять, в чем дело.

Шум доносился из кухни. Клэр размахивала кастрюлей, как оружием. Карлтон держал наперевес метлу. Дэнни решила бы, что эти двое всерьез разругались, если бы не увидела, что они смотрят не друг на друга. Миссис Эплтон, равнодушная к суете, стояла у плиты и добавляла в рагу какие-то пряности.

Карлтон нагнулся и заглянул под буфет. Клэр обводила комнату диким взглядом, что-то пытаясь отыскать.

— В чем дело? — спросила Дэнни, осматриваясь в поисках подходящего оружия.

— Крыса! — взвизгнула Клэр. — Из кладовки шмыгнула прямо в кухню!

— Крыса? В таком богатом квартале? — не поверила ушам Дэнни.

— Что тут странного, милочка? — вмешалась миссис Эпплтон, оглядываясь через плечо. — Крысы бегут туда, где есть еда, а у нас в доме полно припасов.

— И от твоей стряпни так пахнет, детка, что скоро сбегутся все портовые крысы, — жизнерадостно отозвался дворецкий Арти, входя в кухню.

Кухарка зарумянилась. Дэнни удивленно наблюдала за ней, пока Клэр не вскрикнула:

— Вон она! Под умывальником!

Карлтон метнулся в указанном направлении и принялся шарить палкой метлы под столиком с умывальником, чтобы выгнать оттуда крысу. Прием подействовал. Крыса бросилась к ближайшему убежищу — огромной чугунной плите, перед которой стояла миссис Эпплтон. Кухарка продолжала невозмутимо помешивать рагу, а Карлтон сунул палку метлы под плиту.

— Перестаньте, — попросила Дэнни. но ее никто не услышал.

Клэр громко давала советы Карлтону, прося его не промахнуться и на этот раз. Арти гулко хохотал над неуклюжим лакеем.

Дэнни снова попыталась вмешаться. Плита была слишком низкой, палка метлы не доставала до самых дальних углов. Не выдержав, крыса выскочила на середину кухни. Карлтон выпрямился и взмахнул метлой, готовясь к удару, а Дэнни кинулась к нему и сбила его с ног.

— Промахнулась, Дэнни! — захохотал Арти.

— А я и не в крысу метила, — огрызнулась она, сидя на груди Карлтона и не давая ему подняться. — Слушай, это мой любимец, — объяснила она не верящему своим ушам лакею. — Попробуй только тронь его, и я буду гонять тебя метлой по всему дому!

Карлтон таращил глаза, больше удивляясь тому, что Дэнни восседает на нем, чем тому, что у нее есть ручная крыса.

— Я не знал, что она твоя, — наконец выговорил Карлтон.

Дэнни кивнула и уже собралась встать, как в кухню заглянул привлеченный шумом Джереми и сразу объявил:

— Карлтон, ты уволен.

Обернувшись, Дэнни увидела, что Джереми не шутит. Напротив, он был убийственно серьезен.

— За что?

— За посягательство на чужую собственность.

Дэнни поняла, что Джереми говорит о ней. Карлтон тоже понял, откинул голову, стукнулся об пол и застонал.

— Ни на что он не посягал! — воскликнула Дэнни. — Это я сбила его с ног, потому что он

гонялся за моим любимцем.

— Значит, он уволен за это. Карлтон снова издал стон.

— Никто тебя не уволит, парень, так что хватит стонать, — приказала Дэнни и вскочила. Арти по-прежнему помирал со смеху.

— У тебя и правда есть ручная крыса, Дэнни? — полюбопытствовала Клэр.

До Джереми тоже дошел смысл ее слов.

— Господи, крыса? Карлтон, ты не уволен. Дэнни не выдержала:

— Никакая это не крыса, а мышь!

— Дэнни, да она же огромная! — возразила Клэр. — Таких мышей не бывает.

— Да, мой дружок толстенький. Потому, что я его сытно кормлю. И все-таки он мышь, а не крыса.

— А ты знаешь, чем мышь отличается от крысы? — спросила Клэр.

Дэнни задумалась и была вынуждена признать:

— Пожалуй, нет. И все-таки он мой любимец. — Она наклонилась и приставила к полу край огромного кармана передника. — Забирайся, Хвостик.

Она не видела, куда ее питомец спрятался на этот раз, но, едва услышав ее, он высунул голову из-за мучного ларя. Второй раз звать его не понадобилось. Завидев хозяйку, Хвостик прошуршал по полу и мигом залез ей в карман.

— Чтоб мне провалиться! — выпалил Арти. — И верно, ручной.

— Не знала, что крысы бывают ручными, — изумленно выговорила Клэр.

— Мыши, — поправила Дэнни.

Клэр усмехнулась. Многие из присутствующих впервые услышали от нее такой звук.

Все трое мужчин обернулись к ней. Джереми поднял бровь.

— Что с тобой случилось, Клэр? Ты как будто... оттаяла.

— Она у нас красавица, — добавил Карлтон. Он и вправду так думал, а может, просто хотел развеять последние сомнения Джереми.

Клэр не покраснела — наверное, просто не поверила ему. Но снова улыбнулась и велела:

— Не забивай мне голову ерундой.

Перемена в девушке была поразительна, но, с другой стороны, уверенность в себе творит чудеса. Клэр и в самом деле смягчилась, стала кокетничать и шутить. И перестала сутулиться, поэтому сегодня утром, столкнувшись с новой Клэр, Карлтон первым делом обратил внимание на ее пышную грудь. Новая прическа и простенькие, но изящные юбки с блузками,

извлеченные со дна сундука, преобразили ее до неузнаваемости.

Вместе с уверенностью в себе у Клэр появились и улыбки, и смех, и живые выражения хорошенького личика. Конечно, назвать ее красавицей помешала бы полнота, но она легко приковывала взгляды мужчин.

Дэнни по праву гордилась тем, что это она заставила Клэр выбраться из раковины. Прошлую ночь они сначала долго хлопотали в комнате Дэнни, потом в комнате Клэр, придумывая ей прически. Между ними зародилась дружба. Только теперь Дэнни поняла, как ей доставало близкой подруги. Не хватало человека, с которым можно было бы разделить горести и радости.

— Ну, дети мои, за работу! — спохватилась миссис Эпплтон, помня, что хозяин дома все еще стоит на пороге. — С питомцем Дэнни вы еще успеете наиграться.

Дэнни поспешно ушла из кухни, чтобы отнести Хвостика обратно в его коробку. Должно быть, он освоился в новой обстановке и решил посмотреть, что там, за дверью комнаты.

Она не ожидала, что Джереми последует за ней у всех на виду. Не думала, что он заговорит с ней после вспышки ревности. Напрасно он подчеркнул в присутствии слуг, что они любовники. Правда, об этом уже догадались все в доме, кроме, может быть, миссис Эпплтон. С таким же успехом Джереми мог приказать Карлтону: «Не тронь ее, она моя».

Но раздражение вскоре утихло, и Дэнни загордилась тем, что Джереми повел себя, как истинный собственник. Может, она ему все-таки дорога? Впрочем, он, наверное, ревнует всех своих женщин.

Последнее предположение показалось Дэнни наиболее вероятным. Большинство мужчин как с цепи срываются, заметив, что другие заигрывают с их женщинами. Дэнни осудила себя за глупость — за то, что придала такое значение обычному мужскому инстинкту.

— А других питомцев у тебя нет? Змей, пауков? Других крыс, наконец?

Обернувшись, Дэнни увидела, что Джереми прислонился к косяку и скрестил руки на груди. Все-таки пришел. Зачем это ему?

Она фыркнула:

— Это не крыса, а толстая мышка.

— Как скажешь, дорогая.

— Он же трус.

— Любая крыса струсит при виде громадины с метлой. Дэнни усмехнулась:

— Пожалуй, ты прав.

Он выпрямился, Дэнни насторожилась. Непринужденная поза была обманчивой — сейчас Дэнни поняла это по яркому блеску в его глазах. Значит, приступ ревности еще не прошел. Схватив Дэнни за плечи, Джереми жадно впился губами в ее губы.

Он не причинил ей боли, только ошеломил страстью. Его язык хозяйничал во рту Дэнни, Джереми приподнял ее над полом, чтобы она ощутила его возбуждение. Это нападение было пугающим и вместе с тем сладостным — он хотел ее и не скрывал этого. Захваченная страстью,

Дэнни обхватила его одной рукой за спину, вторую положила на затылок и прильнула к нему всем телом.

Застонав от наслаждения, он поднял ее юбку, ухитрился найти шнурок панталон, развязал его и дотянулся до влажных теплых складок. Его палец проник внутрь, вышел наружу и снова погрузился в нее, запястье скользило между ягодиц, спереди ей в живот упиралась внушительная выпуклость. Вскрикнув, Дэнни мгновенно достигла экстаза. Если бы Джереми не прижимал ее к себе так крепко, она рухнула бы к его ногам.

Его губы скользнули по ее щеке, язык забрался в тонкую раковину уха.

— Я хочу кормить тебя сыром в постели — можешь взять с собой мышку. Хочу лить шампанское на твою обнаженную грудь и слизывать его. Хочу одеть тебя в тонкие шелка и украсить сверкающими безделушками. Я хочу всегда быть с тобой, Дэнни. — Он смотрел на нее требовательно и строго. — Стань моей любовницей. Обещаю, ты об этом не пожалеешь.

В эту минуту Дэнни не могла даже думать, тем более отвечать на такие важные вопросы. Но гнать Джереми она не собиралась, зная, что он все равно не уйдет. И она слишком воспламенилась...

— Может быть, закроем дверь? — срывающимся голосом прошептала она.

Джереми направился к двери, когда на пороге вырос Арти.

— Здесь ваш отец и дядя. Не знаю, с чем они приехали. Друг на друга смотрят зверем. Словом, хорошего не ждите.

Джереми вздохнул, но не от предупреждения Арти, а потому, что не догадался пораньше запереть дверь. Дэнни вздохнула еще громче. Ей пришлось сесть. Хорошо бы нырнуть в холодную воду.

Но Джереми позвал ее:

— Идем со мной, Дэнни. Тебе наверняка не терпится узнать, сработал ли твой план.

Глава 38

— Ну и чем ты мог помочь? — спрашивал Джеймс брата, когда в гостиную вошли Джереми и Дэнни. — Ты ведь женат. Или ты целыми днями торчишь на псарне и обо всем забыл?

— Не на псарне, — поправил Энтони. — И я ни на минуту не забываю, что женат на прекраснейшей женщине мира.

— Возражаю! — заявил Джеймс. — Джордж гораздо красивее.

— Джордж — американка, — напомнил Энтони, словно американки не считались.

Джеймс вздохнул:

— Знаешь, об этом давно пора забыть.

— И потом, — Энтони вернулся к предмету, который они обсуждали ранее, — ты по привычке увильнул от ответа. Скажи, ты сделал это намеренно?

— Я? Чтобы разозлить тебя? С чего ты взял? Энтони пренебрежительно хмыкнул:

— Я не собирался присутствовать при этом фарсе — как ты справедливо заметил, я ничем не мог помочь. Но я хотел бы, чтобы со мной прежде посоветовались!

— Зачем?

— Он ведь мой племянник. А у меня бывают гениальные озарения. Я мог бы что-нибудь придумать.

Джеймс закатил глаза.

— Если бы мы не знали, что предпринять, то, конечно, обратились бы к тебе. Но у нас был прекрасный план, в советах мы не нуждались. Тем более в гениальных, — многозначительно добавил он.

Джереми решил, что пора вмешаться:

— Надеюсь, прекрасный план оказался удачным? Джеймс перевел взгляд на сына и даже улыбнулся:

— Верно, юноша. Он сработал.

— Хотя со мной не посоветовались... — пробормотал Энтони.

— И Эмили призналась, что она солгала?

— Более того: призналась, что она по-прежнему девственница. Это случайно сорвалось у нее с языка, но на такой исход мы и рассчитывали. А ведь мы были на грани провала: она обвинила нас в заговоре против нее. Она сразу все поняла, но ее отца нам заранее удалось убедить в том, что Эмили ведет себя неподобающим для девицы образом. А еще нам повезло в том, что отец уже знал, что она любит приврать, очевидно, этот грешок водится за ней с детства.

— Значит, все сложилось удачно? Ушам не верю. — Джереми засиял от облегчения.

— Чудом, — напомнил ему Джеймс. — И все благодаря твоему другу Энди.

— Как это?

— Если бы он сразу не заверил отца Эмили, что готов на ней жениться, убедить Баскомба в ее распутстве было бы гораздо труднее. А если бы отец принял ее сторону, в этой битве победа осталась бы за Эмили.

— Несмотря на численный перевес?

— Даже если бы мы выставили против нее десятерых. Одного слова «заговор» было бы достаточно, чтобы обеспечить ей победу. Но нам удалось подготовить к этой сцене ее отца, поэтому у Эмили не осталось никаких шансов. Уверений троих ее поклонников хватило. И мы знаем, кого должны благодарить за это.

Три пары глаз уставились на Дэнни, которая начала заливаться краской. Она была в восторге оттого, что ее план сработал и теперь Джереми не придется жениться на нелюбимой женщине. Значит, какое-то время он еще будет холостяком! Но быть в центре внимания Дэнни не понравилось: она совсем застеснялась.

— Пустяки... — пробормотала она.

— Напротив, — шепнул Джереми ей на ухо. Она украдкой наступила ему на ногу.

— Сейчас не время! Он обратился к отцу:

— Ты прав, она спасла нас, и в знак признательности я подарю ей котенка.

— Думаешь, это достойный подарок? — хмыкнул Энтони, повернулся к брату и осведомился: — Чему ты его учил?

Джереми задумчиво нахмурился:

— Но кажется, кошки не уживаются с крысами... Пожалуй, лучше щенка.

Дэнни снова наступила ему на ногу — на этот раз сильнее.

— Не вздумай разболтать им про моего любимца! — прошипела она.

Но Джеймс уже заинтересовался:

— При чем тут крысы, черт возьми? Кстати, мой брат в кои-то веки прав. Лучше выбрать какое-нибудь изящное украшение. Во всяком случае, такие подарки предпочитал я.

— Я не ослышался? — встрепнулся Энтони. — Ты признал мою правоту?

— Признал, признал, только помолчи, — буркнул Джеймс.

Отступив на шаг от Дэнни, чтобы уберечь ноги, Джереми объяснил:

— Украшение она швырнет мне в лицо. Эта девушка не принимает подарков.

— Значит, вот оно как! — Джеймс уставился на Дэнни, потом опять на Джереми. — Кстати, почему она до сих пор носит передник?

Мгновенно забыв о смущении, Дэнни с жаром выпалила:

— Это мне решать, что мне носить. И не вздумайте назвать меня любовницей. Никакая я не любовница и никогда ею не буду! Я живу своим умом и играю по своим правилам.

— Ну и ну! — оживился Энтони. — Господи, если бы все женщины были такими! Но они рассуждают совсем иначе. Если вдуматься, ты ведешь себя... по-мужски.

Яркий румянец залил щеки Дэнни. Она в досаде махнула рукой и выбежала из комнаты, бормоча: «Чертовы богачи!»

— Я не хотел ее обидеть... — растерялся Энтони.

— Ты и не обидел, — объяснил Джереми. — Просто она не любит, когда ей напоминают, что лет пятнадцать она жила и мыслила, как мальчишка.

— Стало быть, Джеймс меня не обманул? — с любопытством спросил Энтони. — Она и вправду всю жизнь выдавала себя за мальчишку?

— По собственному выбору. Чтобы избежать участи проститутки.

— А, вот оно что. — Энтони кивнул. — Смышленная девчонка. Но с ней, должно быть, приходится чертовски трудно.

Джереми расхохотался:

— Ты даже не представляешь себе, насколько трудно, дядя Тони!

Глава 39

Дразнить Дэнни было опасно, поэтому Джереми решил не показываться ей. За это время он успел найти для нее подарок, от которого будет трудно отказаться. Джереми искренне надеялся вечером хоть немного побыть с Дэнни.

Вернувшись домой, он отправился на поиски Дэнни и обнаружил ее заправляющей постель в одной из комнат для гостей. Видеть ее рядом с кроватью было почти невыносимо: желание пронзало его раскаленным кинжалом. Но даже если постели поблизости не оказывалось, рядом с Дэнни Джереми просто не мог держать себя в руках.

Застыв в дверях, он прокашлялся, привлекая ее внимание. Дэнни оглянулась и нахмурилась. Очевидно, она все еще злилась на него за то, что он афишировал их близость в присутствии родных, и, наверное, придумала немало колкостей. Но все отрепетированные слова вылетели у нее из головы, как только она увидела, что Джереми держит в обеих руках.

— О не-ет! — воскликнула она, торопливо подходя к нему и бережно принимая белоснежного котенка. — Я не могу его взять, — добавила она, нежно прижимая зверька к щеке.

— А я и не предлагал, — отозвался Джереми, сумев сдержать улыбку.

Переведя взгляд на крохотного щенка, которого Джереми держал в другой руке, она добавила:

— И этого тоже. — И потянулась за щенком.

— Ну конечно, — согласился Джереми.

Дэнни посадила обоих малышей на только что заправленную кровать. Они обнюхали друг друга, щенок свернулся в тугий клубочек и уснул, а котенок сел рядом и принялся старательно вылизывать лапку. По размеру оба были совершенно одинаковыми и, должно быть, появились на свет несколько недель назад.

— Я слышал, собаки прекрасно ладят с кошками, если они выросли вместе, — заметил Джереми, подходя поближе и наблюдая за пушистыми комочками.

— Думаешь?

— И с крысами тоже.

Застонав, Дэнни жалобно произнесла:

— Джереми Мэлори, вы негодяй.

— Благодарю, я стараюсь.

Она вдруг оживилась:

— А может, ты просто купил их себе?

— Разумеется!

— Ты не против, если я буду ухаживать за ними — для тебя?

— Ничуть, дорогая.

Просияв, она присела на кровать, посадила котенка на колени и стала бережно гладить его.

— Они прелесть, правда?

С точки зрения Джереми, единственной прелестью в комнате была Дэнни. Задумавшись, он вдруг понял: с тех пор как в его жизни появилась Дэнни, он забыл про всех женщин на свете. Но говорить об этом вслух он не стал, только кивнул, чтобы Дэнни не рассердилась не вовремя.

— Я мечтал нарядить тебя и повеселиться где-нибудь в городе, — объяснил он, — но вдруг вспомнил, что нам понадобится компаньонка, а это в мои планы не входило. И я остановился на пикнике.

— Между прочим, время обеда уже прошло.

— Но не время ужина, верно? И кто сказал, что пикники устраивают только утром? Я задумал чудесный вечерний пикник у живописного пруда, на берегу, заросшем цветами. Только не говори, что тебе это не по душе! Ты просто обязана составить мне компанию. Ведь это ты спасла меня от ужасного брака. И если ты считаешь, что это не повод для праздника, я придерживаюсь другого мнения, так что тебе придется согласиться. Ну, что скажешь?

— Звучит заманчиво. На пикниках я еще никогда не бывала. А разве в городе есть пруды?

— Мы поедем туда, где нам никто не помешает и где нет моих знакомых. Неподалеку от Лондона есть прекрасное местечко. Я уже приказал закладывать карету, а миссис Эпплтон согласилась присмотреть за малышами на кухне, пока ты не вернешься. И приготовила нам корзинку. Так что едем!

Он вышел из комнаты прежде, чем Дэнни успела придумать причину для отказа. Спустя тридцать минут Лондон остался позади. Джереми умолчал только о том, что ехать придется довольно долго. Пруд, о котором он говорил, находился возле постоянного двора в часе езды от столицы. Обычно отец Джереми останавливался здесь по пути из Хейверстона. А Джереми задумал провести ночь вместе с Дэнни на постоялом дворе.

Но Дэнни не следила за временем: прежде ей никогда не случалось сидеть в открытых экипажах и наслаждаться обзором. Джереми, который правил лошадьми, поддерживал непринужденную беседу, рассказывал, как искал по всему городу котенка и щенка, хотя на самом деле котенка подарила ему Реджи, у которой окотилась ее любимица, а щенка — Келси. О новорожденных обе дамы упомянули, еще когда возили Джереми выбирать мебель.

В это время года пруд был на удивление живописен: на берегах пестрели цветы, на мелководье плескались утки, за одной торопливо плыли три крохотных утенка. Миссис Эпплтон превзошла себя: корзина оказалась набита аппетитной снедью, здесь же нашлось несколько бутылок вина.

Они жевали, смеялись, поддразнивали друг друга. Несмотря на все старания Джереми, разговор неожиданно принял серьезный оборот, речь зашла о жизненных целях, и Дэнни

призналась:

— Много лет назад у меня была одна цель, но добиться ее было невозможно.

— Какая?

Она лежала на одеяле, расстеленном у воды, лениво вертела в одной руке ромашку, в другой держала бокал вина.

— Я хотела, чтобы у малышей появился настоящий дом.

— У тех, с которыми ты жила? — уточнил он, перебирая ее волосы.

— Да. Я жалела, что не знаю грамоты, и думала, что другие дети были бы не прочь учиться. Мне хотелось, чтобы они ходили в школу, чтобы у них всегда была еда и чтобы им было больше незачем воровать.

— Значит, ты хотела устроить для них сиротский приют?

Его пальцы пробежали по щеке Дэнни, коснулись мочки уха и шеи. Дэнни невольно поежилась и уронила ромашку. Ответила она не сразу.

— В то время я была еще очень мала и почти ничего не понимала. Через два года я сообразила, что об этом не стоит и мечтать. — И она пожала плечами.

Джереми помедлил, но все-таки спросил:

— А ты позволила бы мне помочь тебе осуществить эту мечту?

Она нахмурилась:

— Ты хочешь сказать, что дал бы мне денег?

— Вроде того.

— В виде подарка, да? Показал свою щедрость? Нет, это же не твоя мечта, а моя. Но я уже знаю, что жалованья горничной мне не хватит...

Он кашлянул.

— Я мог бы дать тебе прибавку. Она рассмеялась:

— Нет, я ее не возьму, если ты не повысишь жалованье всем остальным слугам. Ты уже сделал мне один подарок. Ладно, я приму его, но чтобы впредь этого не было, слышишь?

Джереми взял ее ладонь, поднес к губам и поцеловал пальцы по очереди.

— С тобой чертовски трудно, детка. Знаешь, меня так и тянет осыпать тебя подарками. — Он втянул один палец Дэнни в рот. — Не знаю почему. Такого со мной еще никогда не случалось. — Он занялся вторым пальцем. — И это досадно... нет, очень досадно — думать о твоём запрете.

Дэнни смотрела на него, ее дыхание участилось.

— Я тебе не верю.

— Еще бы! У тебя же никогда не возникало подобного желания.

— Возникло, — призналась она. — Когда я видела что-нибудь, что мне нравилось, мне сразу приходила мысль, что и Люси понравилась бы эта вещь. Конечно, ведь я ее люблю. Она для меня — мать, сестра и лучшая подруга. Значит, ты хочешь на свой лад объяснить, что я тебе дорога?

— Господи, если ты до сих пор этого не поняла, тогда я все объясню. Но лучше...

Он притянул ее к себе, уложил на согнутую руку и приник к ее губам, впитывая их вкус с такой страстью и жадностью, что никак не мог остановиться. Ему нравилось целовать ее, прикасаться к ней, чувствовать, как она вздрагивает в его объятиях. Он начал было расстегивать ей блузку, но его терпение лопнуло, и он подхватил ее грудь через ткань. Дэнни приложила ладонь к его щеке. Этот жест воспламенил его, а ее стон...

Собрав в кулак все остатки силы воли, Джереми оторвался от ее губ.

— Проклятие! Если бы я не знал, что мы найдем мягкую постель на соседнем постоялом дворе, я овладел бы тобой прямо здесь, на траве. Дорогая, кажется, нам пора уезжать отсюда, и поскорее.

Глава 40

Уже почти стемнело, когда они собрали остатки праздничной трапезы и сели в экипаж. Последний краешек заходящего солнца скрылся за низкими облаками на горизонте и деревьями вдоль дороги. Если бы не эти деревья, в темноте дорога была бы почти не видна.

Карета подсакивала на ухабах, не предназначенная для езды по проселочным дорогам, да еще ночью.

Освещенные окна постоялого двора манили их, как маяк, и когда до него было уже рукой подать, Джереми слегка успокоился. Он не стал объяснять, что могло случиться на дороге, где по ночам разбойничают грабители и где неверного поворота хватит, чтобы угодить в канаву. А сон в открытом экипаже на обочине тоже никак нельзя назвать удачным завершением дня.

Рука об руку они поднялись в свою комнату. Дэнни не спросила, почему они не вернулись в Лондон. И не удивилась, услышав, что Джереми снял для них комнату с одной постелью. Об опасностях, которые подстерегали их по дороге, она догадывалась, а что касается одной постели, то ей не терпелось очутиться в объятиях Джереми, и лучше всего здесь, вдали от города, где их никто не знает.

Увы, надежды были напрасны. Хозяин постоялого двора узнал Джереми в лицо и назвал его по имени. Этого гостя он вспомнил сразу. Да и другие постояльцы, ужинавшие в общем зале, обернулись с дружескими улыбками. А один из них воззрился на Дэнни так, будто увидел ангела — или призрак.

Но парочка ничего не заметила. Джереми потерял терпение в тот же момент, когда за ними захлопнулась дверь. Зажигать лампу они не стали. Раздеваться тоже. Джереми унес Дэнни на кровать и поцеловал так крепко, что она не смогла даже возмутиться. Но она и не думала протестовать. Джереми так и не понял, в ком из них страсть полыхает жарче.

Его несдержанность воспламенила Дэнни. Сюртук он швырнул на пол, рубашку стащил через голову. Дэнни торопливо расстегнула блузку, опасаясь, что иначе он ее разорвет. Нижнюю кофточку он просто спустил с плеч, потом подхватил груди Дэнни и со стоном уткнулся в них лицом, осыпая поцелуями, пока она не запросила пощады. Горячими губами он проложил дорожку из поцелуев вверх по шее и нашел ее губы. А потом хрипло прошептал ей на ухо:

— Коснись меня. Я так долго этого ждал...

Он перекатился на спину и посадил Дэнни сверху. Ее ладони заскользили по его груди, слегка задевая соски. Она наклонилась, лизнула один из них, и Джереми застонал, с трудом сдерживая желание. Рывком подняв юбку Дэнни, он просунул обе руки ей под штаны и подхватил ягодицы, прижимая ее к своим чреслам. Но этот жест она восприняла чуть ли не с возмущением: она жаждала большего. Ждала, когда он войдет в нее и заполнит собой.

Об этом сказал Джереми воркующий стон. Его пальцы запутались в волосах Дэнни, он притянул ее к себе, уложил на бок и стащил с нее штаны. И наконец ее желание исполнилось: он вошел в нее, погрузился в самую глубину, а она охватила его, вобрала в себя, вскрикивая от наслаждения, отвечая его ударам, пока комнату не огласил его протяжный рык.

Сердце Джереми неистово колотилось. Такого блаженства он никогда не испытывал. Значит, вот что бывает, если сдерживать влечение долгие часы!

Нет, сдерживаться ему случалось и прежде. Все дело в ней, в Дэнни. Ни с одной другой женщиной ему не было так хорошо, как с ней. И не только в постели. Она должна быть рядом с ним каждый день, каждую минуту, но Джереми понимал, что это невозможно, и сгорал от досады и бессилия.

Разжимать объятия он не желал, но все-таки оторвался от нее на минуту, чтобы раздеться. Он даже встал и зажег лампу, поскольку было еще не так поздно и ему пока не спалось.

— Мы не захватили ночные рубашки, — напомнила Дэнни.

— Вот и хорошо. — Он снова привлек ее к себе. — Не знаю, как ты, а я буду спать в твоих объятиях. И ты можешь спать в моих.

— Ну, если ты так считаешь, поверю тебе на слово. — Она удобно устроилась, прижавшись к нему. — Странно это все-таки: я на постоялом дворе, а никого не граблю.

Он усмехнулся:

— Может, все-таки связать тебя? На всякий случай? Или ты способна удержаться?

— Постараюсь. В конце концов, постояльцы могут поднять шум. А я не хочу, чтобы меня будили среди ночи.

Дэнни замолчала. Подождав минуту, он поднял голову, чтобы проверить, не улыбается ли она. Но на ее лице не было даже намека на улыбку.

— Это была шутка?

— Разумеется, приятель, — заверила она. — Кстати, о сдержанности: тебе ее явно не хватает.

— Прикуси язычок! Я терпел целую вечность. Еще немного — и я бы лишился рассудка.

Она фыркнула:

— Вряд ли. И потом, я говорю про другое. Про твою ревность.

— Ревность? — воскликнул он и негодуяще добавил: — Я никогда в жизни не ревновал.

— За что же ты уволил Карлтона сегодня утром?

— А, это... — Джереми пожал плечами. — Просто я... в общем, я не знал, что происходит, но если бы я...

— Ты ревновал. И это выглядело глупо. Ты даже не спросил, почему я сижу на нем, — просто взял и выгнал беднягу. Научись доверять мне, Джереми, потому что другого выхода у нас нет, понимаешь?

— Ровным счетом ничего. Она тяжело вздохнула:

— Исключение я делаю только для тебя. Если я начну заниматься любовью со всяким встречным-поперечным Томом, Диком и Гарри, я стану такой, какой поклялась никогда не становиться. Значит, из всех мужчин для меня существует только один. Когда мы расстанемся, я хочу выйти замуж, а не размениваться налево и направо — надеюсь, ты меня понял.

Он притянул ее ближе.

— Дэнни, дорогая, я всерьез сомневаюсь, что мы когда-нибудь расстанемся.

Она ответила не сразу. Джереми ждал, затаив дыхание, пока она не сказала:

— Если мне не предложат работу получше. Он рывком сел, но Дэнни уложила его.

— Я пошутила, приятель. Ты что шуток не понимаешь?

Он нахмурился:

— Шутки понимаю, но ты и не думала шутить. О какой работе ты мечтаешь?

И она опять долго медлила с ответом, пока не вздохнула и не призналась:

— Жены и матери. Этого я не стыжусь. Я хочу иметь свою семью. У тебя уже есть семья, притом большая, поэтому новая тебе не нужна. А я буду стремиться к цели.

Он прижал ее к себе крепче, чем следовало. Напоминаний о целях Дэнни он не любил, но, судя по задумчивому тону, добиться их она собиралась в отдаленном будущем, а может, и никогда. Так что беспокоиться ему незачем.

Немного погодя он признался:

— Не знаю, выдержу ли я такой груз счастья. Дэнни уже дремала, но эти слова разбудили ее. Она открыла глаза.

— А ты счастлив?

— Не был бы счастлив — не говорил бы. Хотелось бы только, чтобы и дома мы спали в одной постели. Прислуга уже знает про нас с тобой. Я сам позаботился, об этом сегодня утром.

Дэнни прищурилась:

— Если ты хочешь сказать, что сделал это умышленно, я могу и ущипнуть. Больно.

— Нет-нет, это вышло случайно. — Он усмехнулся. — Но прекрасно подействовало, верно?

— А по-моему, ничего не стоит менять. Ты опять хочешь сделать из меня любовницу. Перестань. Мои условия ты знаешь: равенство во всем.

— Да, но при чем тут постель? Только сон, Дэнни. Мне просто нравится держать тебя в объятиях.

Она улыбнулась и придвинулась ближе.

— Приятно, правда? Ладно, я подумаю. — И она погрузилась в дремоту, напоследок пробормотав: — Ты прекрасно заменяешь ночную рубашку, приятель, честное слово...

Глава 41

Постоялый двор — не самое подходящее место для подобных дел. Тайрус пришел к этому выводу, когда полночь миновала, а в комнате девчонки по-прежнему горел свет. Ему до сих пор не верилось, что он нашел ее в тот момент, когда потерял последнюю надежду. После визита к богачу он исполнился уверенности, что уж на этот раз выполнит его поручение. А потом обнаружил, что на прежнем месте она уже не живет. Ее выгнали оттуда и не знали, куда она ушла. А Лондон чертовски велик, чтобы надеяться на еще одну случайную встречу на улице.

Но об этом Тайрус пока не говорил лорду — не хотел признаваться, что и на этот раз оплошал. И наконец-то нашел ее! Сегодня же он выполнит свою работу.

Решив подождать несколько часов, он заказал бутылку рома и унес ее в свою комнату. Вопреки всем его ожиданиям парочка явилась на постоялый двор не для того, чтобы спать. Мог бы и догадаться: девчонка превратилась в лакомый кусочек, совсем как ее мать. Джентльмен, с которым она приехала, не спускал с нее глаз.

Рано или поздно они все равно уснут. Не поедут же обратно посреди ночи! Тайрус настроился на долгое ожидание. Каждые десять минут он приоткрывал дверь и убеждался, что из-под двери комнаты напротив по-прежнему пробивается свет.

Досадно, что с девчонкой Мэлори. Об этой семейке Тайрус был наслышан. То, что все они лорды, — ерунда, гораздо хуже то, что связываться с этими людьми опасно. Превосходные стрелки, дуэлянты, мастера кулачного боя, умельцы сводить счеты. Значит, прикончить этого субъекта не стоит и пытаться — лучше просто оглушить.

Но если ему опять не повезет, наверное, погибнет и Мэлори. Лишь бы пришить девчонку. Как только она будет мертва, к нему вернется удача.

Ночью Дэнни привиделся страшный сон. Безо всяких причин. Этот сон она видела, когда чего-то боялась, тревожилась или просто волновалась, а в эту ночь была безмятежно счастлива. Но сон, как обычно, разбудил ее: Дэнни открыла глаза, едва над ее головой взметнулась дубинка.

Передернувшись, она придвинулась поближе к Джереми. Наконец-то ей есть у кого искать утешения. Но разбудить его ей и в голову не пришло. Хватило и того, что он рядом.

Заснуть Дэнни так и не смогла и потому сразу услышала негромкий стук в дверь и женский голос:

— Джереми, ты здесь?

Дэнни замерла. В голове у нее пронесся десяток мыслей, все до единой пугающие. В тревоге она бесцеремонно растолкала Джереми.

— Что? — Он рывком сел и открыл глаза.

— Какая-то девчонка зовет тебя, — сказала Дэнни.

— Не выдумывай. Это тебе приснилось. Из-за двери снова раздался голос:

— Джереми, я тебя слышу. Может, все-таки откроешь мне?

— Боже милостивый! — удивленно ахнул он. — Эми?

— Значит, ты ее знаешь?

Голос Дэнни звучал так сердито и обиженно, что Джереми поспешил объяснить:

— Ты не о том думаешь. Это моя кузина.

— Ну да, как же! — буркнула Дэнни и уперлась ногами ему в поясницу, сталкивая с кровати.

— Дьявол! — Он чуть не плюхнулся на пол. — Говорю тебе, это правда.

И он чиркнул спичкой, чтобы зажечь потухшую лампу. Крохотное пламя выхватило из темноты незнакомое мужское лицо. От неожиданности Дэнни вскрикнула. Непрошенный гость был средних лет, но совершенно седой, волосы неопрятными клочьями выбивались из-под соломенной шляпы. Рослый, тощий, он был одет как нищий — в лохмотья, почти сплошь усеянные дырами.

Незнакомец застыл как вкопанный в нескольких футах от того края постели, где лежала Дэнни. Судя по всему, он был так же ошеломлен, как и обитатели комнаты. В одной руке он держал дубинку, во второй — подушку, которой, вероятно, собирался душить свои жертвы. Он распространял резкий запах спиртного и явно был не в состоянии рассуждать трезво.

— Эми! — крикнул Джереми. — Отойди от двери, сейчас я кое-кого вышвырну! А если у тебя есть оружие, можешь войти!

— У меня нет! — крикнула в ответ Эми. — Зато у Уоррена есть. Он ставит лошадей в конюшню. Скоро он будет здесь.

Не дослушав, Джереми ринулся на незнакомца. При упоминании об оружии у того в глазах мелькнула паника, он отскочил от постели и заметался, не зная, куда бежать. Дэнни попыталась схватить его за ногу, но не удержала. Выдергивая ногу, незнакомец потерял равновесие и рухнул ничком на пол у кровати, но быстро вскочил. С неожиданным для его возраста проворством он устремился к двери.

Джереми кинулся за ним, забыв о своей наготе. Дэнни стала натягивать юбку и блузку, чтобы последовать за ним. Дверь осталась широко распахнутой, женщина в коридоре поспешно отскочила. Если она и вправду кузина Джереми, ей полагалось повернуться к нему спиной.

Джереми вернулся, когда Дэнни уже заканчивала одеваться. Он был мрачен и зол, а Дэнни вдруг расхохоталась.

— Какого черта ты развеселилась? — раздраженно спросил он.

Попав в комедию ошибок, Дэнни заливалась смехом, с трудом объясняя:

— Ты выскочил за ворм в коридор нагишом!

— И шокировал меня! — возмущенно добавила Эми из коридора.

— Он удрал бы, пока я надевал штаны, — резонно возразил Джереми.

— А голым ты его догнал? — спросила Дэнни.

— Нет, — буркнул Джереми. — Он скатился кубарем по лестнице, вскочил и бросился наутек. А гоняться за ним по лесу нагишом я не отважился, тем более босиком.

— Ты хотя бы панталоны успел надеть? — крикнула Эми.

Джереми закатил глаза и потянулся за поданными Дэнни бриджами. Спустя несколько минут он позвал кухню:

— Заходи, детка, и объясни, какого дьявола ты ломилась ко мне среди ночи?

Эми заглянула в комнату, убедилась, что ее кузен выглядит прилично, вошла и возмущенно заявила:

— Я не ломилась, а тихонько постучалась!

— Это правда, — поддержала Дэнни, уже не сомневаясь, что эта женщина приходится Джереми кухней.

Ее убедил тон Джереми, а когда гостя вошла — и ее внешность. Ее волосы были такими же густо-черными, как у Джереми, глаза — такого же редкого разреза, ярко-синие. Эми оказалась удивительной красавицей. Неужели у Джереми все родственники такие?

— Что ты здесь делаешь, Эми? — спросил Джереми. — Кстати, когда это вы с Уорреном вернулись в Англию?

— Мы приплыли сегодня... точнее, уже вчера днем. И мне показалось...

— Господи, да это уже не важно! — застонал Джереми. — Забудь мой вопрос. Ничего не хочу слышать.

— Успокойся. — Эми удобно устроилась на стуле.

Джереми огляделся в поисках рубашки, которую отбросил не глядя. На кухню он старался не обращать внимания. Дэнни сидела на постели, уверенная, что в ближайшее время ей не заснуть.

— Так вот, у входа в гавань мы были уже днем. Наверное, корабль Уоррена до сих пор ждет своей очереди, чтобы подойти к причалу. А у меня, как только я очутилась на пристани, возникло странное ощущение, что тебе грозит опасность. И мы примчались прямо к дяде

Джеймсу, а там узнали, что у тебя теперь свой дом. Там нам сообщили, что ты уехал. Кстати, как тебе живется одному.

— Прекрасно, спасибо. Отцу о своих предчувствиях ты, конечно, не сказала?

— Нет, каким-то чудом промолчала. Мы совсем пали духом, узнав, что дома тебя тоже нет. Хорошо еще, тебе хватило ума предупредить экономку о том, куда едешь.

— Скажи лучше, что именно тебе померещилось, Эми?

— Возникло какое-то неопределенное предчувствие — не просто неприятностей, а настоящей опасности. Ты ничего такого не замышлял?

— Опасного? На ближайшую неделю — нет. Эми нахмурилась и упрекнула:

— Напрасно ты не принимаешь меня всерьез. Ты же знаешь, я никогда не ошибаюсь. Я не потащила бы Уоррена сюда сразу после плавания, если бы сомневалась, что...

— Еще как потащила бы!

Эми раздраженно прищелкнула языком и продолжала:

— Предчувствие не давало мне покоя. Она не собиралась убить тебя... или ограбить?

Дэнни заморгала, обнаружив, что Эми смотрит на нее в упор, не скрывая подозрений. Джереми рассмеялся.

— Разве что довести до блаженного изнеможения, — с трудом выговорил он между взрывами смеха. — Это моя... подруга Дэнни. Дэнни, познакомься с моей неутомимой кухней Эми.

— Подруга? Значит, вот как это теперь называется? — усмехнулась Эми.

— Другого слова не нашлось, — объяснил Джереми. — Быть моей любовницей она наотрез отказывается. Она только моя подруга. И горничная — свое содержание она усердно отработывает.

Эми улыбнулась Дэнни.

— Невероятно! Служанка, которая не желает жить в праздности! Рада познакомиться, Дэнни.

Дэнни коротко кивнула. Ей не нравилось, что ее обсуждают так откровенно. Джереми впервые назвал ее подругой. Сама она сказала бы иначе... но как назвать его, если для нее он больше чем просто хозяин? Партнер? Поклонник? Есть ли название таким отношениям?

— Все в порядке, детка, если не считать того, что ты спасла нас от грабителя, — заверил кухню Джереми.

— Вот как!

— Именно. Но нам ничто не грозило: тот тип был вооружен лишь дубинкой. А ты его спугнула. Видимо, эту встречу ты и предчувствовала.

Эми с сомнением покачала головой, потом согласилась:

— Да, пожалуй, он мог случайно разбудить тебя, завязалась бы схватка, в которой ты мог пострадать... Наверное, этого я и боялась.

— Значит, теперь можно ложиться спать? — спросил Уоррен, появляясь в дверях.

— Добро пожаловать на родину, старина! — Джереми приветствовал кузена широкой и искренней улыбкой. Дэнни он объяснил: — Это второй Андерсон, который вошел в нашу семью. Первой была его сестра Джордж...

— Джорджина, — по привычке поправил Уоррен.

—...которая вышла замуж за моего отца, — договорил Джереми. — Раньше Уоррен был самым ершистым из братьев, а теперь он самый счастливый, и это заслуга моей кузины.

Эми вскочила и низко присела в реверансе.

— Весьма польщена.

Уоррен оказался настоящим верзилой. С братом Дрю Дэнни не уловила в нем никакого сходства, кроме, пожалуй, роста и золотисто-каштановых волос. Зеленые глаза Уоррена теплели, когда он смотрел на жену.

— А это моя подруга Дэнни, — снова произнес Джереми.

— Еще одно мужское имя? — Уоррен покачал головой. — Что у вас, Мэлори, за манера — давать женщинам мужские прозвища?

— Я не виноват, — усмехнулся Джереми. — Это ее настоящее имя, наверное, сокращение от Даниэллы.

— Нет, — упрямо возразила Дэнни.

— Откуда ты знаешь, если ничего не помнишь? — спросил он.

— Просто знаю — и все, — настаивала она. Ей на выручку пришел Уоррен:

— Всем нам необходимо выспаться.

— Для нас нашлась свободная комната? — спросила Эми.

— Напротив, через коридор.

— Превосходно. — Эми продолжала, обращаясь к Джереми: — Увидимся утром. И вернемся в город вместе. Поскорее бы узнать, что тут произошло без меня!

Уоррен повел жену прочь, не давая ей разговориться, и плотно притворил дверь. Джереми улегся на кровать.

— Как ты? — заботливо спросил он у Дэнни.

— А что со мной могло случиться?

— Должно быть, непривычно чувствовать себя не вором, а жертвой вора. Неприятно, правда?

— Не надо упрекать меня в том, что я делала не по своей воле. Воровать я терпеть не могла.

— И все-таки воровала.

— Приятель, я ведь выросла в трущобах. Как думаешь, чем еще может заняться женщина, которая не умеет ни читать, ни писать, ни даже говорить как следует?

— Теперь я понимаю, почему ты наотрез отказываешься стать моей любовницей, — задумчиво произнес он.

— Да, вот наш единственный выбор: воровать или торговать собой.

Он обнял ее за плечи.

— Признайся, ты сейчас думаешь о чем-то другом. Кажется, ты поняла, как чувствовали себя твои жертвы.

Дэнни покачала головой:

— Не угадал, приятель. К тому же нас не ограбили. Я не спала. Я услышала бы, как неизвестный крадется по комнате, если бы в дверь не постучали, или унюхала запах. Ты заметил, как от него несло ромом? Он попался бы, как пить дать. Хороший вор ни за что не пойдет на дело, когда он навеселе.

— Ладно, сдаюсь. — Джереми вздохнул. — Так почему ты вдруг загрустила?

— Не загрустила, а поняла, что для нас с тобой даже нет названия. Ты называешь меня подругой, но от это-го тебе неловко. Ведь ты не считаешь меня просто подругой?

— Ну, если речь об этом слове, тогда ты права. Действительно, тот, с кем ты близок, кто тебе нравится и кому ты можешь открыться, — это не просто друг. — Джереми иронически усмехнулся. — Конечно, мы тоже близки... но в другом смысле. Значит, пока мы не лучшие друзья. Но все еще впереди.

Дэнни удивилась:

— Ты шутишь?

Он притянул ее к себе.

— О нас я никогда не шучу и не буду шутить, Дэнни. До сих пор я не делился с тобой тайнами, но сейчас исправлюсь. Эми — мой лучший друг, и ты часто будешь встречаться с ней, потому что она постоянно бывает у меня, когда Уоррен не увозит ее в Америку. Вам с ней надо бы познакомиться поближе. Тебе она понравится, даже если ты этого не захочешь, — она милая и славная. Только не вздумай держать с ней пари, ни в коем случае!

— Почему?

— Потому что она никогда не проигрывает.

— Ей так везет?

— Нет, у нее есть дар — все эти предчувствия, о которых она говорила. Она никогда не ошибается. Принимай их как предостережения. И если она захочет о чем-нибудь поспорить с

тобой, лучше откажись.

Глава 42

Про Эми Андерсон Джереми сказал чистую правду: не полюбить ее было невозможно. Она была жизнерадостной, искренней, смешливой и донельзя словоохотливой. На обратном пути в Лондон Дэнни сидела в карете рядом с Эми, а Джереми правил лошадьми. Эми как-то незаметно вытянула из Дэнни всю ее историю, а заодно и узнала ее планы на будущее. И ничуть не удивилась, просто заинтересовалась. При этом Эми то и дело поглядывала на спину Джереми, а Дэнни гадала, слушает ли он их разговор. Но поскольку он не вмешивался, она в этом сомневалась.

На окраине Лондона Эми вдруг объявила:

— Нас преследуют.

Джереми сразу остановил лошадей, показав, что он внимательно слушает ее, хотя прошлое Дэнни ему было уже известно.

— Кто? — спросил он кузину, понял, что вопрос нелепый, и поправился: — Они хотят нам зла?

Дэнни уже собиралась сказать, что Эми не может этого знать, но леди ответила:

— Несомненно.

Дэнни стало неуютно. Уоррен, который следовал за ними верхом, вернулся обратно по дороге, надеясь заметить преследователя. Теперь и Дэнни казалось, что за ней кто-то следит; это чувство возникло у нее гораздо раньше, но она отмахивалась от него, вспомнив, как зря волновалась, считая, что кто-то крадется за ней по городу. Но если и Эми чувствует то же самое, Дэнни задумалась. Может быть, стоит обо всем рассказать ей?

Но она придержала язык. Эти два события никак не связаны. В городе ее дважды преследовал тот головорез, о котором рассказывала Люси, — тот самый, что избил Даггера. А нынешний преследователь не имеет к ней никакого отношения, наверное, это какой-нибудь местный разбойник, так и не отважившийся остановить их.

Уоррен вернулся, качая головой: он никого не заметил. Эми успокоилась и объявила:

— Опасность миновала. Ты спугнул их, Уоррен.

И они продолжили путь как ни в чем не бывало. Дэнни усмехнулась. Предсказания Эми оба мужчины восприняли совершенно серьезно. Раз она сказала, что опасность миновала, значит, и беспокоиться не о чем.

Джереми высадил Дэнни у дома, а затем отправился провожать Эми с мужем. Он предупредил, что может задержаться, — ему предстоит встреча с плотника-ми, которые что-то чинят в дядином поместье.

Дэнни сразу после возвращения занялась уборкой, словно и не провела ночь вне хозяйского дома. За время ее отсутствия пыли скопилось немного, поэтому к ужину она управилась. Вернулся Джереми и сразу вызвал ее в гостиную, где ужинал сам.

— Садись, дорогая. Ты уже ужинала?

— Не успела — ты меня позвал.

— Тогда неси сюда свою тарелку и садись за стол. За один стол с ним? Нет, на это Дэнни не могла согласиться.

— Это неприлично. Он вздохнул:

— Тогда не буду тебя задерживать. Только предупрежу, что в субботу я уезжаю.

Дэнни, в свою очередь, вздохнула:

— Незачем меня об этом предупреждать.

— Зачем ты опять воздвигла между нами стену? Я думал, мы договорились быть друзьями. А друзья всегда посвящают друг друга в свои планы.

Она старалась не смотреть ему в глаза. И вправду, что она делает? Держит его на расстоянии, чтобы было легче уйти отсюда? Может быть. Но уйти от Джереми Мэлори непросто. И чем раньше она отважится, тем меньше будет страдать.

Прерывая мучительную мысль, она спросила:

— Так какие у тебя планы?

— Если не считать приема у Крэндлов, все они связаны с тобой.

— У Крэндлов? Это не там Перси ободрали как липку?

Джереми не ответил. Он поднялся, подошел к Дэнни и поставил ее на ноги. И прежде чем она успела опомниться, крепко поцеловал ее. Она не знала, сколько продолжался поцелуй. Все мысли выветрились из ее головы — как всегда, когда Джереми прикасался к ней.

Она обвила обеими руками его шею и ответила на поцелуй. Потом он отстранился, и она поняла, что он рассержен.

Это недовольство отчетливо слышалось в его голосе, когда он предостерег:

— Так будет каждый раз, когда ты попытаешься притвориться равнодушной. Больше так не делай. Мне это не по душе.

Дэнни пыталась притвориться равнодушной только затем, чтобы не выдать волнения. Но оказалось, что все ее старания напрасны. Давно надо было понять это.

Досадуя и на себя, и на Джереми, она ткнула пальцем ему в грудь.

— Я и не думала притворяться. Просто сдерживалась, чтобы не наброситься на тебя и не утащить в спальню. Надо же тебе сначала поужинать.

Он заморгал, а потом расхохотался:

— Господи! Дорогая, можешь набрасываться на меня каждый раз, как только пожелаешь!

Она фыркнула:

— Сядь, приятель. Все уже прошло. А теперь рассказывай, зачем ты едешь туда, где наверняка будет лорд Хеддингс?

Джереми обиженно нахмурился, но все-таки сел.

— Затем, что надеюсь застать его там.

— Хочешь поймать его с поличным?

— Само собой. Он обокрал не только Перси, но и моих родных. Если я не вмешаюсь, мой отец убьет его. Думаю, Хеддингс предпочтет иметь дело со мной.

Дэнни страдальчески вздохнула, надеясь, что насчет отца Джереми не преувеличивает.

— А тебе не приходило в голову, что он орудует не один? Может, на него работает целая армия карманников?

— Ты рассуждаешь, как воровка, дорогая. Посуди сама, станет ли лорд...

— Вот именно. Думаешь, лорд станет рисковать и браться за грязную работу, когда может поручить ее другим? Ты помнишь, что его дом по ночам охраняет вооруженный слуга? Это многое объясняет.

— И вправду странно...

— Ничего странного, просто этот дворецкий привык, что в доме бывают преступники всех мастей, в том числе и мы, — сухо закончила она.

— Очень может быть. Но лучше бы ты ошиблась. Я предпочел бы поймать его за руку. И насладиться триумфом.

Она вздохнула:

— Ты будешь осторожен?

— Ага! — воскликнул он. — Наконец-то ты призналась, что я тебе небезразличен!

— А вот и нет, — проворчала она. — Не ты, а мое жалованье. — И она пошутила: — Заплати-ка мне вперед, до отъезда на эту свою вечеринку.

— За это ты сейчас заплатишься! — пообещал он. И нашел самый приятный способ исполнить угрозу.

Глава 43

В этот вечер Дэнни не стала тушить лампу. Она взяла к себе в комнату котенка и щенка, но не думала, что они мирно проспят всю ночь, поэтому оставила им свет, надеясь, что они, наигравшись, быстро уgomонятся.

Ее разбудил хвост котенка, мазнувший по щеке. К несчастью, она успела почувствовать, как дубинка обрушивается ей на голову, вызывая взрыв боли. Раньше во сне она никогда не чувствовала боль, только помнила о ней, а теперь... Господи, это был не сон!

Он снова замахнулся. Она отчетливо увидела его: седой мужчина средних лет, косматый,

оборванный. Он тут же вспомнился ей молодым, черноволосым, с горящими черными глазами. Этот человек отнял у нее родителей, прежнюю жизнь и память. На постоялом дворе она его не узнала, а теперь ей стало ясно, что это гость из ее прошлого. И он снова пытается убить ее...

Одеяло сковывало ее движения, но от второго удара она увернулась и услышала, как дубинка хрястнула по подушке возле ее головы. Дэнни лихорадочно задергала ногами и руками, уверенная, что на постели третьего удара ей не избежать. А если она запутается в одеяле и окажется перед ним беспомощной, все пропало. Значит, надо попытаться выхватить у него дубинку.

Она обернулась, услышав, как дубинка рассекает воздух, но Джереми, появившийся в комнате как из-под земли, кинулся на убийцу и пригвоздил его к полу. И начал осыпать ударами. В такой ярости Дэнни никогда его не видела. Он был способен убить неизвестного голыми руками.

— Хватит! Он уже не опасен! — крикнула она.

Джереми обернулся. Он держал незнакомца за грудки. Решив, что Дэнни права, он отпустил непрошеного гостя, подошел к Дэнни и внимательно оглядел ее.

— Куда он попал? — хрипло спросил Джереми.

— Мне по голове, но рука смягчила удар — я как раз подняла ее, чтобы снять с подушки котенка.

Джереми ощупал ее голову и нашел быстро вспухающую шишку. Дэнни поморщилась, но промолчала. Голова почти не болела, а рука ныла все сильнее.

— Кожа цела, — сообщил Джереми. — Пару дней у тебя будет болеть голова. Мы приложим к шишке лед. Сейчас велю Арти принести его, только сначала вышвырнем это отребье.

Он выглянул за дверь, позвал дворецкого и сразу же вернулся к Дэнни, усадил ее на постель и крепко обнял.

— Не могу поверить, что эта случилось в моем доме, — пробормотал он. — Скажи, с тобой все хорошо? Ты и вправду не пострадала?

— Почти. Но как ты узнал, что он здесь?

— Меня разбудил какой-то шум — наверное, он что-то уронил в верхних комнатах. Проснувшись, я представил, как ты лежишь в постели — разгоряченная, сонная, — и мне стало одиноко. Эми была права: он следовал за нами от самого постоялого двора.

— За мной, — поправила Дэнни. — В комнатах наверху он искал меня. Это он пытался убить меня в детстве. Он убил моих родителей.

Джереми недоверчиво уставился на нее:

— И ты не узнала его на постоялом дворе?

— Я узнала его только сегодня, когда увидела, как он замахнулся дубинкой. Мне надо было догадаться, что в ту ночь он не собирался нас грабить. В последнее время мне все кажется, будто за мной следят. Но пока я бродила по городу, мне удалось сбить его со следа.

— А он не прекратил поиски и в конце концов отыскал тебя на постоялом дворе?

— Похоже на то.

— Может, он просто убирал свидетелей, боялся, что ты его узнаешь?

— Да нет, вряд ли. Говорю же, я только что вспомнила его.

— Но он-то этого не знал.

— Да... Берегись! — вскрикнула она, увидев, что пришедший в себя неизвестный подкрадывается к Джереми сзади.

Джереми стремительно обернулся, но убийца передумал нападать и метнулся к двери. И судя по ругани и шуму из коридора, столкнулся с Арти и сбил его с ног. Джереми велел Арти схватить беглеца, решив не спускать с Дэнни глаз, пока этот безумец в доме.

— Арти догонит и приведет его. От него никому не уйти.

Но дворецкий вскоре вернулся и объявил:

— Он мертв.

— Дьявол тебя побери, Арти! — выругался Джереми. — Я хотел допросить его, а не хоронить!

— Я его не убивал, — принялся оправдываться Арти. — Он выскочил из дома через открытое окно — то самое, через которое влез, — и напоролся на острое стекло.

Дэнни вдруг заплакала — безмолвно, горько, отвернувшись от мужчин. К счастью, Джереми вместе с Арти ушел осматривать труп и вызывать полицию, поэтому Дэнни успела прийти в себя и успокоиться. Однако слезы неудержимо текли по ее щекам: только теперь она поняла, что погибший наверняка знал, кто она на самом деле. Но рассказать уже ничего не мог.

Глава 44

— Ты едешь со мной, и точка, — заявил Джереми.

— Напрасно ты беспокоишься, приятель, — возразила Дэнни. — Тот убийца работал в одиночку. Больше сюда никто не ворвется.

— Откуда ты знаешь? Может, ты что-то вспомнила?

Разговор происходил в спальне Джереми. Он укладывал вещи для воскресной поездки к Крэндлам. Из-за ночного происшествия он отложил отъезд. Между делом он упомянул, что у Крэндлов собирается немного народу и нечасто, пару раз за сезон, так что другая возможность последить за Хеддингсом и поймать его с по личным может представиться не скоро. Дэнни заверила его, что она чувствует себя прекрасно и ему незачем менять планы из-за нее.

Ей казалось, она уже добилась своего. Джереми согласился. Но потом позвал ее к себе и сообщил, что они уезжают вместе.

— Больше я ничего не помню, — призналась она, отвечая на вопрос.

Она до сих пор была потрясена тем, что сумела вспомнить свое имя, но, увы, не фамилию.

Наутро, проснувшись в объятиях Джереми, она вдруг выпалила:

— Меня зовут Дэнетт! — И она рассмеялась: — Совсем не похоже на Даниэллу, правда? Только не зови меня так. Для меня это чужое имя.

— А по-моему, очень красивое, — не согласился Джереми.

— Лучше бы я его не вспоминала.

Имя не забылось. И Дэнни уже надеялась, что скоро к ней вернутся другие воспоминания. Неужели из-за еще одного удара по голове? Или потому, что ее самый страшный сон стал явью? Так или иначе, теперь она пребывала в уверенности, что скоро вспомнит все.

— И все-таки ты поедешь со мной, — настаивал Джереми. — Или ты предпочитаешь уборку развлечениям?

Дэнни фыркнула:

— Будем рассуждать здраво: на таких приемах мне не место. Вспомни, какой шум ты поднял из-за бала.

— Но ты прекрасно справилась с ролью.

— И что теперь? Значит, надо слоняться по балам и приемам? У меня и одежды такой нет. Только бальное платье...

— Оно прекрасно подойдет.

— На два дня? Да многие из вас, аристократов, ни за что не наденут один и тот же туалет два дня подряд.

— Только это платье нашлось в единственном уцелевшем сундуке — остальные свалились в реку. Все понятно.

Дэнни уставилась на него, потом расхохоталась.

— Кто поверит в эту чушь?

— Всякий, кто ее услышит. Думаешь, у аристократов никогда не пропадает багаж? А если порвались ремни и сундуки с саквояжами скатились прямо в реку с крутого холма? Уверю тебя, в высшем свете такие досадные происшествия не редкость.

Опять он настоял на своем, негодяй! Несмотря на все ее возражения, он продолжал ходить кругами, умасливать и упрашивать и, наконец, нанес удар в лоб.

Напоследок Дэнни предупредила:

— Знаешь, приятель, если ты не прекратишь выдавать меня за леди, я начну подыскивать себе в мужья лорда, да побогаче.

Но и это не помогло. Небрежным тоном Джереми отозвался:

— Давненько я никого не убивал на дуэлях. Пожалуй, самое время начать.

Дэнни поспешно умолкла. Конечно, он пошутил, но в этот момент напомнил собственного отца. Все-таки он сын Джеймса Мэлори, и хотя кузина считает его неотразимым негодяем, возможно, у Джереми есть и другие черты — из тех, о которых лучше не знать.

* * *

— Вот уж не думала, что доживу до того дня, когда увижу тебя влюбленным! — воскликнула Эми. Вместе с Уорреном, Джереми и Дэнни она отправилась в гости к Крэндлам. Джереми заехал к Эми и Уоррену за каретой, а ему напомнили, что «Даниэлле» понадобится компаньонка.

— Прикуси язык, кузина, — предостерег Джереми. — Ничего ты еще не видела.

Эми подняла брови.

— Только не говори, что ты узнал об этом последним!

И она рассмеялась, а Джереми только скрипнул зубами. Во время танцев им представилась первая возможность поговорить с глазу на глаз — с тех пор как Эми вернулась в Англию. Трио музыкантов начало играть сразу после ужина. Пока Уоррен развлекал Дэнни, обучая ее игре в карты, Эми позвала кузена танцевать.

Лорд Хеддингс еще не появился и мог совсем не приехать. Эми согласилась побыть приманкой и надела свои лучшие украшения. Но всем уже казалось, что визит пройдет мирно.

— Видишь, ты не можешь отвести от нее взгляд даже на две минуты, — торжествующе заключила Эми, словно это все объясняло.

Джереми фыркнул:

— Она изумительная красавица. Само собой, я готов смотреть на нее не отрываясь. Надо быть слепым, чтобы не смотреть на нее.

— Даже если ты влюблен в нее — что тут такого? Она явно из хорошей семьи.

— Если бы я и вправду любил ее, мне не было бы дела до того, из какой она семьи. Кстати, откуда ты знаешь про ее семью, черт возьми?.. Можешь не отвечать. Забудь.

— Не волнуйся, это не предчувствие. Просто понаблюдай за ней и прислушайся — и тебе сразу станет ясно, что она получила прекрасное воспитание.

Джереми расхохотался и объяснил:

— Детка, слышала бы ты, как она говорила несколько недель назад! Словно ее вытащили из уличной канавы — собственно, так оно и было.

— Вот именно! — подхватила Эми. — Неужели ты думаешь, что человека можно научить так правильно говорить всего за несколько недель? Немыслимо, если он не говорил так раньше. Она же сама объясняла, что ее подруга Люси обучала ее говорить по-уличному. Тебе никогда не приходило в голову попытаться, где она жила, прежде чем попала в воровскую шайку?

— Конечно, приходило, но что я мог, если она не помнит даже свою фамилию? Она уверена, что ее родителей убил тот же ублюдок, который чуть не прикончил ее. Иначе они нашли бы ее.

Значит, ей некуда идти, даже если к ней вернется память.

— На твоём месте я бы на это не рассчитывала, — заявила Эми. — У нее могут найтись другие родственники. И даже если их нет, это еще не значит, что она всю жизнь будет служить в твоём доме горничной. У девушек есть свои цели, Джереми, да будет тебе известно, а ты помоги осуществить лишь одну из них — когда дал ей работу.

— Знаю я про ее цели, — проворчал Джереми. — Черт возьми, неужели она рассказала тебе всю историю по пути в Лондон?

Эми усмехнулась:

— Я умею кого угодно заставить разговариваться. От меня ничего не утаишь.

— Очень жаль.

— Не знаю, зачем ты отрицаешь то, что очевидно. Ты бы мог помочь ей осуществить и остальные цели — правда, порядочным мужчиной тебя не назовешь. — Эми притворно вздохнула. — Нет, напрасно я об этом заикнулась.

Джереми нахмурился. Он не терпел, когда Эми поддразнивала его, а она отличалась остроумием, как и двое ее прославленных дядюшек.

К счастью, тему удалось сменить.

— А, вот и он наконец!

Эми повернулась в ту же сторону.

— Лорд Хеддингс?

— Да. Пойдем, я представлю тебя ему — пусть хорошенько посмотрит на твои безделушки. Вам с Уорреном отвели отдельную комнату, верно? Значит, кто-нибудь из сообщников Хеддингса уже задумал нанести вам визит.

— Да, у нас своя комната. Крэндел договорился с ближайшими соседями и разместил у них некоторых гостей. Хорошо, что мы прибыли пораньше, иначе пришлось бы ночевать в другом доме. А ты где устроился?

— В общей комнате с полудюжиной холостяков. А Дэнни — в обществе юных леди. Жаль, что я об этом не подумал заранее.

— Не беспокойся, с ней все будет хорошо.

Обведя взглядом комнату, Джереми заметил, что Дэнни, которую он оставил за ломберным столом рядом с Уорреном, нигде не видно. А Хеддингс направлялся к игрокам.

— Перехватим его, пока он не сел! Всем известно, что он способен играть ночи напролет. А потом поищем Дэнни.

Уоррен объяснил, что она ушла спать. Так рано? Она ссылаясь на мигрень, и Джереми счел ее слова притворством, забыв об ударе по голове. Наверное, лжет она так же искусно, как и воруется.

Джереми решил проведать ее и торопливо поднялся наверх. Остальные обитательницы комнаты еще развлекались. Он постучат. Она открыла дверь — одетая, словно и не думала ложиться.

— Почему ты мне не сказала, что у тебя болит голова? — упрекнул он.

— Потому что она не болела. Но разболелась, когда я думала, с какой карты ходить.

Он подозрительно нахмурился:

— Ты не стала бы обманывать меня?

— Очень может быть. Воры ловко врут, да будет тебе известно.

Он помрачнел, а Дэнни усмехнулась:

— Шучу, приятель. Какой ты сегодня обидчивый!

Он вздохнул и прислонился к дверному косяку.

— Мне говорили, у Крэндлов прекрасный парк. Я надеялся попозже показать его тебе.

Она вскинула бровь.

— Не лучше ли осмотреть его днем? Разве в темноте я увижу то, что ты собирался мне показать?

— Для этого свет тебе не нужен. — И он притянул ее к себе, впиваясь губами в ее губы. Ему хотелось поглотить ее целиком. Поцелуй был чувственным и страстным. Господи, как ему нравился ее вкус! Дэнни целовалась, крепко прильнув к нему всем телом.

Джереми пришлось резко отстраниться, иначе он обезумел бы и понес ее в постель, а сюда, в комнату, скоро могли вернуться другие обитательницы. Он отступил, с удивлением чувствуя, что дрожит.

— Прости, — пробормотал он. — Мне не следовало этого делать.

— Да, пожалуй, — задыхаясь, кивнула она.

Он мысленно застонал, торопливо запахал руки в карманы, чтобы не схватить ее в объятия и не объяснить, как ему не терпится заняться с ней любовью прямо сейчас.

— Хеддингс наконец-то явился, — сменил он тему.

— Удачно все складывается, верно?

— Ты о чем?

— Если он не знает, что я здесь, то и не станет высматривать меня утром. Пересчитает гостей и ускользнет обшаривать чью-нибудь комнату. Конечно, если посмеет.

— Думаешь, он отважится?

— Думаю, он слишком умен, чтобы воровать самому.

— Вряд ли. Перед искушением он не устоит.

— А если его поймают?

— Некоторых людей возбуждает опасность. Но по-моему, правы мы оба. Своей шкурой он рискует нечасто. Но у нас есть соблазнительная приманка — драгоценности Эми. Она много путешествует, она вышла за капитана. Если Хеддингс заметит ее драгоценности, то не станет поджидать другого случая.

— Откуда ему знать, что в Англии она бывает редко?

— Она сама скажет ему об этом. Эми еще хитроумнее, чем Реджи. Она вскользь упомянет, что они с Уорреном только что вернулись домой и через несколько дней снова уплывают. Даже намекнет, что могли и не возвращаться: Уоррен нашел новый торговый путь в обход Англии. А завтра она оставит драгоценности в комнате. Так что сейчас или никогда.

Дэнни пожала плечами, признавая его правоту.

— Ну, если он настолько глуп, есть шанс, что меня он вообще не заметит. Утром я задержусь в комнате и прослежу за ним. Он бросится сюда, как только решит, что все гости уже спустились вниз. Джереми покачал головой:

— Тебе не придется ловить его в одиночку, дорогая. Я последую за ним через несколько минут...

— Хочешь упустить его? Застать в холле или в собственной комнате? Так мы ничего не докажем. Надо точно рассчитать время.

— Драгоценности Эми будут служить доказательством.

— Если Хеддингс не спрячет их где-нибудь в доме. Он может даже выбросить их в окно в конце коридора, где поджидают его сообщники. Эми хватится своих вещей, в доме поднимется суматоха, начнутся поиски. Значит, держать их при себе Хеддингс ни за что не будет.

— Черт возьми, откуда ты все это знаешь? Опять мыслишь как воровка?

Она усмехнулась:

— Я тоже не прочь поучаствовать в облаве. Я буду здесь и направлю тебя по верному пути.

— И пропустишь все развлечения?

— Приятель, мне они не нужны. Если до полудня Хеддингс не явится сюда, я спущусь к ленчу. Из-за какого-то воруги я не собираюсь умирать с голоду.

Глава 45

На следующее утро Дэнни пожалела о своем решении остаться наверху: вскоре после пробуждения она проголодалась. Поскольку спать она легла раньше, то и проснулась раньше остальных юных леди, с которыми делила комнату, и прочих гостей. Не выдержав, Дэнни решила потихоньку спуститься вниз, раздобыть какой-нибудь еды и вернуться в спальню.

Когда девушки проснулись и стали одеваться к завтраку, Дэнни под тем же предлогом головной боли объяснила, что компанию им не составит. Горничных они с собой не привезли,

поэтому помогали друг другу одеваться. И не скрывали зависти к Дэнни: до всех дошли слухи, что за ней ухаживает сам Джереми Мэлори, и эти слухи подтвердились, поскольку она приехала в гости с ним и его родными.

Дэнни пришлось выслушивать дифирамбы в адрес Джереми: оказалось, что его считают самым завидным холостяком во всей Англии. Она с трудом сдержала смех. Да, он холостяк. Завидный и совершенно неисправимый.

Оставшись одна, она удобно устроилась поближе к двери, чтобы слышать шаги в коридоре, пока остальные гости внизу. Конечно, лечь на пол и следить в щель под дверь за проходящими ногами, как делала в доме Хеддингса, она не собиралась: кто-нибудь из юных леди мог вернуться. Дэнни приоткрыла дверь, оставив узкую щелку, и села возле нее. В щелку ей была прекрасно видна дверь комнаты Эми, находящейся напротив.

Долго ждать не пришлось. К двери подошел хорошо одетый джентльмен средних лет. Рослый, благородный с виду, с седоватыми висками. Он остановился возле двери Эми, огляделся по сторонам и взялся за ручку. Дверь открылась, незнакомец проскользнул в комнату.

Дэнни изумленно застыла. Она надеялась, что Хеддингс окажется умнее, но Джереми был прав... или это не сам лорд Хеддингс? Но кто еще это может быть? Вчера за ужином она видела всех гостей и этого джентльмена среди них не заметила. Для слуги он был слишком изысканно одет. А осторожность явно свидетельствовала, что в комнату он проник не с добрыми намерениями.

Дэнни ждала, что вот-вот в коридоре зазвучат шаги Джереми, но за дверью было тихо. Хеддингс скоро покинет комнату. А если это случится до появления Джереми? Может, он ничего и не заметил? Хеддингс опять ускользнет, если Джереми не подоспеет вовремя. Конечно, можно обвинить Хеддингса публично, заявить, что она видела, как он вошел в комнату Эми. Но к тому времени он наверняка сумеет избавиться от драгоценностей.

Дверь опять приоткрылась — совершенно бесшумно. Хеддингс вышел не сразу: сначала он выглянул в коридор и осмотрелся. Никого не заметив, он поспешно выскользнул из комнаты и притворил за собой дверь. И торопливо зашагал прочь по коридору.

Чтобы решить, как быть, у Дэнни осталось всего несколько секунд. Может быть, задержать его до прихода Джереми?

Она шагнула в коридор и окликнула джентльмена:

— Пойдите, лорд Хеддингс!

Он обернулся. Дэнни видела, что коридор совершенно пуст, спрятать драгоценности негде — поблизости нет ни столика, ни вазы. А до окна еще слишком далеко. Значит, драгоценности у него.

Но вдруг Дэнни заметила, что Хеддингс смотрит на нее остекленевшими, выпученными глазами. Решил притвориться ни в чем не повинной жертвой ошибки? Дэнни мысленно фыркнула. Лучше бы сначала выслушал обвинения. И она напрямик заявила:

— Не трудитесь понапрасну, милорд. Мне известно, что вы сделали.

— Значит, он с тобой так и не покончил? — выговорил опомнившийся Хеддингс презрительным тоном. — Каким растяпой был пятнадцать лет назад, таким и остался. А ты все равно ничего не

докажешь.

Дэнни пошатнулась. У нее перехватило дыхание. Он говорил не о воровстве, а о человеке, который дважды пытался убить ее.

И вдруг Хеддингс метнулся к ней, схватил за шею и сдавил, прохрипев:

— Я сам добыю тебя!

Она вцепилась в его пальцы, пытаясь оторвать их от шеи, но слишком быстро теряла силы и сознание. Глаза заволакивал серый туман. Последним, что она увидела, была ненависть в его глазах...

Джереми появился из-за угла. Он мысленно вздохнул, увидев, что Дэнни стоит в коридоре перед Хеддингсом, спиной к нему, Джереми. Он же просил ее не вмешиваться! Когда она научится хоть изредка прислушиваться к его словам?

Он уже приближался, когда Дэнни вдруг осела на пол к ногам Хеддингса.

— Что с ней?!

— Обморок, — объяснил Хеддингс. — Сегодня она еще не завтракала и вчера почти не ела. Я принесу нюхательные соли.

Джереми опустился на колени, чтобы взять ее на руки, и тут заметил красную полосу на шее, повыше воротника платья. В смятении он забыл, как надо дышать, у него вырвался сдавленный крик. Прижимая к себе обмякшее тело Дэнни, он раскачивался из стороны в сторону, боль рвала его на куски. Такого горя он не испытывал с тех пор, как потерял мать.

— Джереми... — нерешительно начал Уоррен, коснувшись рукой его плеча.

Джереми поднял голову. Сквозь пелену слез он почти ничего не видел.

— Он задушил ее, — сдавленно выговорил он. Уоррен наклонился, попытался взять Дэнни на руки, но Джереми ее не отдал. Уоррен нерешительно произнес:

— Джереми, она жива. Она еще теплая. Джереми замер, перевел взгляд на грудь Дэнни, но та была неподвижна. Приложил ухо к губам и услышал еле уловимый вздох.

— Господи! — вскричал он и прижал Дэнни к себе. Уоррен поборол нерешительность и заявил:

— Джереми, ты сам ее задушишь! Ей же нечем дышать. Отпусти сейчас же.

Место горя в душе Джереми заняло новое, всепоглощающее чувство.

— Присмотри за ней, — попросил он Уоррена. — А я разыщу его.

— Не спеши, у тебя уже есть достаточно улик против него. Пусть полиция...

Продолжать Уоррен не стал — Джереми все равно его не слушал. Он метнулся по коридору к единственной открытой двери. Хеддингс как раз пытался выбраться в окно. Джереми схватил его за воротник, рывком втащил в комнату и вместе с ним покатился по полу. В яростной схватке Хеддингсу удалось выхватить из кармана пистолет, прихваченный в комнате, — именно поэтому он не сбежал сразу.

Джереми не сразу заметил оружие. Комнату огласил выстрел, мимо головы Джереми просвистела пуля. Он ринулся на противника, вышиб оружие у него из рук и принялся молотить его обоими кулаками. В этот момент ему хотелось только одного: стереть Хеддингса в порошок, избить, вышибить из него дух, не важно, что будет потом. Хеддингс должен поплатиться за то, что чуть не убил Дэнни, — только эта мысль билась в голове Джереми.

Его с трудом оттащили. Такой подвиг оказался по плечу только Уоррену, по силе не уступавшему Джереми. На выстрел сбежался чуть ли не весь дом. Хеддингс остался жив, несмотря на опухшее, залитое кровью, изменившееся до неузнаваемости лицо и многочисленные переломы.

Предоставив Уоррену объяснять гостям, что здесь произошло, Джереми бросился к Дэнни. Уоррен успел отнести ее в свою комнату и оставить на попечение Эми. Дэнни уже пришла в себя и сидела на постели, осторожно ощупывая шею. От облегчения Джереми напустился на нее:

— Зачем ты его остановила?

— Он решил, что я обвиняю его в другом преступлении.

— О чем ты говоришь?

Ответить Дэнни не успела: Эми взмахом руки велела Джереми отойти.

— Расспросишь ее потом. Ты что, оглох, Джереми? Не слышишь, что она едва говорит?

Он уставился на Дэнни. Красная полоса у нее на шее поблекла, обещая через несколько часов превратиться в сплошной синяк. Мгновенно разозлившись на себя, он встал на колени перед кроватью и прижал к губам руку Дэнни.

— Прости. Эми права: побереги горло. Постарайся пока не говорить.

— Если захочу, то буду, приятель.

Выслушав этот упрямый ответ, Джереми развел руками. Эми предложила:

— Оставим ее, ей надо отдохнуть.

Джереми не желал отходить от Дэнни ни на секунду, а еще больше ему хотелось увезти ее домой и окружить заботами. Но в ответ на слова кузины он молча кивнул. Предстояло еще объяснение с судьей. Лорд Хеддингс должен был поплатиться не только за воровство.

Но в голове у Дэнни теснилось слишком много вопросов.

— Пойдите! А что стало с Хеддингсом?

Джереми надеялся, что его ответ получится исчерпывающим:

— Пока он без сознания, так что никуда не сбежит. Кажется, он сломал по крайней мере одну руку, отбиваясь от меня.

— Ты избил его?

— Вроде того. Уже послали за судьей. Наверное, он захочет допросить и тебя, но я позабочусь,

чтобы расспросы продолжались недолго.

— Он хотел убить меня, — прошептала Дэнни. — И не потому, что я поймала его на воровстве. Он знает, кто я такая. И знал того человека с дубинкой. Кажется, его подослал Хеддингс.

— Ты его узнала?

— Нет, этого человека я никогда раньше не видела. Но он узнал меня с первого взгляда. Он сможет объяснить, кто я такая.

— Если захочет. Вряд ли мы сейчас вытянем из него хотя бы слово, дорогая.

Глава 46

Джереми решил исполнить просьбу Дэнни и допросить Хеддингса, пока того не увезли. Местный судья поблагодарил Джереми за содействие и признался, что уже некоторое время охотился за лордом Хеддингсом, но тому всегда удавалось выходить сухим из воды. Как и думала Дэнни, у него имелись сообщники. Хеддингс высматривал на званых вечерах драгоценности, узнавал, где живут их владельцы, а потом подсылал к ним воров. Редко случалось, чтобы он крал драгоценности сам.

Под подозрение Хеддингс попал, когда в нем разыгралась алчность. Почти все краденое он просто продавал, а вещи, принадлежащие богатым аристократам, несколько месяцев держал у себя. Затем он встречался с владельцами украденного, говорил, что слышал про их потерю, и объяснял, что случайно видел похожие драгоценности в каком-нибудь ломбарде и купил на всякий случай. За эту услугу вместо денег он требовал одолжений, но теперь они не принесли ему никакой пользы.

Ожерелье Эми вывалилось из кармана Хеддингса прежде, чем он пришел в себя, притом в присутствии такого количества свидетелей, что оправдаться лорду было нечем. Очнувшись и обнаружив, что он закован в наручники, Хеддингс рассвирепел. Вероятно, ярость заглушила почти всю боль. И накрепко закрыла ему рот.

— Вы пытались убить ее. Зачем?

— Значит, она жива? Жаль.

Джереми с трудом сдержался, чтобы не сбить собеседника с ног ударом в челюсть. Хеддингс только посмеивался, понимая, что трое констеблей не дадут Джереми вышибить из него дух.

— Почему вы ненавидите ее? — спросил Джереми.

— Ненавижу? Я с ней даже не знаком.

— Значит, вы ни с того ни с сего пытались убить красивую девушку?

Хеддингс фыркнул:

— Все дело в том, кто она такая, Мэлори.

— Так кто же она?

Хеддингс притворился удивленным.

— А она вам не сказала?

— Она этого не знает.

По комнате раскатился злорадный хохот Хеддингса.

— Вот так штука! Стало быть, я отмщен.

— Кто она?

— Думаете, я вам отвечу? — ехидно отозвался Хеддингс. — Да ни за что! Эту тайну я унесу с собой в могилу.

— Вы лжете!

— Продолжать разговор я не намерен. — И Хеддингс обратился к констеблям: — Уведите меня отсюда или уведите его, мне все равно.

Джереми попытался задать Хеддингсу еще несколько вопросов, но понял, что это напрасный труд. Он убедился, что Хеддингс назло ему будет хранить молчание.

Пришлось вернуться к Дэнни с плохими вестями. До конца дня ей было велено оставаться в постели. Среди гостей оказался врач. Он наложил на шею Дэнни холодный компресс и дал ей смягчающий бальзам. Горничная меняла компрессы, как только они нагревались. Джереми выслал служанку из комнаты.

— Ну, что он сказал? — с надеждой спросила Дэнни. Джереми присел на кровать рядом с ней и приложил ладонь к ее щеке.

— Какая разница, кто ты, детка? До сих пор это неведение тебе не мешало.

Она откинулась на подушку.

— Ты прав, это не важно.

— Я так не говорил...

— Нет, ты действительно прав. Вряд ли у меня есть семья, вряд ли меня где-нибудь ждут. Если бы ждали, то искали бы меня, верно? Или мисс Джейн пообещала бы отвести меня домой. Но она об этом и не заикалась, значит, идти нам было некуда. Он ничего тебе не сказал?

— Нет.

— А ведь он все знает! Это сразу видно — по его глазам, по лицу. Увидев меня в коридоре, он застыл как вкопанный.

— Да, он что-то знает, но решил назло нам сохранить эту тайну. Ведь он попался по нашей вине. И теперь ему грозит тюрьма.

— А если ты пообещаешь отказаться от обвинений? Джереми грустно улыбнулся:

— Слишком поздно. В доме полно гостей, всем известно, что Хеддингс пытался придушить тебя, нескольких он грабил раньше, у него нашли ожерелье Эми. И потом, Хеддингс уже много лет был под подозрением. Недоставало только доказательств. Но мы их нашли.

Джереми намеревался снова расспросить Хеддингса, но молчал, не желая вселять в Дэнни напрасную надежду. Прежде следовало подождать несколько недель, чтобы Хеддингс осознал все ужасы тюремного заключения, а потом предложить ему сделку. Она вздохнула:

— По крайней мере сюда мы приехали не зря.

— Ты чуть не погибла.

От укоризненного тона она поморщилась.

— Я только хотела задержать его. Ты слишком долго медлил, — ответила она упреком на упрек. — Он мог спрятать драгоценности, и что бы ты тогда стал делать?

— То же, что и теперь. Зато ты осталась бы невредима.

Она нахмурилась:

— Откуда мне было знать, что он узнает меня и попытается убить, забыв о краденном? Я и не подозревала, что это он подослал ко мне убийцу.

— Верно, и мне бы это в голову не пришло. Ну, отдыхай. Завтра утром мы поедем домой.

— Лучше прямо сейчас. Со мной все в порядке — видишь, даже голос стал прежним. Несколько синяков — слишком низкая плата за мою глупость. Я бы предпочла заняться уборкой, а не валяться без дела и не думать о том, что сегодня узнала.

Джереми пришлось уступить.

Глава 47

Еще четыре дня Дэнни ждала, когда синяки на шее поблекнут, а горло перестанет саднить. Никакие мелкие неприятности не заставят ее отказаться от своих планов. А еще она ждала, чтобы Джереми покинул дом больше чем на два часа, и в этом ей помог Перси. Он пригласил Джереми на какие-то бега на расстоянии часа езды от Лондона. Дэнни сомневалась, что Джереми попытается ее остановить, но рисковать не стала, поэтому терпеливо дождалась, когда он уедет.

Как только Джереми покинул дом утром в день бегов, Дэнни отправилась к себе собирать вещи. Сборы были недолгим. Бальное платье она решила не брать с собой, но потом вспомнила, что портниха миссис Робертсон живет неподалеку, и прикинула, что сможет обменять у нее платье на несколько медяков, а то и фунтов. Пока она не найдет новую работу, ей пригодится каждый грош.

Дэнни считала, что поиски не затянутся надолго. Теперь у нее уже есть опыт, речь стала чистой и правильной, и даже в минуты волнения она уже не сбивалась на уличный говор. Может быть, ее возьмут даже в какой-нибудь из домов в том же районе, лишь бы не слишком близко к дому Джереми. Но ее устроят и кварталы, где живут представители среднего класса. Там будет легче искать мужа — пусть не джентльмена, зато не слишком гордого, чтобы жениться на служанке.

Хорошо бы оставить Джереми записку. Уходить без объяснений ей не хотелось. Вот и еще одна новая цель: как только у нее появятся деньги, она сразу начнет учиться читать и писать. А пока Дэнни позвала к себе в комнату Клэр и попросила написать записку под ее диктовку.

— Мне пора искать себе новую работу, — объяснила она подруге. — Если мне разрешат, я проживу несколько дней там, где жила раньше, а потом отправлюсь на поиски. Или сниму комнату.

— Но зачем тебе уходить? — расстроилась Клэр. — Мы же только что подружились...

— Наша дружба не закончится. Мы будем встречаться, я стану иногда навещать тебя. — Дэнни не собиралась делать этого, чтобы лишний раз не видеться с Джереми. — А еще лучше, если ты будешь приходить ко мне. Как только я устроюсь на новом месте, я дам тебе знать.

Клэр вздохнула и подозрительно спросила:

— А ты не беременна?

Дэнни покачала головой:

— Нет, мне повезло. Но еще неизвестно, что было бы дальше, если бы я осталась. Мэлори вряд ли попытался бы отнять у меня ребенка, но уходить вместе с ним мне было бы еще тяжелее.

— Так оставайся!

— Клэр, я не могу: я влюблена в него, а он хочет, чтобы ради него я отказалась от своих целей.

— Значит, он ничего не знает?

— Конечно, нет. Иначе он попробовал бы отговорить меня. Ему это прекрасно удается. Так что не говори ему, куда я ушла. Просто напиши от моего имени записку.

— Конечно.

— Объясни за меня, что я благодарна ему за все. Теперь я твердо знаю, что добьюсь своего.

Клэр вскинула бровь.

— Думаешь, ему будет приятно читать это? Или он не знает, к чему ты стремишься?

— Ты права, пиши дальше. Объясни, что я буду скучать по нему, но у каждого своя дорога. И еще... — Она помедлила, стараясь проглотить вставший в горле ком. — Я не жалею, что стала ему другом.

— Что?

— Он поймет. Ну, мне пора. Присмотришь за моими питомцами?

— Ты не возьмешь их с собой?

— Только Хвостика. А двое других — его подарок. — Дэнни обняла Клэр. — Я буду скучать по тебе. Обо всех вас.

— Ох, сейчас расплачусь... Уходишь — так уходи скорее. Удачи тебе!

Дэнни в последний раз сбегала наверх. Несмотря на предостережение Джереми, она забрала свою старую шляпу. Не для того, чтобы носить ее, — с юбкой шляпа смотрелась нелепо. Просто в этом доме не должно было остаться ни единой частицы Дэнни.

Она остановилась и обвела комнату взглядом. Коснулась его постели, подушки. И расплакалась.

Ей не хотелось уходить. Впервые она отчетливо поняла, что влюблена в Джереми Мэлори. Как такое могло случиться? Она думала, что расстанется с ним вовремя. Но опоздала. С Джереми она мечтала прожить всю жизнь. Он мог исполнить все ее мечты — если бы захотел. А если... Господи, если он захочет? А она уйдет и ничего не узнает?

Значит, остается прибегнуть к последнему средству: задать ему прямой вопрос, поставить на карту все, и пусть только попробует переубедить ее! Она не согласится. Ее решимость уже окрепла. Но если он будет убеждать и уговаривать, ей станет гораздо тяжелее...

Дэнни застыла в нерешительности. Здесь ее удерживала только крохотная надежда, что Джереми любит ее, что он махнет рукой на условности и женится на ней.

Наконец решившись, Дэнни спустилась вниз и попросила Клэр пока спрятать записку, объяснив почему.

— Какая ты смелая! Я бы ни за что не отважилась, — вздохнула Клэр. — Удачи тебе, Дэнни.

Джереми вернулся домой к обеду. Вместе с Перси. С хохотом они вошли в холл. Дэнни наблюдала за ними, стоя в дверях гостиной. Мешок она припрятала за дверью.

Должно быть, выражение ее лица что-то сказала Джереми — он вдруг посерьезнел и попросил Перси:

— Сходи на кухню, скажи, что мы проголодались как волки. Я не задержусь. — Он подошел к Дэнни и коснулся ее щеки. — Что случилось, дорогая?

Она отступила на шаг, приглашая его войти в гостиную. Прикосновение Джереми сбило ее с мысли. Он вошел следом и снова потянулся к ней, но она остановила его.

— Я ухожу, Джереми.

— А я только что вернулся. Куда ты идешь?

Может, он пьян? Что непонятного в ее словах? Нет, вряд ли. Джереми Мэлори никогда не пьянеет.

— Я не вернусь. Ухожу навсегда.

— Черта с два!

— Я и без того задержалась. Но не пойми меня превратно: я ничуть не жалею о времени, которое провела с тобой. Я... буду скучать по тебе. — Она сделала паузу, переживая спазм в горле. — Но у меня своя жизнь.

— Не делай этого, Дэнни.

— Тогда убеди меня остаться! Я не хочу делить только крохи твоей жизни. Я мечтаю о настоящей семье и законных детях. Если ты на мне не женишься, я здесь не останусь.

Ей казалось, будто она выложила на стол собственное сердце. А Джереми промолчал. Его лицо стало непроницаемым. При таких выразительных глазах? Значит, это и есть его ответ. Он не

собирался напоминать ей, что не создан для брака. От этого он ее избавил. Господи, как она была глупа, если цеплялась за напрасную надежду!

Дэнни сама не понимала, как ей удалось не разрыдаться перед Джереми. Но едва она выбежала из дома, слезы хлынули ручьем. Думать о расставании оказалось гораздо легче, чем выйти за дверь и осознать, что больше она никогда не увидит Джереми Мэлори.

Глава 48

Дэнни понадобилось несколько часов, чтобы выяснить, куда Даггер переселил своих подопечных. Но она знала, кого расспросить, хотя и удивлялась, что бывшие соседи не могут ее узнать. А те, кто узнал ее, никак не могли прийти в себя от такой перемены. Многие Дэнни помнила с детства.

Неужели она так изменилась? Наверное. И не потому, что стала одеваться, как подобает женщине. Она уверенно шагала по улицам самых опасных трущобных районов столицы, ничего не боясь и ни перед чем не останавливаясь.

Даггер был дома. И Люси тоже — она радостно завизжала, увидев в дверях Дэнни. Дети обступили ее, криками требуя внимания. Прошло добрых десять минут, прежде чем Дэнни решилась взглянуть на Даггера.

До сих пор он не проронил ни слова. Только смотрел на нее во все глаза, будто не узнавая. Но он уже знал, что она женщина, и, вероятно, гадал, как мог не замечать обман долгие годы.

Наконец он хрипло буркнул:

— Тебе нельзя оставаться здесь. По всему кварталу рыщет один опасный тип, охотится за тобой.

— Знаю. — Дэнни присела напротив него за кухонный стол. Этот стол повсюду кочевал за Даггером. И Дэнни вдруг поняла, что он воспринимал его как свой кабинет и трон. Отсюда Даггер отдавал приказы и устанавливал правила. Ему бы не помешал настоящий кабинет.

Так она и сказала:

— Тебе бы свой кабинет, Даггер. Почему ты не занял какую-нибудь спальню?

Он фыркнул:

— Как будто у нас тьма свободных спален! Не увливай.

Заметив, что нос у него стал кривым, Дэнни кивнула на него:

— Очень болит?

— Сначала кровь хлестала ручьем. Тот тип сломал, который тебя ищет.

— Да, Люси говорила.

Даггер бросил недовольный взгляд на подсевшую к ним Люси.

— Я знала, где она работает. Если бы знал и ты, ты бы проболтался тому бандиту.

— Это уже не важно, — перебила Дэнни. — Он нашел меня. Теперь он мертв, так что о нем можно забыть.

— Ты прикончила его?!

Дэнни покачала головой и объяснила:

— Погиб сам, когда пытался убить меня, попался и бросился бежать. А лорд, который его нанял, сам угодил в тюрьму, так что больше сюда никого не подошлет.

— Лорд? — воскликнул Даггер. — Дэнни, во что ты опять вляпалась?

— Ни во что. Это за мной гонится прошлое. Тот лорд знает, кто я на самом деле. Но он ни за что не скажет, а самой мне не вспомнить. Кажется, он приказал убить моих родителей и меня заодно, но няня сбежала вместе со мной. А потом меня нашла Люси.

Даггер недоверчиво уставился на Люси:

— Ты привела к нам богачку?

— Да нет, я не одна из них, — поспешила заверить Дэнни. — Тот лорд сам оказался вором. Если мои родные имели с ним дело, значит, и они были ничуть не лучше. И он желал всем нам смерти. Как ни крути, это значит, что он нам за что-то мстил.

Люси фыркнула:

— Она была похожа на богачку. Чисто одета, говорила как положено. А лорды вечно враждуют между собой — нам до них нет дела.

Дэнни закатила глаза, мимоходом подумав, что до лордов нет дела не только обитателям трущоб, но и прислуге. Даггер возмущенно обратился к Люси:

— Зачем ты притащила ее к нам? Ты же знаешь правила, черт возьми!

— Она была одна на свете и ничего не помнила, ей едва минуло пять лет. И если ты считаешь, что надо было оставить ее в том грязном переулке, значит, не зря тебе сломали нос!

— Но ты же знала, что она девчонка. Зачем ты мне наврала?

— Помнишь, в то время мы голодали? И ты твердил, что мне давно пора зарабатывать! Я была готова убить тебя, Даггер. И не хотела видеть, как ты будешь гнать на заработки Дэнни. А у мужчин хотя бы есть выбор.

Даггер покраснел.

— Скажи лучше, сколько еще раз мне за это извиняться?

— Ох, замолчи, Даггер! Из меня получилась хорошая шлюха. Но с этим делом я скоро завяжу. Я встретила мужчину, который хочет, чтобы я ублажала только его.

Дэнни вдруг догадалась:

— Того кучера? Люси хихикнула:

— Да, от меня он прямо сам не свой. Хочет жениться — какво? Кто бы подумал?

— Значит, ты тоже уходишь? — подавленно пробормотал Даггер.

Дэнни решила, что пришло самое время заговорить о своей мечте.

— Даггер, а тебе никогда не хотелось устроить настоящий сиротский приют? Нанять для детей учителя, купить настоящие кровати... И Люси наверняка нам поможет.

Он уставился на нее, как на помешанную.

— А ты знаешь, сколько деньжищ нужно на такой приют? Учитель — затея не из дешевых. Да еще постели!

— Это в наших силах, Даггер. Подумай.

— Откуда мы возьмем деньги? Заработаем, что ли?

— Да, как зарабатывала я, — с вызовом заявила Дэнни.

— Тогда чего ты вернулась? — спросил он. — Выгнали?

— Нет, ушла сама. Работа была хорошей, я ее любила. Но слишком привязалась к хозяину, потому и решила уйти.

На глаза Дэнни снова навернулись слезы. Люси подошла и обняла ее за плечи, гневно глядя на Даггера.

— Я здесь не задержусь, Даггер, — продолжала Дэнни, совладав со слезами. — Только оставлю вещи, пока не найду новую работу. Знаешь, я так скучала и по тебе, и по малышам... Ты запретил мне возвращаться, но...

— Тише, детка, — вмешалась Люси. — Мы можем приходить сюда, когда захотим, верно, Даггер?

Последние слова прозвучали так угрожающе, что Даггер только пробормотал что-то себе под нос, схватил шляпу и куда-то ушел — должно быть, в ближайшую таверну. Едва он вышел за дверь, Люси повернула Дэнни к себе, взгляделась в ее покрасневшее от рыданий лицо и снова обняла.

— Бедняжка, ты не беременна?

— Кажется, нет.

— Значит, ты его любишь?

— И ничего не могу с собой поделать. Я думала, чем раньше я уйду, тем легче мне будет но... Боже мой, как это больно!

— И никаких шансов?

— Я объяснила ему, почему ухожу. Но он даже не попытался остановить меня.

— Потому что он знатный лорд? Дэнни покачала головой:

— У него знатная семья, в ней полным-полно лордов и леди, но многие из них презирают условности, в том числе и его отец. Просто он не желает жениться. Он убежденный холостяк и повеса. Я была ему нужна только как любовница.

— А ты, конечно, мечтала о другом?

— Само собой.

— Хотя и знала, что у некоторых мужчин любовницы живут подолгу, как жены?

Дэнни фыркнула:

— Он не из таких. Люси, он так красив, что способен растопить улыбкой даже лед. Ради него женщины лгут и плетут интриги, и все для того, чтобы заманить его к алтарю, а он этого всячески избегает... Но не будем больше об этом. Я мечтаю о семье, а Джереми Мэлори никогда не исполнит мою мечту.

Глава 49

— Лично я не удивлен, — заявил Энтони, пока карета медленно пробиралась по запруженным улицам следующим днем. — Эти тонкие черты лица невозможно не заметить.

Джеймс не преминул ехидно напомнить брату:

— Раньше ты так не говорил.

— Когда ты наконец научишься признавать поражение? Если ты ничего не заметил, это не значит, что все вокруг слепы. Может, тебе пора заказать очки?

— А может, ты давно не получал приглашений в Найтон?

Энтони усмехнулся. В Найтон-Холле собирались любители грубых и жестоких зрелищ. Братья провели там немало часов на ринге, оттачивая навыки кулачного боя.

— С удовольствием приму их в любое время, — ответил Энтони. — Только успокойся. Ты злишься потому, что не ты разгадал эту тайну.

— Но откуда мне было знать, что Джейсон вспомнит какую-то мимолетную встречу двадцатилетней давности? С тех пор он с ней ни разу не виделся.

Энтони рассмеялся:

— Он разозлился на свою дырявую память. Чувствовал, что это лицо ему чем-то знакомо, и потому упорно припоминал, пока не понял, в чем дело. Неудивительно, что он примчался в Лондон, лишь бы похвастаться перед тобой.

— Не передо мной — он двинулся напрямик к Джереми, но мальчишки не оказалось дома. Естественно, Джейсон нанес визит мне.

— Не завидую я тебе. Не хотел бы я узнать, что мой Сын упустил такую добычу.

Джеймс фыркнул:

— У тебя и сына-то нет. А я своему ничего подобного не скажу. Он уже давно не мальчик, пусть

сам решает, как быть. И потом, что значит одно слово Джейсона? Его еще надо проверить.

Энтони хмыкнул:

— Мне чертовски повезло присутствовать во время вашей встречи. Иначе я так бы и не узнал, в чем дело.

— Узнал бы, притом первым. Несчастье легче пережить в компании, не так ли?

Джереми они тоже не застали дома, но в отличие от Джейсона Джеймс знал, у кого расспрашивать о месте пребывания хозяина.

— Уехал искать девчонку, — сообщил ему бывший морской волк Арти. — Она сбежала с корабля.

— Они поссорились?

— Вроде нет. Кухарка говорит, она ушла искать новую работу.

— Куда именно, не сказала? — полюбопытствовал Джеймс.

— Мне — нет, а кухарка передала хозяину, что девчонка сначала хотела зайти домой, а потом искать работу.

— Ну и где нам теперь искать их обоих?

— Нигде, — к удивлению Джеймса, заупрямился Арти, — если не возьмете с собой меня — на всякий случай.

— Конечно, возьмем, а как же иначе? Ну, так куда она ушла?

— Хуже того района нет. Трущобы из трущоб.

— Ты подумал о приюте для сирот, Даггер?

— Нет, — пробормотал он. — На что ты надеешься? Что будет, если у нас ничего не выйдет? Ты дашь мелкоте надежду, а потом отнимешь ее, когда окажется, что мы истратили все до последнего пенни. И на шее у тебя повиснет целая шайка недовольной ребятни. Сейчас они хотя бы ничего не ждут, потому и счастливы. Значит, он все-таки подумал. И высказал резонное возражение. Но слишком уж пессимистично он был настроен. Так у них и вправду ничего не выйдет.

— Сегодня утром я нашла хорошую работу — в первом же месте, куда обратилась.

— И что?

— В богатых районах платят лучше. Если ты найдешь себе дело там же, мы сможем содержать приют. Там, куда я ходила, знати почти нет, только торговцы.

— Об этом забудь, — сердито приказал Даггер. — У меня никогда не было настоящей работы.

— Ошибаешься. Ты управляющий, старший, главный — вспомни, кем ты только не был!

— Я себя знаю и не рвусь туда, где мне не место. А ты ступай. Для трущоб ты слишком хороша.

Чтобы завести приют, надо иметь попечителей.

— А если я их найду, ты согласишься быть директором приюта?

— Конечно, для тебя — всегда пожалуйста. — И он ехидно добавил: — Стало быть, у тебя завелись богатые друзья?

Он был уверен, что у Дэнни ничего не получится. Не стоит и начинать. Но она не из тех, кто сдаётся без борьбы.

— Само собой, завелись.

Дэнни обернулась и ахнула: весь дверной проем занял Джереми. Он смотрел на нее так, словно хотел схватить за плечи и встряхнуть — или обнять. В его глазах смешалось столько чувств, что Дэнни не знала, чего от него ждать. Наконец он отвел от нее взгляд и обернулся к стайке ребят, которые во все глаза тарачились па богача — настоящую диковинку в трущобах.

Бросив одному монетку, Джереми попросил:

— Будь умником, присмотри за моей каретой. Если она окажется на месте, когда я выйду отсюда, получишь еще монету. Если нет — я сам помогу тебе выкопать могилу.

Эти слова вывели Дэнни из оцепенения, она бросилась к двери.

— Он шутит, — заверила она мальчугана, застывшего с разинутым ртом. — Просто посиди в карете, а если к ней кто-нибудь подойдет — зови на помощь. — Она повернулась к Джереми и выпалила ему в лицо: — Как ты меня нашел?

— Пришлось отдубасить того здоровяка из таверны и сунуть ему под нос пистолет, чтобы он рассказал, где обитает ваша компания.

— Ты подрался с ним?!

— Нет, хотя звучит неплохо. — Джереми расплылся в улыбке.

Дэнни не видела в этом ничего смешного, а Даггер вдруг расхохотался. Джереми продолжал:

— Деньги живо развязали ему язык, даже упрашивать не понадобилось. Народ здесь дружный, своих не выдает, — язвительно добавил он.

На смех Даггера из комнаты вышла Люси, увидела Джереми, остолбенела и недоверчиво повернулась к Дэнни:

— Это от него ты ушла? Господи, Дэнни, ты точно спятила!

Дэнни вспыхнула, а Джереми поблагодарил Люси улыбкой и сказал:

— А вы, должно быть, Люси. Знаете, я перед вами в долгу.

Люси заморгала:

— Вы? Это еще за что?

— За то, что все эти годы вы оберегали Дэнни, пока ее не нашел я. Спасибо вам. И вам тоже, —

повернулся он к Даггеру. — За то, что вовремя выставили ее отсюда.

Дэнни застонала, Даггер закашлялся, а Люси сказала:

— Даггер, пойдём-ка посмотрим, что за карета у нашего гостя. Оставим их вдвоем на минутку.

— Только на минутку, — попросила Дэнни, но Даггер и Люси уже скрылись за дверью. Дэнни гневно уставилась на Джереми: — Зачем ты приехал?

— За моей шляпой, конечно. Я же запретил тебе прикасаться к ней.

Этого она не ожидала и, хотя поняла, что он шутит, сердито вышла в комнату Люси, выхватила из мешка шляпу и швырнула ее Джереми. Он подхватил ее и вручил Дэнни.

— Вот. Теперь она твоя, можешь оставить ее себе. — И он схватил Дэнни в объятия и зашептал: — А ты — моя. Господи, Дэнни, не вздумай больше так меня мучить!

В сильных объятиях она задыхалась, но не пыталась вырваться, наслаждаясь его прикосновением. Рассудок неожиданно победил, и Дэнни оттолкнула Джереми. Он покорно отступил, но так, чтобы привлечь ее к себе одним движением.

— Напрасно ты приехал сюда, — сказала она.

— Хорошо, что вообще приехал. Я бы подоспел раньше, если бы все вокруг не развлекались на свой лад, посылая меня не в ту сторону.

— Меня могло здесь не оказаться. Я зашла за вещами. У меня теперь новая работа.

— Можешь о ней забыть. Ты поедешь догмой. Туда, где твое место.

Дэнни мысленно застонала. Как радостно было слышать эти слова! «Где твое место...» Если он вздумал сломить ее решимость, придется выдержать настоящий бой.

Она отвернулась, пряча глаза.

— Я не передумаю, Джереми. Мне нужно гораздо больше, чем ты согласен мне дать.

— Если бы ты не сбежала, не дослушав... Она возмущенно обернулась.

— Я не сбежала! Я объяснила, что держит меня в твоём доме, а ты пропустил мои слова мимо ушей. Ты позволил мне уйти!

Он прищелкнул языком.

— Ты просто застала меня врасплох, дорогая, да ещё таким предложением. Никак не можешь забыть, что ты уже не мужчина? Да будет тебе известно, я пережил страшное потрясение!

— И поделом тебе. Ты же знал, чего от меня можно ждать. Я предупреждала тебя, объясняла, к чему стремлюсь, и намекала, что скоро уйду туда, где смогу добиться своего.

— Я думал, твоё «скоро» — это несколько лет. Дэнни фыркнула:

— Значит, словарь нужен тебе.

— Мне нужна ты. Поедем домой...

— Не смей! — выкрикнула она в слезах. — Уходи, Джереми. Ты зря теряешь время, убеждая меня вернуться. Этого не будет. Не трудись напрасно, уезжай.

— Я приехал, чтобы извиниться и обсудить свадьбу.

— Чью?

— Мою, конечно, глупышка.

Дэнни в бешенстве замахнулась, целясь ему в глаз. Джереми сумел увернуться.

— Черт возьми, что на тебя нашло?

— Этим не шутят, Джереми Мэлори. Поверить не могу, что ты способен на такую жестокость! Убирайся! И больше не вздумай меня искать!

Но вместо того чтобы подчиниться, он снова рывком прижал ее к себе, обнял так, что она не могла пошевелиться. Негодяй! Он и не думал раскаиваться!

Он беспечным тоном осведомился:

— Это означало «да»?

Дэнни принялась вырваться, и он усмехнулся.

— Даже не пытайся, дорогая. Поскольку я никому не собирался предлагать руку и сердце, само собой, у меня ничего не вышло. Но ты же хорошо меня знаешь и должна понять: этим я никогда не шучу.

Она замерла. Да, он действительно не терпел подобных шуток. Все еще не веря, что это правда, она спросила:

— Но почему?.. Я же знаю, ты убежденный холостяк. Ты сам говорил об этом. Почему же теперь передумал?

— Потому, что ты упрямец. Потому, что ты об этом мечтаешь, а я хочу, чтобы ты была счастлива. Потому, что я люблю тебя. Потому, что без тебя мне незачем жить — еще одной разлуки я не перенесу. Потому, что я хочу просыпаться рядом с тобой каждое утро, а не когда мне повезет. Потому, что ты создана для меня, Дэнни. Неужели у меня мало причин взять тебя в жены? Тот же вопрос я задал себе и понял, что их более чем достаточно. Я не знал, что влюблен в тебя, пока ты была рядом. Хорошо, что ты помогла мне во всем разобраться. Так ты выйдешь за меня и будешь моей?

Дэнни изумленно смотрела на него.

— Это правда? Ты любишь меня?

— Так, что не высказать словами.

За спиной Джереми послышался голос Энтони, только что вошедшего вместе с Джеймсом:

— Нас предупредили, что вам нельзя мешать... Чертовски неловко слышать этот лепет.

Джереми заулыбался отцу и дяде.

— Поздравьте меня! Дэнни согласилась стать моей женой. — И он шепнул ей: — Ты ведь согласна?

— Да, — шепнула она. — Можешь не сомневаться.

— Чтоб мне провалиться! — с чувством выпалил Джеймс. — Даже не думал, что услышу такое, когда Джейсон явился поделиться известием. Значит, все самое трудное уже позади.

— Ты о чем?

— Джейсон знает, кто она такая.

— Знает, что она выросла здесь?

— Нет, кто она на самом деле.

Глава 50

Обочины дороги, ведущей в Сомерсет, сплошь заросли пестрыми полевыми цветами. Путь был неблизкий и занял целый день и утро следующего. Но Дэнни ничего не замечала. Казалось, она окружена волшебной дымкой, непроницаемой для внешнего мира.

Этой дымкой было счастье. Ничего подобного она никогда не испытывала. Джереми любит ее. Он женится на ней. Он исполнит все ее мечты. Большого она не могла и желать. Только глубоко спрятанный в душе страх тревожил ее. И порой он заставлял забыть о счастье.

Дэнни боялась, что Джейсон Мэлори ошибся. А если он прав, может, ее матери уже нет в живых. В последний раз ее видели в Сомерсете, в поместье ее родителей, но пятнадцать лет назад она будто сквозь землю провалилась. Если она умерла, значит, поездка была напрасной. А если Эвелин Хилари еще жива, захочет ли она признать дочь? Кроме сходства, у нее нет никаких доказательств. С какой стати знатной леди, дочери графа и вдове барона, признавать свое родство с какой-то уличной оборванкой?

Джеймс Мэлори сопровождал их — по собственному настоянию.

— Теперь, когда мы все знаем, ей необходима компаньонка, — заявил он сыну.

Джереми остался недоволен, и Дэнни посмеялась бы над ним, если бы не ее опасения. Никто еще ничего не знает наверняка, все это одни догадки. Если Эвелин Хилари довелось пережить такую же трагедию, что и Дэнни, это ничего не значит. Мало ли в жизни совпадений!

— Она не видела, как погиб ее муж Роберт. Они вдвоем ненадолго приехали в Лондон, а потом ее вызвали обратно в Сомерсет — кажется, что-то случилось с ее бабушкой. Об этом убийстве писали во всех газетах: какой-то безумец ворвался в их лондонский особняк и устроил настоящую бойню. Погибли ее муж Роберт и несколько слуг. Дочь и ее няня бесследно исчезли, но, судя по следам крови повсюду, их тоже убили, только зачем-то унесли трупы. Поскольку остальные трупы остались в доме, а эти пропали, убийцу объявили безумным. Все случившееся просто не имело ни малейшего смысла.

— А ты почему не узнал ее? — спросил Джереми у отца. — Или тебя в то время не было в Лондоне?

— О, это целая история, — усмехнулся Джеймс. — Помню, как я был разочарован — оттого, что так и не познакомился с леди Эвелин. Но ее первый светский сезон закончился, не успев начаться: она побывала лишь на одном званом вечере, где с ней и встретился Джейсон. Очевидно, Роберт Хилари познакомился с ней раньше и последовал за ней в Лондон, чтобы сделать предложение. Она приняла его и в тот же день вернулась домой. Молодожены поселились в своем поместье в Гемпшире, где у них родилась единственная дочь. Иногда они бывали в Лондоне, но редко выезжали в свет, поэтому леди Эвелин почти никто не запомнил.

Все это Дэнни слушала лишь краем уха. Связать эту историю с собой ей пока не удавалось. И страх не отпускал ее.

Присутствие Джереми отчасти утешало ее, всю до-рогу он обнимал ее за плечи. Иначе Дэнни просто лишилась бы чувств. Чем ближе они подъезжали к Сомерсету, тем сильнее сжимал сердце страх. Остановись сейчас карета, она выскочила бы и бросилась бежать в обратную сторону.

Дом в поместье, к которому они наконец подъехали, был великолепен: трехэтажный, с двумя боковыми крыльями пониже, из темно-серого камня, со стенами, увитыми плющом. На безукоризненно ухоженных лужайках перед домом возвышались старые дубы. Страх Дэнни только усилился. Впервые в жизни она видела такой громадный особняк.

Внутри их не пустили. Дэнни вздохнула с облегчением, узнав, что леди Хилари никого не принимает. Дворецкий был непоколебим. Фамилия Мэлори для него ничего не значила.

Дворецкий уже собирался захлопнуть дверь перед их носом, когда Джереми в ярости поставил перед собой Дэнни — все это время она пряталась у него за спиной.

— Надеюсь, леди не откажется принять родную дочь! — рявкнул он.

Суровый дворецкий при виде Дэнни медленно покрылся мертвенной бледностью. Спустя несколько ми-нут он срывающимся голосом произнес:

— Входите. Миледи в саду за домом. Я...

— Просто покажите, куда идти, — раздраженно перебил Джеймс.

В саду хозяйки дома не оказалось. Один из садовников указал на круглый пруд среди деревьев и объяснил, что леди часто гуляет там.

Джереми пришлось буквально тащить Дэнни за руку. Она отчаянно упиралась. Джереми остановился, увидел, как она бледна, и ласково обнял.

— Я не могу! Отвези меня домой, — взмолилась она.

— Чего ты боишься?

— Она меня возненавидит — за то, что я похожа на ее умершую дочь. Нам уже никогда не стать родными.

— Пока мы не встретимся с ней, мы ничего не узнаем. — И он добавил нежно: — В любом случае у тебя останусь я.

Дэнни была готова растаять. Счастье, вытесненное страхом, снова окутало ее и придало

смелости.

Они зашагали по узкой тропинке вдоль пруда к тому месту, где их ждал Джеймс. Чтобы отвлечь спутницу, Джереми спросил ее:

— А поместье ты не узнаешь?

— Нет, нисколько. Слишком уж оно огромное.

— Да нет, наоборот — маленькое.

— Ну да, рассказывай!

— Честное слово, маленькое и уютное.

Дэнни фыркнула и вдруг затаила дыхание. По лугу, заросшему цветами, шла дама с серебристо-белокурыми волосами.

— Господи, Джереми, это же мой сон! Я была здесь... с ней!

На этот раз она наотрез отказалась сдвинуться с места. Джеймс двинулся вперед, Джереми почти понес Дэнни.

Хозяйка поместья медленно брела по лугу спиной к ним. Она так задумалась, что ничего не слышала.

Первые слова Джеймса заставили ее вздрогнуть, она обернулась.

— Леди Эвелин, позвольте представиться: Джеймс Мэлори к вашим услугам. С моим старшим братом Джейсоном вы познакомились много лет назад.

— Не помню. И я никого не принимаю. Прошу вас уйти, сэр. Вы мне мешаете.

Она повернулась и прошла мимо. На Джеймса она даже не взглянула, а Джереми и прячущуюся за его спиной Дэнни просто не заметила. Расспрашивать, кто они такие и как прошли мимо дворецкого, леди не собиралась.

— Давайте уйдем, — с дрожью прошептала Дэнни. Джеймс услышал ее.

— Черта с два! — тихо отозвался он и окликнул удаляющуюся леди. — Мы проделали долгий путь из Лондона не для того, чтобы услышать отказ. Можете не обращать на меня внимания, но взгляните хотя бы на невесту моего сына. Она поразительно похожа на вас.

Леди обернулась, почему-то ничуть не удивившись словам Джеймса. Наоборот, она пришла в ярость.

— Не пытайтесь одурачить меня, сэр. Я уже не настолько доверчива. Вы не единственный, кто привез ко мне пропавшую дочь, чтобы завладеть поместьем моего мужа. В первый раз я была убита горем. Вторая попытка меня насторожила, но мне по-прежнему хотелось верить, что я нашла дочь. После третьей попытки я потеряла всякую надежду. А вы знаете, что такое потерять надежду?

— Пожалуй, нет. Но мы ни в чем не собираемся вас убеждать. В этом нет необходимости. Эта девушка скоро войдет в мою семью. Мы сами позаботимся о ней, от вас ей ничего не нужно.

— Тогда зачем же вы пришли?

Джеймс пожал плечами:

— Она всю жизнь мечтала найти мать. А я уже начинаю думать, что лучше бы не нашла никогда.

Леди замерла. Дэнни обрушилась на Джеймса:

— Не решайте за меня, приятель. И не оскорбляйте ее. Джеймс вскинул брови и сухо осведомился:

— Значит, больше ты меня не боишься?

Дэнни покраснела и снова спряталась за спиной Джереми. За слова «мы сами позаботимся о ней» она была безмерно благодарна Джеймсу Мэлори. Она и вправду больше не боялась его. Но посмотреть в лицо матери не могла.

Эвелин услышала ее, увидела за спиной Джереми широкую юбку, уставилась на него и спросила:

— Почему она прячется?

— Боится услышать, что она вам не нужна, — объяснил Джереми. — Много лет назад она потеряла память. Лишь недавно воспоминания начали возвращаться.

— Умоляю, пощадите! — страдальчески воскликнула Эвелин. — Истории о якобы потерянной памяти я слышала много раз.

На это Джереми не ответил. Он повернулся к Дэнни и взял ее за подбородок.

— Ну, решайся. Она может пожалеть обо всем, что наговорила.

— Или прогонит нас.

— Пускай. Мы вернемся домой, поженимся, родим детей. — Он усмехнулся. — Если ты не против, давай сразу со всем покончим. Незачем оттягивать неизбежное.

Дэнни застонала. Конечно, он прав. Чем дальше она прячется, тем сильнее подступает к горлу тошнота. Она вышла из-за спины Джереми и увидела сердитое лицо матери. И у нее на миг остановилось сердце.

Эвелин уже приготовилась к новому разочарованию и была сердита на визитеров, вздумавших обвести ее вокруг пальца. Но, всмотревшись в лицо Дэнни, она вздрогнула, от неожиданности потеряв дар речи. Она видела себя двадцатилетней, видела ребенка, которого считала погибшим.

Худшие опасения Дэнни сбылись. Она отвернулась, обняла Джереми и уткнулась лицом ему в грудь.

У нее перехватило горло, и она едва выговорила:

— Увези меня домой.

Плакать она не собиралась. Только не в присутствии Эвелин Хилари. Позднее.

— Дэнни!

Она обернулась. Мать протягивала ей руку. Ее потрясение было очевидно: лицо покрывала бледность.

— Господи, Дэнни, неужели это и вправду ты?

Слезы хлынули разом. Дэнни сделала навстречу Эвелин шаг, другой, всхлипнула и упала к ней в объятия, содрогаясь от рыданий. Она узнала ее запах, нежность кожи, ласку рук. Дэнни вспомнилось, как ее здесь любили. Она вернулась домой.

Глава 51

Гостиная была просторная, но скромно обставленная, чистая, но явно пустующая. Эвелин и Дэнни устроились на диване, Джереми — в кресле напротив них. Джеймс отошел к холодному камину, наблюдая и вмешиваясь в разговор по мере необходимости.

По пути к дому Эвелин держала Дэнни за руку и теперь не отпускала ее. Каждый раз, взглянув на Дэнни, она заливалась слезами, поэтому старалась смотреть на Джереми. Дэнни тоже плакала и никак не могла успокоиться. У нее есть мать. Есть фамилия и прошлое. Она все еще боялась вдруг проснуться — происходящее было таким прекрасным и невероятным, что походило на сон.

Дэнни уже объяснила, где она пропадала долгие годы. Эвелин немедленно пожелала узнать всю ее историю, выслушала ее и, похоже, не удивилась. Теперь ей стало ясно, почему ее поиски Дэнни ни к чему не привели: искать девочку в трущобах ей и в голову не приходило.

— А я думала, ты погибла, — призналась Эвелин. — После долгих лет поисков я потеряла последнюю надежду. А потом поместье начали осаждают самозванки. У всех троих были твои глаза, но больше никакого сходства со мной или с твоим отцом. Цвет волос со временем может измениться, черты лица — тоже, но только не глаза. Самозванок готовил к роли кто-то, кто хорошо знал мою семью.

— Сколько, говорите, их было? — спросил Джереми.

— Три. Первой девочке было всего десять лет, она обманывала меня дольше всех. Через пять лет явилась другая. Еще через два — третья. Мне казалось, их находит и обучает кузен Роберта — он давно мечтал завладеть его поместьем и титулом. Когда его попытка объявить Дэннет мертвой провалилась, он прибег к последнему средству — нашел новую Дэнни, которой он мог управлять или от которой мог избавиться, чтобы доказать, что ее нет в живых.

— Я как раз об этом думал, — признался Джереми. — После пятнадцати лет поисков Дэнни по закону должны были объявить умершей.

— Он добивался этого и пришел в ярость, когда его прошение отклонили. В то время еще была жива моя бабушка, а она дружила с судьей.

— Кузен — единственный родственник вашего мужа?

— Да. Они приходились друг другу троюродными братьями, к тому же сводными, потому титул и должен был перейти к Дэнни и ее детям. Но кузен добился бы своего, если бы провозгласил

ее умершей прежде, чем у нее появятся свои дети. У тебя нет детей? — спросила она дочь.

Дэнни покраснела.

— Пока нет.

— Но скоро будут, — с усмешкой подхватил Джереми. Эвелин вздохнула:

— А отложить свадьбу нельзя? Я только что нашла ее и теперь опять теряю...

— Нельзя, зато вы можете поселиться у нас в Лондоне, — предложил Джереми.

— Благодарю за великодушное предложение, — отозвалась Эвелин. — Но докучать новобрачным я не стану. А в Лондон переберусь, чтобы почаще видеться с Дэнни. Наш прежний городской дом разрушен. Как вспомню, что там случилось... — Она вздрогнула. — Но я могу отстроить его заново. Земля по-прежнему принадлежит мне.

— А я тот дом совсем не помню, — призналась Дэнни.

— И неудивительно. В тот раз мы впервые привезли тебя в Лондон. Несколько дней мы ходили за покупками, а еще няня водила тебя гулять в парк. Поэтому дом ты и не успела запомнить. А потом явился убийца. Я тоже погибла бы в ту ночь, если бы моя бабушка, не сломала ногу. Мы с ней были очень близки; кроме меня, у нее никого не осталось. Мои родители умерли, когда я была еще девочкой, меня вырастила бабушка. Поэтому я поспешила к ней на помощь.

— Значит, вы в то время были здесь?

— Еще не успела добраться до поместья — из Лондона я выехала в разгар дня. Но страшные вести вскоре донеслись до меня. Я чуть не обезумела от горя. Роберта я любила всем сердцем. Мы знали друг друга с детства. Его фамильное поместье находилось неподалеку от нашего. В Лондон я отправилась только для того, чтобы поторопить его. К тому времени мы уже любили друг друга, но он это не сразу понял. После трагедии меня поддерживала лишь одна мысль — что Дэнни могла выжить. Хуже всего было не знать, где она теперь и что с ней.

— Мисс Джейн разыскала бы тебя, если бы сама не погибла, — заверила Дэнни.

— О, я знаю! Она была славная женщина. И поскольку она пропала, оставалось только смириться с потерей. Спустя некоторое время я поняла, что с ней что-то случилось, а ты, совсем малышка, не нашла дорогу домой. Но я и предположить не могла, что ты потеряла память!

— Воспоминания стали возвращаться ко мне с тех пор, как я познакомилась с Джереми. Я вспомнила парк, в котором играла. И даже свое полное имя, хотя оно мне не понравилось.

Эвелин засмеялась:

— Мне тоже. Так звали мать Роберта, вот мы и решили назвать тебя в честь ее. Но Роберт первым начал звать тебя Дэнни.

Дэнни улыбнулась и робко продолжала:

— А еще я видела человека, который пытался убить меня пятнадцать лет назад, когда он разыскал меня и чуть не прикончил.

Эвелин побледнела.

— Когда это случилось?

— Совсем недавно. Его спугнули, он бросился бежать и сам погиб, поэтому мы не узнали, кто он такой.

Эвелин вздохнула:

— Я всегда подозревала, что убийцу подослал кузен Роберта. Только ему была выгодна смерть моего мужа. Он всегда недолюбливал Роберта. Но доказать это не-возможно. В тот день кузена даже не было в Лондоне.

— Как его фамилия? Случайно, не лорд Джон Хеддингс?

— Да, Джон Хеддингс, но никакой не лорд... Но откуда ты знаешь? Ты же никогда с ним не встречалась. После того как ты родилась, он окончательно возненавидел Роберта, мы никогда не упоминали его имени. Я сама видела его лишь несколько раз, перед свадьбой. В присутствии Роберта его злоба становилась почти осязаемой. Он даже не пытался скрыть ее.

Джереми объяснил:

— Он жил в особняке неподалеку от Лондона и выдавал себя за лорда. Усомниться в его словах никто не решался. В последние несколько лет он часто играл в карты и воровал драгоценности — этим и обеспечивал себя.

— Он тоже пытался меня убить, — добавила Дэнни. — Сначала мы хотели поймать его с поличным, уже зная, что он вор. Но он узнал меня — точнее, узнал во мне тебя и понял, кто я такая. И выпалил, что человек, которого он подсылал убить меня, не справился с этим делом ни пятнадцать лет назад, ни сейчас. Хеддингс задушил бы меня, не подоспей Джереми вовремя. Тогда я и поняла, что Хеддингс — виновник всех моих бед. Но почему он ненавидит меня, не могла догадаться.

— Господи, значит, я не ошиблась! — ахнула Эвелин. — Я подам на него в суд!

— Вам придется становиться в очередь, — вмешался Джеймс. — Его уже взяли под стражу за воровство и за покушение.

— Тогда я обвиню его в убийстве мужа. На этот раз он поплатится. Это он виноват в смерти моего Роберта!

— Уверяю вас, леди Эвелин, его дни сочтены, — отозвался Джеймс. — Моя семья охотно поддержит вас, ведь Дэнни скоро будет нашей родственницей.

— Еще одно напоминание, что скоро я ее потеряю... Но до свадьбы она непременно должна пожить у меня. Или все-таки отложим свадьбу?

Услышав слова «должна пожить у меня», Джереми невольно застонал и твердо заявил будущей теще:

— Ни в коем случае.

Эвелин укоризненно покачала головой, Дэнни улыбнулась жениху, а матери сказала:

— Знаешь, я бы тоже не согласилась.

— Ты его любишь? — тихо спросила Эвелин.

— Да, всем сердцем.

Джеймс закатил глаза и сухо заметил:

— Не время сентиментальничать, дети. Кстати, переночевать в общей спальне даже не надейтесь. К роли компаньонки я отношусь со всей серьезностью.

И еще раз страдальческий стон издал Джереми.

Глава 52

Они поженились в конце августа. Объявления о свадьбе дали в графстве Эвелин и в Лондоне, поразив весь свет. Правда, в столице ходили слухи, что Джереми ухаживает за какой-то красавицей Лэнгтон, но никому и в голову не приходило, что он готов связать себя брачными узами.

Регина Идеи ринулась в бой: объяснить, почему Дэнни сначала представили свету как родственницу Келси Лэнгтон, а оказалось, что она дочь Эвелин Хилари, было непросто. Но Реджи выкрутилась, заявив, что забыла упомянуть, что Лэнгтоны удочерили Дэнни и вырастили ее, поскольку в то время не знали, что у нее есть мать.

Свадьба была великолепна. После долгих лет тоскливых раздумий о том, что ей уже никогда не радоваться свадьбе дочери, Эвелин с жаром взялась устраивать свадебный пир и превзошла себя.

Дэнни предложили на выбор новое платье любого фасона или платье, в котором венчалась сама Эвелин. Никогда не заглядывавшая так далеко вперед, Дэнни растерялась, подумала и решила остановить выбор на платье матери. А платье было изумительное: из льдисто-голубого атласа, с нежным, как шелк, кружевом. Дэнни оно пришлось точно впору. Она не сразу заметила, что с матерью они одного роста. Именно поэтому Эвелин не любила появляться в свете и покинула Лондон сразу после того, как Роберт сделал ей предложение. Своего роста она всегда стеснялась. Но Роберт был еще выше, так что Дэнни унаследовала рост обоих родителей.

До свадьбы они с матерью успели подружиться так, словно и не расставались. Они окружили друг друга заботой и любовью и чувствовали себя совершенно непринужденно. Эвелин хотелось наверстать упущенное, узнать, как проходили дни и годы ее дочери. Они без умолку болтали, иногда все ночи напролет, смеялись и плакали, делились воспоминаниями, в том числе и о первых годах жизни Дэнни. У Дэнни замирало сердце: как хорошо снова быть рядом с мамой!

Она чуть не плакала от счастья, а Джереми — от досады. Его просто попросили уехать! Объяснили, что с ним Дэнни пробудет до конца своих дней, так что он вполне может подождать еще несколько недель. Мрачный и недовольный, он каждый день писал Дэнни письма, хотя читать она пока не научилась. Посыльному, с которым он отправил первое письмо, было велено передать Дэнни, что Джереми сам прочитает ей все письма до единого после свадьбы. Но, замороженный улыбкой Дэнни, посыльный обо всем забыл. Поэтому мать читала Дэнни письма каждый день, то и дело краснея, а Дэнни ошеломленно слушала, понимая, как глубока любовь Джереми к ней.

Он и вправду сходил с ума от любви. Дэнни не знала, поверит ли в это когда-нибудь. Расставание измучило его, он даже признался, что впервые в жизни напился. Правда, сам он в этом сомневался, но его догадку подтверждали отец, двое дядюшек и Перси.

Эвелин удивила Дэнни, послав за Даггером, Люси и всеми детьми. Их привезли из Лондона в трех экипажах. Заразившись идеей Дэнни, Эвелин решила устроить в поместье приют для сирот. Оба соседних поместья Роберта теперь принадлежали Дэнни, в одном из них дом был особенно уютным. Даггер стал главой приюта, но должен был отчитываться перед Эвелин.

Они поладили не сразу. Даггеру было неловко служить у важной леди, а она расстраивалась, что именно этот человек воспитал ее дочь. Порой между ними вспыхивали бурные ссоры, но в конце концов они научились быстро мириться и приходиться к согласию.

На свадьбу пригласили и слуг Джереми — ведь Дэнни считала их друзьями. Она решила предложить Клэр сменить работу, в надежде что ей понравится воспитывать детей. И Дэнни не ошиблась: Клэр охотно согласилась, хотя и поскандалила с Даггером в первый же день. Но рано или поздно с ним все уживались, а запугать Клэр было не так-то просто.

На свадьбе, в элегантном костюме, Даггер преобразился. По такому случаю он побрился и стеснялся самого себя. Дэнни вспомнила, как много лет считала его родным. Она уже забыла, как Даггер выгнал ее, наоборот, была ему благодарна: если бы не Даггер, она никогда больше не увидела бы Джереми. Именно Даггера она попросила провести ее по усыпанному цветами проходу между креслами в церкви к алтарю.

Разряженная в, пух и прах Люси на церемонии разрыдалась в голос. И Эвелин не сдержала слез. Дэнни сама проронила несколько слезинок под чудесной вуалью, но лишь от радости — клятва верности соединила ее с Джереми навсегда. Ей достался хоть и не тот порядочный муж, о каком она мечтала, но любимый, самый завидный холостяк всего Лондона. И он всецело принадлежат ей.

До свадьбы Джереми ее так и не увидел. Накануне вечером Дэнни отправили спать пораньше — утро предстояло хлопотливое. А когда ее подвели к алтарю и священник объявил ее и Джереми мужем и женой, поцелуй затянулся так надолго, что кое-кто из гостей начал многозначительно покашливать. Поцелуй прервал отец Джереми, с силой хлопнув сына по спине, чтобы поздравить. И чуть не сшиб обоих новобрачных с ног.

На свадьбу явились все члены клана Мэлори, в том числе и дети, на этом настояла Дэнни. Оказалось, что семья гораздо больше, чем ей представлялось. Так сбылась еще одна ее мечта — иметь огромную семью. Исполнилось, все, о чем она так долго мечтала — за единственным исключением, о котором Дэнни упомянула Джереми поздно ночью, ложась спать в огромной спальне в ее доме, фамильном особняке ее отца, который теперь принадлежал ей. Дэнни не могла дождаться, когда у нее появится сын, к которому перейдут баронский титул и состояние.

Несколько часов молодожены наверстывали упущенные недели. Простыни скрутились в клубок. Наконец Дэнни затихла, обнимая мужа. Она ничуть не устала. И он тоже.

— Надо как следует проветрить весь дом. Здесь все еще пахнет пылью, — сказал Джереми.

Дэнни кивнула:

— Его совсем недавно привели в порядок. Все эти годы дом простоял запертым. — Она подумала и спросила: — Ты хочешь жить здесь?

— Нет. — Он выдержал долгую паузу. — А ты?

— Твой дом мне нравится больше. Там легче убирать.

Он рывком сел и нахмурился:

— Даже не вздумай наводить порядок в доме, Дэнни. Этого я не потерплю. Хватит тебе размахивать метелкой.

Она хихикнула и снова притянула его к себе.

— Я просто пошутила. Я прекрасно сознаю мое положение.

— Хорошо, что я о нем не знал до того, как сделал тебе предложение, — буркнул он. — Иначе я бы ни за что не отважился.

Пришла очередь Дэнни сесть на постели и спросить:

— Это еще почему?

— Да потому, дорогая, что твоя мама не подпустила бы меня к тебе. И мы бы не познакомились, не полюбили друг друга, и я по-прежнему блаженствовал бы в роли холостяка, не подозревая, что без тебя я несчастен!

Подумав, Дэнни засмеялась:

— Она полюбит тебя, как только узнает поближе.

— На это не рассчитывай, детка. Она меня насквозь видит и скоро поймет, что такой негодяй не пара ее дочери. Ты ведь могла бы сейчас носить высокий титул. Об этом мечтают все матери.

— Хорошо бы убедиться самой...

— Как это?

— Стать матерью. — И она прошептала: — Я хочу ребенка, Джереми, твоего ребенка.

Он застонал, сжал ее в объятиях и хрипло прошептал:

— Дэнни, уверяю тебя: это желание я исполню с великой радостью.

— А поскольку и я готова к его исполнению, может, спать сегодня не будем?

— Не только сегодня, но и завтра, и послезавтра, и до тех пор, пока ты не располнеешь.

— А тошнить по утрам меня не будет. Мама говорит, что ее не тошнило, да и мою бабушку тоже.

— То есть это у вас фамильное? Значит, мне есть за что благодарить твою мать.

— Фамильное, — поправила Дэнни.

— Что?

— Это фамильное. — Она просияла. — Оказывается, это приятно — для разнообразия поправить тебя. — И она пробасила, подражая мужу: — А как же!

Джереми покотился со смеху.

mir-knigi.org